

В Ъ С Т Н И К Ъ
Е В Р О П Ы.

ИЗДАВАЕМЫЙ
Михайломъ Катеновскимъ.

Ч А С Т Ъ Х І Х.

М О С К В А , 1805.

ВЪ Университетской Типографіи,
у Любія, Гарія и Полова.

*Съ одобренія Ценсурнаго Комитета , укреж-
деннаго для Округа Императорскаго Москов-
скаго Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ГЕНВАРЬ 1805.

№ 1.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Письмо къ Издателю.

Журналистъ пользуется собственнымъ преимущественномъ назначать для себя кругъ дѣятельности, смотря по своимъ силамъ, большій или меньшій. Предварительно заключивъ условіе съ Публикою и добровольно возложивъ на себя обязанность, онъ непремѣнно долженъ исполнить свое обѣщаніе.

Не пугайтесь суроваго начала. Я читатель самой снисходительной; не принадлежу, слава Богу! къ числу тѣхъ неутомныхъ господъ, которые — или потому, что не берутъ на себя труда взглянуть на программу, или по другимъ причинамъ, непоспешимымъ для рода смертныхъ — требуютъ Эпической Поэмы,

№ 1.

2*

Кодекса законовъ, романовъ ужасныхъ и страшныхъ, или, что все одно, говоря словами Поэша,

Одинъ кричитъ : подай арбуза !

Другой : соленыхъ огурцовъ !

Мы , люди умеренные , узнавъ , что Вѣстникъ продолжается, что сообразно съ его названіемъ , будетъ содержать въ себѣ разныя новости Европейскія въ Липпелерапурѣ и Полистикѣ , переводимыя изъ лучшихъ иностранныхъ Журналовъ , что иногда возвѣспитъ намъ о благодѣтельныхъ подвигахъ любезныхъ нашихъ соотечественниковъ , иногда напомнитъ какое нибудь историческое происшествіе , какой нибудь историческій характеръ , украшающій древность Россійскую — мы искренно тому порадовались. Въ самомъ дѣлѣ , чего лучше ? Не издерживая денегъ на Мониторы и Аргусы , на Минервы и Декады , которыхъ , правду сказать , продаются очень не дешево , не ломая головы надъ пріискиваніемъ въ толстыхъ Лексиконахъ невразумительныхъ словъ и фразъ , не осуждая себя на муку перечитывать двадцать Журналовъ для одного или двухъ сносныхъ сочиненій , вашъ подписчикъ — Н. В. если ли вы , Г. Журналистъ , будете прилѣжны — окинувъ , такъ сказать , однимъ взглядомъ маленькую книжку , узнаете , что дѣлается и что *лишется* въ Европѣ.

Изъ сего предисловія, служащаго вмѣстѣ поздравленія васъ съ новою должностію, можете замѣтить, что я человекъ желающій вамъ добра и успѣховъ въ вашемъ предпріятіи, слѣдственно не сочтете приспартными совѣповъ, копорыми служипъ вамъ буду.

Въ объявленіи нічего не сказано о замѣчаніяхъ на книги, вновь выходящія. Догадываюсь, что вы не хотипте бранипься съ сонмомъ Авторовъ и Переводчиковъ, которые никогда не прощаюпъ тому, кто имѣетъ дерзость явно не соглашаться съ ихъ мнѣніемъ. Всякому вольно думать по своему; но мнѣ кажется, что самой скромной Издапель Журнала, объявляя рѣшительной приговоръ о книгѣ, хочетъ сказать Публикѣ: „еслибъ Сочинитель или переводчикъ одаренъ былъ моимъ умомъ, еслибъ обогащенъ былъ моими свѣдѣніями, то конечно не впалъ бы въ такія погрѣшности.“ Впрочемъ, это не должно служипъ для васъ закономъ; имѣйте только Хрисіанскую любовь къ своимъ собратіямъ, подвизающимся на поприщѣ Россійской Словесности, а особливо къ прудящимся надъ сочиненіемъ Журналовъ. Не ваше дѣло судипъ о періодическихъ изданіяхъ. Какъ безприспартно ни было бы ваше мнѣніе, не всякой читатель согла-

сйтся съ нимъ ; я даже боюсь чтобы на-
смѣшникамъ не показалось, будто вы, оп-
зываясь о Журналахъ съ пренебреженіемъ,
спараешесь выхвалять свой поваръ и скли-
кать купцовъ въ свою лавку.

Журналы раздѣляются на два класса.
Одни, издаваемые для Ученыхъ, слѣд-
ственно для немногихъ, содержатъ въ
себѣ трактаты, диссертаціи, споры, изы-
сканія и тому подобныя сочиненія, весьма
важныя, весьма *полезныя* для тѣхъ чиша-
телей, которые заблаговременно пригото-
вились *пользоваться* ими ; другіе пишут-
ся для всей Публики, не съ намѣреніемъ
учить ее — сохрани васъ Богъ думать,
будто чишатели имѣютъ нужду въ ва-
шихъ наставленіяхъ — но для того, что-
бы занимать ее пріятнымъ образомъ. Вашъ
Вѣспникъ Европы принадлежитъ къ сему
классу ; главное достоинство его должно
состоять въ выборѣ матерій и въ чистотѣ
слога. Будьте осторожны ; не забывай-
те, что ваши чишатели и чишательницы
не всѣ еще увѣрены въ томъ, что Русско-
му полезно читать Русскія книги ; не за-
бывайте, что многіе проспаясь навсегда
съ отечественною Словесностію, есмьли
Авторы и Переводчики согласятся между
собю терзать слухъ ихъ такими словами
и фразами, для уразумѣнія которыхъ на-

добно прибавлять особыя замѣчанія. Упрямство непростибельное — писаль въ вѣкъ Августовъ слогомъ Эннія и Пакувія, въ вѣкъ Людовика XIV слогомъ Монпаня и Маропіа. Антикваріусъ съ удовольствіемъ просиживаетъ цѣлую ночь, чтобы добраться до смысла какогонибудь труднаго изреченія; обыкновенный читатель пугается мѣстъ невразумительныхъ и бросаетъ книгу.

Съ нѣкотораго времени живучи въ прежней столицѣ Княжества Липовскаго, я имѣлъ время познакомиться съ Польскою Словесностію. Новые наши единоземцы не стыдятся не знать лучшихъ Россійскихъ Писателей. Я спросилъ у одного умнаго Поляка о причинѣ неблаговоленія ихъ къ Русскому Парнасу, давъ замѣнить ему, что такое нерадѣніе не дѣлаешь чести Польской націи, и услышалъ отъ него слѣдующее: „Вы сами прошивъ насъ несправедливы. Извѣстны ли вамъ имена Кохановскихъ, Красицкихъ, Нарушевичей, Дмоховскихъ? Можете ли вы сами съ честью для себя похвалиться тѣмъ, что не знаете и знать не хотите нашего языка, образованнаго, пріятнаго, господствующаго въ областяхъ просперанныхъ и многолюдныхъ отъ западной Двины до Днѣстра и Буга, отъ Днѣпра до предѣловъ Бран-

дебургскихъ? Читаете ли наши Журналы, въ которыхъ конечно столько же хорошаго можно найти, какъ во Французскихъ и Нѣмецкихъ? Уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ Польша не завидуетъ древней Греціи и Риму. Еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ Ученые окружали преспола Сигизмунда Августа, ревностнаго покровителя изящной Словесности. Знаменитый Муретъ уже тогда удивлялся просвѣщенію нашихъ праотцевъ и отдавалъ имъ преимущество передъ жителями Италіи. Польша утратила политическое бытіе свое; но пока не умретъ языкъ Польскій, прекрасная отрасль языка Славенскаго, до тѣхъ поръ благодарное потомство будетъ произносить имена Писателей нашихъ съ тѣмъ чувствомъ удовольствія, которое ощущаютъ нынѣ читающіе ихъ бессмертныя творенія. Что я говорю? Сіи самыя творенія суть вѣрные поручители въ томъ, что языкъ нашъ не умретъ во вѣки. Правнуки захотятъ наслаждаться чистѣйшими восторгами, вливаемыми въ душу Поэзіею Нарушевича и Красицкаго, захотятъ вкушать на землѣ блаженство райское — и будутъ учиться языку своихъ прадедовъ (*).

(*) Дмоховскій въ Рѣчи, произнесенной въ публичномъ засѣданіи Варшавскаго Общества любителей Наукъ 12го Декабря 1801 года.

лиль во мнѣ охоту на досугѣ заниматся
 Польскимъ языкомъ. Занимаюсь имъ, чи-
 таю здѣшніе и заграничные Журналы,
 восхищаюсь произведеніями Польской Музы
 и захоочиваю добродушныхъ Поляковъ при-
 ниматся за Рускую Грамматику. Возьми-
 те на себя трудъ споспѣшествовать полез-
 ному моему намѣренію; помѣщайте въ
 вашемъ Вѣспникѣ сочиненія Польскія, въ
 переводѣ, достойныя бытъ извѣстными
 Россійской Публикѣ. Обѣщаюсь доставлять
 вамъ средства къ тому, и сверхъ того со
 временемъ постараюсь сообщать вамъ исто-
 рическія извѣстія, относящіяся до здѣш-
 няго края; онѣ должны бытъ заниматель-
 ны для Русскаго. Литва не одинъ разъ
 была театромъ славныхъ подвиговъ Мо-
 сковскихъ Героевъ; здѣшніе жители не забы-
 ли еще, что и въ семнадцатомъ столѣтіи
 Россія имѣла своихъ Сузоровыхъ. Исторія
 Польская тѣсно соединена съ Россійскою.
 Вашимъ читателямъ безъ сомнѣнія пріятно
 было бы найти въ Вѣспникѣ Европы какія
 нибудь обстоятельство и черты, взятныя
 на примѣръ изъ Исторіи тѣхъ временъ, ко-
 гда великая Княжна Россійская, юная
 Елена, дщерь Ісанна Васильевича и Софіи,
 племянницы Константина Палеолога, оста-
 вля милое отечество и домъ родительскій,
 отправилась со многолюдною свитскою

тѣ Вильну и сопрягла навѣки судьбу свою съ Александромъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, бывшимъ наконецъ Королемъ Польскимъ. Сія родспвенная связь имѣла важное вліяніе на произшесствія временъ послѣдовавшихъ, подала поводъ къ началу войны кровопролитной, и была испочникомъ многихъ бѣдспвій, подобныхъ тѣмъ, какія терпѣла Греція за Елену Менелаеву. Еще прежде, храбрые Гидемины, Олгерды, Витпольды гордились союзомъ съ Домомъ Князей Россійскихъ. Вотъ палистры, откуда можно брать краски для картинъ патристическихъ, на которыя Публиканынъ смотритъ съ особливымъ удовольствіемъ. Изъ любви къ Словесности, я радъ отъ всего сердца служить вамъ слабыми своими способностями; а вмѣсто благодарности требую отъ васъ двухъ или трехъ исправныхъ переводовъ изъ древнихъ Классиковъ.

При нынѣшнемъ состояніи дѣлъ въ Европѣ часть политическая вашего Журнала, по всѣмъ вѣроятностямъ, должна быть занимательною. Война и необыкновенныя произшесствія нашего времени доставятъ вамъ обильную матерію. Горизонты покрыты тучами, грозящими опустошеніемъ: тѣмъ лучше для васъ. Какъ филантропъ, оплакивайте бѣдспвія чело-

вѣческаго рода ; какъ Журналистъ , пользуйтесь *благопріятными* обстоятельствоми. Наконецъ , чтобы вы не подумали , будто я , начавши писать , не знаю какъ окончить , заключаю моимъ почтеніемъ , съ которымъ остаюсь вашъ и проч.

Н. Щ.

II.

Отрывки изъ Журнала одного путешественника , Бѣдущаго изъ Англандіи въ Италію.

(Соч. Г. Коцебу).

Склонность къ переменѣ есть наследственная привычка каждаго человека. Онъ любитъ , чтобы все появившееся скоро исчезало — подобно! ему самому. Счастье , даже счастье наконецъ дѣлается скучнымъ для него. Пресыщенный блаженствомъ Король бросилъ въ море драгоценный перстень — чтобы прервать вѣчное единообразіе своего благополучія. За внезапнымъ несчастіемъ непосредственно слѣдуетъ важное утѣшеніе — чувство *новаго* состоянія.

Но сія склонность иногда удаляется отъ чистаго своего начала , превращается во вредную привычку и рождаетъ многія неудобства. Мнѣ кажется , что въ по-

слѣднѣя сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ спрасъ къ переменамъ — въ великомъ и въ маломъ, опъ законодательства до водевильей — весьма увеличилась въ Европѣ. Правда, опцы наши ломали головы надъ сочиненіемъ лучшихъ законовъ; однакожь ничего не перемѣняли въ тѣхъ, копорымъ повиновались уже нѣсколько сполѣпшій; они лучше любили доказывать справедливость своего мнѣнѣя ссылками на старыя книги, нежели ружьями и шпыками. Опцы наши ходили въ театрѣ, и были крайне довольны, когда въ продолженіе года пощивали ихъ чепырью новыми піесами; напротивъ того, мы, желая видѣть чепыре новыя сочиненія каждой мѣсяцѣ, принуждены бываемъ зѣвать при представленіи многихъ дурныхъ піесѣ, пока попадемъ на одну хорошую. Опцы наши не богаты были Философами; только Вольфъ и Лейбницѣ обращали на себя ихъ вниманіе: мы окружены цѣлыми сонмами великихъ умовъ, копорые съ удивительною опважностію рѣшаютъ задачи нерѣшимыя, и удивляютъ насъ своею остропою. При такомъ изобиліи Геніевъ мы пользуемся удовольствіемъ ежедневно перемѣнять системы — писанныя для вѣчности. Самыя моды на платье въ старину были гораздо поспояннѣе, продолжительнѣе.

Презнія путешествія также не походятъ на нынѣшнія. Отцы наши сидѣли скромно дома и молились, читая списхъ Библейской „чтобы бѣгство ихъ не случилось зимою.“ Даже лѣпомъ они, безъ крайней нужды, не выѣзжали; еслижъ надлежало пуститься въ дорогу миль за двадцать, то прощались съ родственниками и домашними, проливали испочники слезъ и дѣлали духовныя завѣщанія. А теперь — какая розница! теперь вздумавъ ѣхать въ Парижъ или въ Лондонъ, черезъ два дни, или еще скорѣе, садимся въ коляску съ такою безпечностію, съ какою въ старые годы садились въ носилки, желая отправиться въ ближнюю церковь для послѣобѣденнаго отдохновенія. Страснь къ путешествіямъ разпространяется болѣе и болѣе; слѣдственно я не могу отчаяваться дожить до *перехожденія народовъ*, копорья, по моему мнѣнію, производящъ менѣе отъ многолюдства и пѣснопы, менѣе отъ припѣсненія сосѣдей, а по большей части отъ *склонности къ перелѣтѣ*. Ся безпокойная спрасть гонитъ Таширина изъ одной сѣпи на другую; ся спрасть, любезный читатель! гонитъ меня отъ береговъ Балтійскихъ къ заливу Неаполитанскому. Отцы наши издерживали деньги свои на построеніе для внучатъ и пра-

внучать прочныхъ зданій, которыя по прошествіи цѣлыхъ столѣтій еще и теперь не боятся ни времени, ни желѣзнаго лома: мы прапимъ свои на заготовленіе опыповъ для попомсва. Одно лучше другаго; послѣднее имѣетъ многія выгоды передъ первымъ. Дома рано или поздно приходящъ въ ветхость, становящся неудобными для жительсва; опытомъ пріобрѣтенное познаніе никогда не теряетъ своего достоинсва — по крайней мѣрѣ его не нужно вновь переплавливать, какъ старое серебро, когда желаемъ дать ему другую форму. Опытность есть монета, принимаемая во всѣхъ предѣлахъ міра, монета, которой изображеніе никогда не стирается. Правила мудрости, содержащіяся въ книгахъ Царя Соломона, къ сожалѣнію весьма рѣдко читаемыхъ, теперь столько же полезны, какъ и за двѣ тысящи лѣтъ прежде.

Кому будетъ угодно сіи разсужденія, пустословіе, или парадоксы принятъ въ имѣсто апологіи моей склонности къ несправдливости, тошъ очень много одолжитъ меня, попому что я не имѣю другаго задержанія. Впрочемъ, сказанное, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, можетъ служить достаточнымъ одобреніемъ моего предпріянія; слѣдственно смѣло приступаю къ

описанію маленькихъ путейхъ приключе-
ній. Мой обычай извѣстенъ чипапелю .
Я путешествую не въ качествѣ Ученаго ,
не въ качествѣ знамока въ художествахъ ,
но просто — какъ человекъ ; предавшись
влеченію внутренняго чувства , или раз-
положенію души , не спану теряеть вре-
мени надъ пріискиваніемъ красивыхъ вы-
раженій. Публика будетъ моимъ товари-
щемъ въ путешествіи ; иногда будемъ
переѣзжать съ нею города и деревни ,
иногда укажу ей на виды пріятныя , ро-
манпические. Кому нравится планъ мой ,
тѣмъ можетъ идти вмѣстѣ со мною и
забавляться цвѣтами , которыя буду сры-
вать на пути моемъ. Кію недоволенъ
я , тому вольно оспанься дома , или
идти гуляеть — въ ближнюю оранжерею.

И АЛЕКСАНДРЪ — здѣсь рѣчь идетъ
не о томъ грозномъ путешественникѣ ,
которой съ многочисленною дружиною до-
шелъ до предѣловъ свѣта , и наконецъ хо-
тѣлъ построить мостъ для переправы въ
Луну ; нѣтъ , я говорю о Геніѣ Россіи ,
о Которомъ еслибъ знали жители Луны ,
то поспѣшили бы сдѣлать переправу на
нашу планету ; — и АЛЕКСАНДРЪ путе-
шествовалъ по Нѣмецкимъ провинціямъ
Своей Имперіи , конечно не для того ,

чтобы, подобно мнѣ, срывать цвѣты, но для сѣянiя плодовъ, поспѣшно зрѣющихъ подъ благодатнымъ влiянiемъ весенняго солнца. Любвию не лъзя назвать по чувство, которыми пламенѣютъ къ НЕМУ жители Эстляндiи и Лифляндiи; нѣтъ, это истинная *страсть*, живая и пылкая. Я говорю о томъ, чему самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. При напоминанiи ЕГО имени, взоры каждого сiяютъ радостью, чело проясняется, уста прерываютъ печальное молчанiе. ОНЪ пробылъ въ Ревелѣ нѣсколько дней; мнѣ извѣстно, чего стоила жителямъ разлука со Вселюбезнѣйшимъ ГОСУДАРЕМЪ; они плакали — какъ плачутъ, распаваясь съ опцемъ, благодарнымъ, другомъ. Ничю лучше не сбъясняетъ сердечнаго чувства, какъ предложенiе почтеннаго Губернскаго Прокурора Риземана, съ единодушною радостью всѣми одобренное — день, въ которой АЛЕКСАНДРЪ посѣтилъ городъ Ревель, для благодарнаго воспоминанiя торжественно ежегодно угощенiемъ бѣдныхъ. Такъ истинная любовь чтитъ Государей! Сравнимъ благодарное, кроткое АЛЕКСАНДРОВО путешествованiе по Эстляндiи и Лифляндiи съ пышнымъ, торжественнымъ путешествованiемъ нарушителя всемирнаго спокойствiя. Путь сооружаютъ

врата и пирамиды въ честь любимцевъ Фортуны: бѣдные, насыпясь за трапезою АЛЕКСАНДРА, въ продолженіи вѣковъ съ веселымъ духомъ будущъ благословляя Монарха, овладѣвшаго сердцами, между шѣмъ какъ сокрушенныя пирамиды изплѣюшъ поверженные во прахѣ.

Кромѣ спола для бѣдныхъ, я моѣ бы разсказалъ тысячу другихъ обсіпьятельствѣ; тогда слова мои навлекли бы на себя подозрѣніе въ ласкательствѣ; ибо я видѣлъ ЕГО, говорилъ съ НИМЪ, и подобно всѣмъ ЕГО подданнымъ, опѣ перваго до послѣдняго, былъ восхищенъ ЕГО милоспивымъ снизхожденіемъ. Послѣ сего признанія почипаю нужнымъ прервать мое повѣспованіе — не могу говорить о НЕМЪ хладнокровно; жаръ мой никому не покажется спраннымъ. — Еслибъ АЛЕКСАНДРЪ захотѣлъ насладиться верховныхъ удовольствіемъ въ сей жизни, то ЕМУ оставалось бы только, подобно восточнымъ Государямъ, въ одеждѣ прсіплюдима ходитъ между толпою Своего народа. Какія минушы тогда ожидали бѣ ЕГО! — Благо Матери, родившей такою Сына! благо Наставнику, на такой земаѣ сѣявшему! Каждой отгадаетъ, что я говорю о Лагарпѣ.

АЛЕКСАНДРЪ, желая нѣсколькими часами ускоришь свиданіе съ Матерію и

Супругою, оставилъ свисту и пересѣлъ въ легкую, полупокрытую коляску Своего Оберъ-гофмаршала. Я видѣлъ, какъ онъ пріѣхалъ въ Еву, вмѣсто спражи охраняемый любовью народа. Основавшись здѣсь на малое время, ОНЪ предпринялъ дальнѣйшій путь черезъ дикой лѣсъ, ночью — но съ твердою увѣренностію въ душѣ Своей, что любовь бдитъ надъ безопасно-стію ЕГО благодѣтельной жизни. Поспѣлъ онъ, по несчастію упавшій съ козелъ, переломилъ себѣ ногу; человеколюбивый **МОНАРХЪ** съ опеческою нѣжностію принялъ участіе въ положеніи спраждущаго, не прежде отправился далѣе, какъ дождавшись Своего Лейбъ-Медика и поручивъ больнаго его попеченію. Осыпавъ подарками — для Императора дѣло весьма не трудное, весьма обыкновенное; но ожидая подлѣ больнаго, пока пріѣхалъ Врачъ, оживить спраждущаго не деньгами, по обыкновенію знающихъ, но любовію къ человѣчеству — есть рѣдкая, прекрасная черта въ характерѣ Обладателя полсвѣта.

Рига. Въ семъ городѣ, богатомъ и славномъ своею торговлею, путешественникъ видитъ рѣдкой примѣръ связи купеческой промышленности съ изящными искусства-

ни, утонченнаго образа жизни со склонностью къ благотворительности. Здѣсь весьма обыкновенны такія происшествія, о которыхъ въ Германіи пятьдесятъ Журналовъ и газетъ протрубили бы, какъ о чрезвычайномъ явленіи. Не могу опказать себѣ въ желаніи объявить читателю о двухъ поступкахъ нѣкоторыхъ особъ; не имѣя позволенія открыть именъ, удерживаю ихъ въ моемъ сердцѣ.

У одного почтеннаго, всѣми уважаемаго чиновника украдена знавшая денежная сумма (восемь тысячъ рублей, если не ошибаюсь), которая была у него подъ сохраненіемъ. На другой день по утру узнали о пропажѣ, и въ полдень ея деньги уже были присланы въ домъ его отъ людей, которые, не имѣя съ нимъ никакихъ особенныхъ связей, уважали только его заслуги и достоинства. Надѣюсь, что читатель не попребуетъ отъ меня примѣчаній и удовольствуется простымъ, не красивымъ повѣствованіемъ. — Слѣдуетъ другой анекдотъ. Одинъ Врачъ, служившій при публичномъ заведеніи для немощныхъ, умеръ отъ болѣзни, которою заразился, ревностно исполняя должность свою при умирающихъ бѣдныхъ. Добродѣтельный Оберъ-Пасторъ Сонштагъ почтилъ память умершаго прекраснымъ надгробнымъ Словомъ;

обрядъ погребенія представлялъ прогательное зрѣлище ; множество неимущихъ, благодѣшельствованныхъ его помощію, собравшись на церковной дворъ, съ воплемъ и рыданіемъ подняли бездушную трупъ ; слезы ихъ лились въ могилу покойника, благодарные отзвѣвы возносились къ престолу Всевышняго. Послѣ умершаго осталась молодая, беременная вдова съ малымъ достаткомъ. Одинъ почтенный купецъ — прискорбно мнѣ, что не могу назвать его по имени — вызвался принять младенца отъ купели, подарилъ крестнику, осиротѣвшему прежде своего рожденія, четыре тысячи талеровъ Албертовыхъ, съ такимъ условіемъ, которое дѣлаешь сколько же чести уму благодѣтеля, сколько и сердцу его. Онъ отдалъ капиталъ въ проценты ; сумма должна возрастать до пѣти поръ, пока мальчикъ придетъ въ возрастъ отца своего (умершаго сорока лѣтъ съ небольшимъ) — для того, говорилъ почтенный благодѣтель, чтобы сынъ покойника, не надѣясь на сію помощію, собственными трудами старался пріобрѣсти себѣ личное содержаніе ; когда кости отца изымаются въ могилѣ, тогда добродѣтели его принесутъ обильные плоды въ пользу сына. Если же онъ не доживетъ до назначеннаго срока, въ такомъ случаѣ капи-

шалъ достанется двоюроднымъ его братьямъ и сестрамъ. (По несчастію, сбылось послѣднее.) Доброй купецъ не ограничилъ шѣмъ своей благопвирительности. Узнавъ, что вдова рѣшилась продать лошадей своихъ и карету, онъ опредѣлилъ ей пять сощъ палеровъ ежегодной пенсіи, съ шѣмъ однакожъ, чпобы она удержала при себѣ то, къ чему сдѣлала привычку.

Повторяю: Нѣмецкіе и Англійскіе газетеры обременили бы работою своихъ наборщиковъ, еслибъ у нихъ случались такія произшествія. Радуюсь опъ всего сердца, чпо имѣю удовольствіе прежде всѣхъ возвѣстить о сихъ благодѣтельныхъ подвигахъ; я говорю просто: для такихъ объявленій не нужны прикрасы. Чипапель мой, если судьба опредѣлитъ ему быть въ Ригѣ, приближаясь къ городу сему, увидитъ высокія башни не съ однимъ любопытствомъ, съ какимъ обыкновенно смотримъ на вещи незнакомыя; нѣтъ, Рига близка къ его сердцу; онъ вѣдетъ въ городъ съ радостною улыбкою, зная, что въ немъ живутъ люди чувствительные и добрые.

III.

Уборной столнкѣ.

„Амурь! жестокой Амурь! что мнѣ оспалось теперь дѣлань?“ съ жаромъ говорила пожилая Деспина, вспавая изъ-за уборнаго столника: „если опянь появлюсь въ щегольскихъ обществахъ, въ кругу нашихъ молодыхъ выprenниковъ, должна буду сносить ихъ невѣжество, неуваженіе къ моей особѣ. Какая досада! я нѣкогда блистала въ собраніяхъ, украшала ихъ, привлекала къ себѣ толпы обожателей, которые ставили меня образцемъ совершенства, повпоряли слова мои, слѣдовали по снопамъ моимъ; теперь увижу себя оспавленною; едва удастся мнѣ найти одного человѣка, копорой изъ жалости обратитъ на меня свое вниманіе, и сей человѣкъ, увы! долженъ быть какой-нибудь проспякъ!“

Вмѣшавшись въ общество старухъ, занимающихся хозяйствомъ, должна буду — несносная мука! — поминутно слушать похвалы благоразумію и злословію на счетъ любезной молодости; безпреспанно буду имѣть передъ глазами морщиноватыя лица; принуждена буду слушать важные разговоры, скучныя сужденія. Отказавшись отъ нарядовъ, вмѣсто мод-

ныхъ робъ , вмѣсто блестящихъ бездѣлушекъ , вмѣсто богатыхъ кружевъ , должна буду надѣть печальное плаще лицемѣрныхъ богомолковъ .“

Такъ разсуждала Деспина , подперши голову рукою и устремивъ на полъ приспальные взоры . Вдругъ — какое счастье! — отворяется дверь , докладывая о прѣзжемъ ; сердце ея препенетъ : она видитъ входящаго Валера , прекраснаго молодого человека съ умнымъ лицомъ , и называющаго ее *милою сестрицею* . Валеръ въ самомъ дѣлѣ былъ дальній родственникъ людей , нечужихъ Деспинъ . Недавно вышедъ изъ училища и желая познакомиться съ свѣтомъ , онъ поспѣшилъ сдѣлать посѣщеніе Деспинъ . Смотря на его любезную неловкость , на его боязливую спыдливость , шопчасъ можно было угадать , что онъ не совсѣмъ образованъ , слѣдственно хранилъ еще драгоценный цвѣтъ невинности , споль уважаемый женщинами .

Деспина , съ давняго времени опытная въ шонкомъ искусствѣ налагать цѣпи , шопчасъ разставила сѣти свои для уловленія молодого Валера . Можно ли было долго пропивишься плабняющимъ взорамъ , воспламеняющимъ шблдвиженіямъ , неумышленнымъ намекамъ , споль опаснымъ для молодого человека , которой до сихъ

исрѣ видѣлъ передъ собою только угрюмое лицо Профессора? Искусная Деспина поспрачными воспорагами ободряла ученика своего, поспрогимъ молчаніемъ охладыла въ немъ раждающійся пламень; особливо же спаралась скрывать подъ непроницаемою завѣсою тайны девять пропекшихъ своихъ люспровъ. Деспина очень хорошо знала, что продолжительный миръ усыпляетъ, что любовь погасаетъ, если пламень ея не раздувается маленькими ссорами, знала и не пропустила симъ воспользоваться. Въ одинъ щаспливой день наша вдовушка сильно разгнѣвалась, кричала, шумѣла, бранилась, и трепещущій пѣнникъ ея благоговѣетъ передъ приходящею повелительницею и лобызаетъ свои оковы.

Такимъ образомъ бѣдной Валеръ сдѣлался, самъ не зная какъ, важнымъ преступникомъ. Въ проспотѣ сердца считающая слабость свою грѣхомъ непроспительнымъ, онъ провелъ ночь въ спрашномъ безпокойспетѣ; дождавшись утра, съ трепетомъ, съ блѣднымъ лицомъ, бѣжитъ къ Деспинѣ. Спавни оконъ въ ея спальнѣ были еще закрыты. Валеръ удаляется, смотритъ на часы, возвращается, опять приходитъ къ дому, опять возвращается, и повпоряетъ это двадцать разъ.

Наконецъ , по прошествіи трехъ часовъ , неумолимая дверь опирается. Валеръ , старающій опъ любви , мучимый неперпнїемъ , лешитъ вверхъ по лѣстницѣ ; въ ослѣпленіи своемъ онъ забылъ , что въ спальнѣ богини еще царствуетъ ночное молчаніе , и добрался до первыхъ комнатъ , не бывъ никѣмъ примѣченъ. Сердце его бьется ; все прогааетъ его , все привлекаетъ его вниманіе ; не мудрено : ибо все , что онъ ни видитъ , имѣетъ счастье принадлежать и нравиться обожаемой Деспинѣ. Вдругъ онъ останавливается и задумывается , вспомнивъ о непристойности быть такъ рано въ семь мѣспѣ. Что дѣлать ? идти ли ? показаться ли ? или спрячаться ? Раздался небольшой шумъ. . . . Герой нашъ леденѣетъ опъ ужаса , въ крайнемъ замѣшательствѣ бѣжитъ въ темной уголъ , и видитъ передъ собою дверь полуотворенную.

Этотъ темной кабинетъ — прошу чипашеля замѣтитъ — служилъ прежде скрытымъ переходомъ изъ передней прямо въ уборную Деспины. Стеклянная дверь съ коропкою шяфтяною занавѣскою отдѣляла сію проклятую комнатку опъ святилица женскихъ тайнствъ. Теперь судите , былъ ли позволенъ доступъ про-

фанамъ въ сіе мѣсто, гдѣ спрятался боязливый Валеръ?

Наспалъ полдень. Деспина, на лицѣ копорой время и Люцина послажили печать свою, въ легкой прозрачной одеждѣ, опѣ невѣждѣ называемой рубашкою, вспааетъ съ поспели и скорыми шагами входяупъ въ арсеналъ прелестей; воздвигнуупъ магической жерпвенникъ, и дневный свѣтъ получилъ позволеніе озарить епѣны будуара. Деспина безъ нарядовъ, Деспина безъ румянъ, безъ прикрасъ, словомъ, Деспина еще не надѣвала своей маски.

Волосы ея, слѣпившіеся опѣ распаявшей ночью помады, небрежно лежали на челѣ и на шеѣ. Въмѣсто розъ, разцвѣтавшихъ на лицѣ ея, появились широкія пятна и многія морщины; багровые глаза едва свѣтились въ синихъ кружкахъ; губы ея были блѣдны, ротъ вналый; однимъ словомъ, Деспина была живымъ образомъ дряхлости и разрушенія, и могла служить самымъ вѣрнымъ лѣкарствомъ опѣ любви.

Подобно земледѣльцу, копорой послѣ грозы и бури бѣжитъ на спустошенныя поля свои, и едва узнаетъ между ихъ, Валеръ, увидѣвъ сей женской призракъ, искалъ въ немъ образа Деспины. Изнеможенный видъ, увядшій цвѣтъ лица, рѣдкіе и сѣдые волосы, сухая шея, все заставляло

его думашь, что вмѣсто своей богини онъ видишь передъ собою — повивальную бабу въ утреннемъ нарядѣ. Подождемъ здѣсь, думалъ Валеръ: я вѣрно увижу мою папушку, когда уйдетъ эта обезьяна.

Между тѣмъ Деспина подходитъ къ таинственному жертвеннику щеславія и кокетства; ставятъ зеркало, приносятъ множество стклянокъ и банокъ.... Деспина садится передъ зеркаломъ. Нерина, ея наперсница и повѣренная во всѣхъ таинственныхъ хитростяхъ, стоитъ передъ нею. Начинается волшебная работа; на щекахъ опять появляются розы; грудь мало помалу округляется, и получаетъ прежнюю бѣлизну свою; лицо возвращаетъ себѣ прежнюю физиогномію.

Нашъ зритель стоялъ цѣлой часъ, прижавшись въ темномъ уголку, не отводилъ глазъ отъ любопытной сцены, и наконецъ въ незнакомой парухѣ мало помалу началъ открывать нѣкоторыя черты своей прелестницы. Онъ видѣлъ, какъ вспадали въ ротъ Деспины зубы, какъ придрлали къ ея затылку длинные волосы; видѣлъ, какъ она молодѣла и превращалась въ бѣлокурую красавицу. Лишь только она спянула лентами шею — и Валеръ совершенно узналъ въ ней предметъ любви своей.

Кто изобразитъ его изумленіе, стыдъ и досаду? Онъ подошелъ къ уборному столику и, не смотря на Деспину, произнесъ слѣдующія слова:

„Священные сосуды! небесныя благоуханія! съ благоговѣніемъ преклоняю колѣна предъ вами; сохраните навсегда напоминаніе о моемъ просподушіи! Къ вамъ однимъ относятся слова мои, къ вамъ однимъ я пикаль спрасть нѣжную. Если случай опять заведетъ какого-нибудь неопытнаго любовника въ ваши блестящія сѣни; если онъ въ простотѣ сердца своего воскуритъ предъ вами еиміамъ любви; то по крайней мѣрѣ, будьте оспорожнѣе и не допусните его видѣть то, чему я былъ свидѣтелемъ. Теперь завѣса очарованія спала съ глазъ моихъ; я свободенъ. Прощайте!“ Проговоря сѣ, Валеръ успѣшно вышелъ — и болѣе не являлся.

(Изъ Модн. Журн.)

IV.

Герцогъ Шуазель и Іезуиты. Анекдотъ.

Италіянецъ Жюспиніани, родомъ изъ Милана, недавно между прочимъ издалъ

въ свѣтѣ анекдотѣ о Герцогѣ Шуазелѣ, Министрѣ Людовика XV. Если можно положить на слова повѣствователя, то сей анекдотъ подалъ Шуазелю первую причину къ негодованію противъ Іезуитовъ, на уничтоженіе которыхъ онъ, какъ извѣстно, имѣлъ весьма сильное вліяніе. Жюстиніани говоритъ :

„Произшествіе, не всѣмъ извѣстное, но достовѣрное, многими просвѣщенными людьми засвидѣтельствованное, не мало споспѣшествовало къ упадку Іезуитовъ.

Славный Министрѣ Герцогъ Шуазель, въ молодости своей, бывши еще Графомъ Спенвилемъ, не занималъ никакого мѣста въ правительствѣ. Въ сіе время, нѣкогда вмѣстѣ въ другими особами сидя за ужинымъ столомъ, онъ нескромно опзывался объ Іезуитахъ и объявилъ свое мнѣніе о семъ обществѣ. Спустя попомъ много лѣтъ, досталось ему быти въ Римѣ, въ качествѣ Посла Французскаго; должность его обязывала сдѣлать церемоніальныя посѣщенія разнымъ особамъ, между прочимъ и Генералу Іезуитскому. Послѣ взаимныхъ учтивостей, Посолъ увѣрялъ Генерала въ своемъ высскомъ почтеніи къ Обществу.

„Ваше Превосходительство не всегда были такихъ мыслей,“ отвѣчалъ Генералъ Іезуитскій.

„Прошу извинить меня, высокопочтеннѣйшій Отецъ! я съ самаго дѣтства всегда душевно преданъ былъ Обществу.“

„А я могу увѣрить Ваше Превосходительство въ проповѣданномъ.“

„Невозможное дѣло!“

„Очень возможное! ручаюсь въ томъ.“

Генералъ, вынувъ изъ шкафа записки, прочиталъ Послу, котораго года и дня, въ какомъ часу, въ какомъ мѣстѣ, при какихъ именно особахъ онъ не только невыгодно отзывался объ Іезуитахъ, но даже поносилъ ихъ и обнаружилъ ненависть свою къ Обществу. Изумленный Посолъ едва могъ вспомнить о семъ происшествіи; старался извиниться, какъ умѣлъ на ту пору, и удалился.

Однакожъ сіе обстоятельство сдѣлало въ немъ сильное впечатлѣніе и поселило въ душѣ его важныя разсужденія. Бывъ возведенъ въ достоинство Министра, онъ не забылъ сего случая, и поспавилъ для себя правиломъ не только выгнать Іезуитовъ изъ Королевства, но всѣ силы употребить къ совершенному уничтоженію такого Общества, которое имѣло въ рукахъ своихъ столь чудесныя средства узнавать тайны; сіи средства оно могло бы

употребить во вредъ Государствамъ, когда находило бы въ помѣ свою пользу.

(Изъ Минервы.)

V.

Мнѣніе Фонтенелля о Кантѣ.

Еслибъ Ученые, особенно занимающіеся тѣми или другими Науками, писали только для Ученыхъ же, своихъ собратьевъ, тогда мнѣ не прудно было бы отгадать причину, для чего они употребляютъ языкъ пехнической, священный. Однакожъ все еще любозпытные спросили бы, къ чему служишь такой непонятной способъ сообщенія между людьми, равно просвѣщенными, равно надупыми своимъ знаніемъ, слѣдственно равно неспособными чувствовать достоинства другихъ.

Опытъ показываетъ, что Ученые, на примѣръ: Лицператоры и Поэты, подобно другимъ людямъ, восхищаются, видя возрастающее число свидѣтелей торжества ихъ, цѣнителей ихъ дарованій: они пожинаютъ для сѣянія, обогащаются для расточенія; тѣмъ болѣе наслаждаются удовольствіемъ обладанія, чѣмъ щедрѣе надѣляются другими своими сокровищами.

Теперь опять спрашиваю, какое имѣютъ намѣреніе шѣ, которые появляются въ мірѣ подъ завѣсою непроницаемою, говорящъ къ Публикѣ языкомъ таинственнымъ, неизвѣстнымъ Публикѣ? Кажется, не ошибаюсь, думая, что угадываю сіе намѣреніе, котораго, по несчастію, ничѣмъ оправдать не можно; цѣль его есть — придать себѣ болѣе важности пышными прикрасами. Обыкновенная хитрость всѣхъ шарлатановъ! *Noi siamo tutti ciarlatani.*

Фонпенель, опзываясь съ похвалою объ ученомъ Лемери, которой озарилъ Химію новымъ свѣтомъ и изпребилъ варварской языкъ ея, говоритъ: „Теперь живешь въ Германіи человекъ, почитающій себя шѣмъ болѣе чудеснымъ, шѣмъ болѣе глубокомысленнымъ, чѣмъ менѣе понимаютъ его можно. Сей человекъ, сей Философъ называется — Кантъ. Это еще не все. Философъ Кантъ есть начальникъ школы, имѣетъ учениковъ, которые присягаютъ въ вѣрности къ своему Учителю, признаютъ его единственнымъ своимъ повелителемъ, презираютъ всѣ другія правила и ученія, и всегда готовы защищать *inguis et gliris* своего наставника. Сіи господа суть наспоющіе фанатики, которые, подобно всѣмъ фанатикамъ, отреклись отъ здраваго разсудка, отвергли чувство истины,

слѣпо привязались къ своей Философіи, никого не слушая и всѣмъ пропивоубча. Слоуб ихъ крайне любопыпенъ.

Одинъ изъ нихъ, при изданіи въ свѣтѣ перевода *Критической Философіи*, изобрѣтенной Кантомъ и основанной на крайнеуб правилѣ знанія, начинаеубъ предложеніе свое слѣдующимъ образомъ:

„Философія въ послѣдніа двадцать лѣтѣ приняла совсѣмъ новой образъ; сча-спливимъ слѣдствіемъ сей переубны утверждаеубся доубоинство законодательницы челоубческихъ знаній. Кантѣ, Геній несравненный, произвелъ сію переубну. . . .“
Прежде безсмертнаго Канта неизубспны были ни начала Нравспвенности, ни начала Еспественнаго Права, ни начала законовъ физическихъ Природы.

Не знаю, лучше ли обубясняеуб ихъ самѣ Кантѣ. По крайней мѣрѣ для доубиженія къ сей блестящей цѣли, желатель-но, чтобы онѣ или его ученики доубоили просвѣтитѣ наше тупоубіе, обубяснили бы шайнства своихъ открупій, сказали бы намъ на примѣрѣ, что они разубубоуб подѣ словами: *аноргическая натура, сто-мистическая Механика, антагонизмѣ дѣй-ствія, матеріальность улотребленія висо-кихъ слособностей*, и проч.? Желательно, чтобы они обубявили намъ, по чему до сихъ

порѣ „наука Діалектиковъ состояла изъ правилъ ложныхъ подѣ наружноспію истины? “ По чему Метафизика обязана бытиемъ своимъ Канпу? Что значитѣ „критика философическая и метафизическая, основанная на Философїи критической? “ Что значитѣ „конечность средствъ политическихъ, которой законность зависитъ отъ формы, и которой форма опредѣляется правомъ состоянія? “

Сїи высокія трансцендентальныя, какѣ называемѣ переводчикѣ, понятїя, едва ли помѣспяпся въ головѣ Французской — по крайней мѣрѣ, мы такѣ думаемѣ.

По несчастїю, мы привыкли заключать, что все непонятное для насѣ худо выражено на нашемѣ языкѣ. По сей причинѣ системы премудрыя, остроумнѣйшія я, можетѣ быти, очень хорошія опсылаемѣ обратно въ Германїю, или оставляемѣ въ покоѣ въ книгахѣ, попому что онѣ написаны на такомѣ языкѣ, которой разбирати не имѣемѣ ни охоты, ни времени.

Сюда принадлежатѣ практикати, въ которомѣ философически доказывается, что Система безсмертнаго Джона Бровна есть одна только истинная въ Физиологїи. Чтобы дать понятїе о его слогѣ, скажемѣ только, что онѣ называемѣ чувствительность жизненною прїемлемостїю, и приба-

вляеть : безъ пріемлемости нѣтъ жизненной дѣятельности, а безъ дѣятельности нѣтъ пріемлемости. Какое глубокомысліе ! Далѣе слѣдуетъ : „Пріемлемость органическая зависитъ отъ органической дѣятельности, а дѣятельность равнымъ образомъ подчинена пріемлемости ; изъ того слѣдуетъ, что сіе начало синтетическое содержитъ въ себѣ два противоположныя начала, изъ которыхъ можно вывести двѣ Физіологическія системы, діаметрально противоположныя ! ! !“

Снизходительные наши читатели, можете бышь, не назовутъ сея, говоря словами Боало, *сугубою телухою*, но захопятъ потребовать отъ насъ объясненія. Мы быди бы въ крайней нерѣшимости удовлетворить ихъ желаніе, и готовы даже сказать о Кантѣ и Бровнѣ то, что Фонпенель сказалъ о Химіи, относительно ея состоянія до Лемери. „Это священной языкъ древней Египетской Богословіи, понимаемой одними жрецами, и по видимому не заключающій въ себѣ никакого смысла.“ Но мы помнимъ правило Цицероново : „говоря о славныхъ мужахъ, надобно бышь скромнымъ.“

(Изъ Сѣв. Пчел.)

VI.

*Нѣсколько словъ о наготѣ Парижскихъ
красавицъ.*

Смотря на старинныя изображенія Дамъ Парижскихъ, хранящіяся въ Музеумъ Наполеона, не лѣзя понять, какимъ образомъ изъ нескладныхъ, тяжелыхъ гусеницъ могли родиться такія легкія, любезныя бабочки. Портретъ прекрасной торговки, которой Францискъ I обязанъ многими удовольствіями и многими огорченіями, написанной довольно изрядно, представляетъ неповоротливую фигуру, которую можно считать вылипою изъ металла. Напропивъ шого, какою эфирною легкоспію, какою ловкоспію одарены прекрасныя созданія, летающія около насъ въ Парижѣ и заставляющія въ недоумѣніи угадывать, кого мы видимъ передъ собою? небесныхъ ли Гурій, или милыхъ подругъ нашей жизни? Не споримъ, что часто подъ толстою, грубою одеждою, какъ говорилъ Генрихъ IV, бьется золотое сердце; не споримъ также, что воздушныя красавицы, одѣтыя шелкомъ, кружевами и флеромъ, легко могутъ не знать нѣхъ важныхъ правилъ, на которыхъ господа Философы основываютъ какое-то чувство внутренняго достоинства; однакожъ это всякому благомысля-

щету челоѡѡку не препятствуетъ невиннымъ образомъ радоваться, видя, что тяжелое шѡло земное, содержащее въ себѡ духовнаго челоѡѡка, благодаря очаровательнымъ нарядамъ и модной одеждѡ, спановишся легче, *невещественнѡе*. Кпо теперь думаетъ о старинной морали, имѡя случай любоваться прелесною нагопою? Кпо не плѡняетъ красавицей еще болѡе, когда на ней небрежно накинута прозрачная одежда? Кого не возпламенитъ грудь, едва прикрытая тонкимъ флеромъ, между шѡмъ, какъ на обнаженную смотрятъ съ такимъ же равнодушиемъ, съ какимъ на мраморную грудь Венеры? Я почти увѡренъ, что вмѡстѡ съ облегченіемъ тяжести шѡлосной, съ усовершенствованіемъ одежды, самая душа наша приближается къ совершенству; но не смѡю утверждать моего мнѡнія въ отношеніи къ Парижу. Молодая дѡвушка, одѡтая въ легкое платье, кажется гораздо милѡе, гораздо живѡе; а кпо захочетъ искать другихъ выгодъ въ любезныхъ существахъ, судьбою назначенныхъ быть нашими подругами, не наставницами? Жаркая погода и спростъ къ тонкимъ кружевамъ, изъ которыхъ шитое платье можно спрятать въ золотую табакерку, по видимому разпространили любовь къ легкой одеждѡ. . . . (Изъ Фран. Журн.)

VII.

Объ Авторской враждѣ.

Къ чести Наукъ и Словесности должно признаться, что тѣ, которые занимаютъ ими прилѣжно и съ успѣхомъ, вообще менѣе мешпшельны, менѣе злопамятны, нежели другіе люди. Правда, они часто спорятъ между собою съ грубостію, съ досадою, съ инѣвомъ, съ оскорбленною гордостію; но часто и примиряются со всею искренностію. Ихъ самолюбіе весьма щекотливо; однакожъ кажется, что оно раздражается только въ первомъ жару, и скоро потомъ утощается размышленіемъ, или учебными занятіями; тогда необходимо исчезаютъ всѣ неудовольствія. Личная ненависть зараждаетъ ядъ въ сердцѣ, поселяетъ въ немъ жестокія намѣренія и свирѣпыя желанія; ученая вражда не имѣетъ въ себѣ дикаго неисповсѣва, не клонится къ гибели ближняго, и не опниваетъ у него добраго имени — исключая нѣкоторые, весьма немногіе, примѣры. Несправедливая крипика прогааетъ хорошаго Писателя, но не раздражаетъ его; онъ пишеть на нее отвѣтъ, удовлетворяетъ тѣмъ свое мщеніе и болѣе не думаетъ о крипикѣ; если его сочиненіе хорошо при-

нято Публикою, тогда онъ охотно прощаетъ всѣ оскорбленія.

Замѣчено, что въ Англійскомъ Парламентѣ одни только неискусные Орапоры питающъ злобу къ своимъ противникамъ; точно по же случаю на поприщѣ Словесности. Писатели безъ дарованій иногда бываютъ неумолимы; всѣ стрѣлы, на нихъ пущенныя, обыкновенно долетаютъ до своей цѣли. На полѣ Литтературы истинное достоинство не можетъ быть унижено; одни только проспяки падаютъ подъ ударами крипики. Въ такомъ случаѣ испительность ихъ извинительна; они не могутъ переносить дѣлъ въ верхнія судилища, потому что сіи судилища не существуютъ; кромѣ того имъ извѣстно, что Публика не уничтожитъ приговора ихъ осужденія, хотябъ онъ былъ произнесенъ противъ законовъ справедливости.

Геній не подверженъ гоненіямъ. Нельзя не удивляться мудрости Провидѣнія, по усугубамъ Коего тотъ всегда раскаивается, кто во зло употребляетъ свои дарованія. Слава часто была пагубною для Героевъ, но никогда не вредила Писателямъ; она иногда рождаетъ неопасныхъ непріятелей, маловажныя несогласія, которые походять на ребяческіе споры.

Если бы Ж. Б. Руссо не обезславилъ дарованій своихъ нелѣпыми эпиграммами, его не обвинили бы въ сочиненіи стиховъ, бывшихъ причиною его изгнанія. Не смотря на то, со всѣмъ могущеспвомъ, со всѣми друзьями, со всѣми хитрыми замыслами, Вольтеръ никогда не могъ лишиться ученой славы сего великаго Поэта. Вольтеръ поносилъ Фрерона; однакожь всѣ почитали его превосходнымъ Криптикомъ. Еслибъ Помпиньянъ имѣлъ болѣе вкуса, болѣе пріятности въ умѣ, Вольтеру не удалось бы сдѣлать его смѣшнымъ въ обществѣ. Впрочемъ всѣ насмѣшки относились къ особѣ Помпиньяна, не къ его сочиненіямъ.

Ласкапельство не пріобрѣтаетъ истинной приязанности, ученая криптика не поселяетъ вражды долговременной; что не трогаешь души, то не можетъ родить непримиримой ненависти. Изъ того слѣдуетъ, что сердце нѣжнѣе и чувствительнѣе самолюбія — истина, дѣлающая честь напурѣ человѣческой: горе имъ, копорые всѣ усилія ума своего употребили на ея опроверженіе! Придерживаясь сего мнѣнія, нахожу много разительныхъ примѣровъ въ Исторіи Англійскихъ Императоровъ. Здѣсь помѣщаю нѣкоторые изъ нихъ:

Блакморъ написалъ Поэму, подъ названіемъ: *Принцъ Артуръ*, которая въ свое время была въ великой славѣ. Денни, знаменитый Критикъ, сочинилъ на нее грозную сатиру; это не помѣшало Блакмору послѣ сдѣлаться его другомъ и написать, что Денни въ Поэзіи былъ равенъ неподражаемому Боало, а въ Критикѣ превосходилъ его.

Спенсъ сочинилъ вѣжливую, и весьма подробную, спрогую и совершенно справедливую критику на переводъ Одиссеи славнаго Попе, которой сполько былъ ею доволенъ, что непременно захотѣлъ познакомиться съ Авторомъ, свелъ съ нимъ личную дружбу, и въ послѣдствіи времени, съ помощію друзей своихъ и покровителей, доставилъ ему весьма важныя выгоды.

У Антонія Коллинса, которой не умѣлъ своихъ дарованій употребить въ пользу, была очень хорошая библіотека; Критики нападали на его сочиненія, и доказывали, что онъ ложно ссылался на Авторовъ. Коллинсъ не только не сердился на Критиковъ, но всегда ссужалъ книгами изъ своей библіотеки тѣхъ, которые хотѣли пользоваться ими, для опроверженія его сочиненій.

Жанлисъ.

VIII.

Переводъ Французскихъ стиховъ.

Какъ нѣжныя сердца достойны сожалѣнья!
 Блаженство никогда не посѣщаетъ ихъ!
 Всегда печаль, боязнь и люпыя сомнѣнья —
 Вопль справедливая исторья чувствъ моихъ!..
 Аврора утрення, съ вечернею звѣздою
 И ночь съ задумчивой подругою своею,
 Свидѣтели того, какъ мучусь я тоскою;
 Свидѣтели любви и вѣрности моей.

К. Ш — вѣ.

IX.

Э п и т а ф і я

С. И — ву.

Любовь! на киварисъ, посаженный тобою,
 Повѣсь изъ бѣлыхъ розъ вѣнецъ
 Жестокая! ты всѣмъ чувствительнымъ душою
 Готовишь *Вертеровъ* конецъ!

К. Ш — вѣ.

Д л и з р а м м ы.

1.

Оргонъ злымъ Демономъ Кларису называетъ.
Но вправду ли, друзья, не любишь онъ ее?

Скажите мнѣ, когда бываешь,
Чтобъ ненавидѣлъ кто подобіе свое?

2.

Какъ нашъ почтенной Врачъ въ деревнѣ былъ
пять дней,

То объ оплучкѣ сей

Вся Публика потчасъ узнала,
Хотя въ вѣдомостяхъ объ оной не читала.

Скажите жъ, по чему?

А по тому,

Что въ городѣ при немъ мрутъ люди, какъ
въ чуму.

3.

Отвѣтъ на вопросъ: что за люди Дентисты?

Приемы ихъ довольно грубы;

Они стараются чужіе зубы,

Какъ можно чаще вырывать —

Чтобы своимъ зубамъ доставить что жевать.

У. Ф. Х. Ц. Ч.

С м ѣ с ъ.

Г. Борровъ. недавно издалъ въ Англїи описанїе своего путешествія въ Кипай. Онъ рассказываетъ слѣдующій, довольно забавной, анекдотъ объ одномъ Кипайскомъ Принцѣ:

„Молодой Принцъ крови, которому отъ роду не болѣе 25 лѣтъ, и которой по видимому не имѣлъ никакого для себя занятія, почти каждой день приходилъ въ залу дворца *Туен - мин - ѳуенъ*, гдѣ мы выкладывали подарки, назначенные для Императора. Онъ нѣсколько разъ просилъ меня показывать ему золотые часы, бывшіе въ моемъ карманѣ. Въ одно утро тамошній Миссіонеръ, пришедъ ко мнѣ, спросилъ отъ имени Принца, не намѣренъ ли я продать часы свои, и что хочу взять за нихъ. Я отвѣчалъ, что вещь сія подарена мнѣ отъ моего друга, и поэтому не желаю лишиться ее; но могу для Принца доставить у нашихъ мастеровъ другіе часы, которые въ добротѣ будутъ не хуже моихъ. Скоро потомъ сказали мнѣ, что Его Высочество спрашивалъ мастеровъ о цѣнѣ часовъ, и что она оказалась ему очень дорогою. На другой день по утрамъ явился другой посолъ отъ Принца, и предложилъ мнѣ за часы —

полфунта чаю , шелковой кошелекѣ и нѣскольکو стеклянныхъ бездѣлушекѣ , копорыя принесѣ съ собою. Я прссилѣ его опнеспи обратно сіи знаки мудроспи Прицевой. Миссіонерѣ едва согласилсѣ , опасаясь шѣмѣ навлечѣ на себя гнѣвѣ Его Высочесства. Честный отецѣ , возвратясь во Дворецѣ , лишь только донесѣ о худсми успѣхѣ своего посольства , какѣ великодушный Принцѣ захотѣмѣ посмотрѣть его собственныя часы и немедленно объявилѣ , что въ знакѣ своего милосериваго расположенія къ Миссіонеру онѣ принимаетѣ сей подарокѣ. Бѣдной монахѣ долженѣ былѣ не только лишиться часовѣ , но съ колѣнопреклоненіемѣ благодаритѣ Его Высочесство за такую милоспѣ. Спустѣя нѣскольکو дней , я узнамѣ отѣ Миссіонера , что Китайскій Принцѣ болѣе дюжины часовѣ пріобрѣмѣ такимѣ похвальнымѣ образомѣ.

(Изѣ Лонд. Кур.)

„Люди мрачнаго характера,“ говоритѣ Коцебу въ своихъ воспоминаніяхъ о Парижѣ , „люди , одержимые ипохондріею , ушверждаютѣ , что надобно проситѣ Небо о перемѣнѣ земной системы и о низпосланіи умѣреннѣйшаго климата , болѣе приличнаго воздушному наряду Парижскихъ красавицѣ.

Напрошивъ того я думаю, что слишкомъ уже увеличиваюпъ пагубное вліяніе моды на здоровье.

Я былъ свидѣтелемъ торжества нѣжнаго пола надъ холодомъ. Теперь здоровье въ модѣ; ни одна дама не жалуется на сквозной вѣперъ, не боится проспудиться, споя подлѣ отворенныхъ дверей. Теперь уже не услышите, чшобы говорили объ извѣстныхъ *varrens*; прелестныя *отважились* быпъ здоровыми и крѣпкими; снѣдьяпъ и пьютъ съ добрымъ апетитомъ и никого не беспокояпъ своими *миэренями*.

Румяны совсѣмъ вышли изъ употребленія: блѣдность вообще въ великомъ уваженіи. Это называется *à la Fusché*, по Жераровой картинѣ. И такъ Парижанки имѣюпъ нужду только въ бѣлилахъ, а румяны предоспавили — мужчинамъ. . . .

Мать и дочь одѣваются совершенно одинаково. Обѣ вмѣстѣ танцуютъ гавотшу, поютъ, играютъ, рѣзвятся, ни въ чемъ не скрываются одна отъ другой и обѣ управляютъ домомъ. Онѣ обходятся безъ чиновъ, называютъ другъ друга просто *ты*, и въ случаѣ ссоры обѣ равно неуступчивы. Ихъ различаніе можно только по тому, что мать носитъ алмазы, а дочь цвѣтны.

Молодой Провинціалъ , прїѣхавшій въ Парижъ для женинъбы , въ слѣдствіе заключеннаго договора между обѣими фамиліями , бѣжитъ къ своей невѣстѣ , которой недавно минуло пятнадцать лѣтъ , и находитъ ее наединѣ съ двадцати пяти-лѣтнимъ Учителемъ , занимающуюся рисовальнымъ искусствомъ. — „Мы основались на мускулахъ бедренныхъ , говоритъ Учитель : продолжайте.“ Ученица , желая блеснуть своими знаніями въ Анатоміи , краснорѣчиво рассуждаетъ о подколѣнкахъ , голеняхъ , и такъ далѣе. Провинціалъ спрашиваетъ о здоровьѣ мапушки. — „О ! проказница всю минувшую ночь вертѣлась и прыгала на балѣ ,“ отвѣчаетъ любезное дитя , и предлагаетъ жениху своему идти въ манежъ. Тамъ садится на лошадь , скачешь. . . Провинціалъ удивляется. Потомъ , слѣдуя обыкновенію , идетъ въ училище плаванія. Прекрасная невѣста уходитъ въ кабинетъ и черезъ минушу спянь является въ пудреманѣ ; легкая мачпія падаетъ на землю , и Грація — въ панталонахъ и жилетѣ , сдѣланныхъ изъ нанкина такъ узко , что можно срисовывать всѣ выпуклости — бросается въ воду. Простодушный женихъ , совѣтъ не ожидавшій видѣть прежде свадьбы такія прелести , оставляетъ плавающую Няяду , бѣжитъ въ свой по-

стоялой домъ, поспѣшно укладывается и возвращается въ Провинцію.“

Въ Нижней Нормандіи правительствомъ занимается изслѣдованіемъ дѣла о мнимыхъ волшебникахъ. Открылось, что сумма, которую бѣсъ выманилъ у легковѣрныхъ жителей, просиивается до 250,000 франковъ. Обманщики увѣряли своихъ адептовъ, что всѣ клады, зарытые въ землѣ, находящаяся подъ надзираніемъ нечистаго духа, котораго надлежало подкупать деньгами, чтобы онъ дозволилъ овладѣть сокровищами. Если первой опытъ не удавался, колдуны возвращали деньги вкладчикамъ; нѣкоторые поселяне, надѣясь обогатиться, приносили вдвое и втрое болѣе денегъ, нежели прежде, и — находили какія нибудь бездѣлицы, а часпо были устрашаемы внезапнымъ явленіемъ огненнымъ, которое они почитали сапаною, или его агентами. . . Сребролюбіе и суевѣріе тиранически господствуютъ надъ нашими поселянами.

(Изъ Франц. Журн.)

ПОЛИТИКА.

І.

О Вгаабисахъ.

Происхожденіе Вгаабисовъ. Исторія Шекъ-Магомеда и Ибнъ - Соуша (*).

Еменъ съ древнихъ временъ былъ обитаемъ Бедуинами, или Аравитянами - паспухами. Изъ сей - по страны вышли многочисленныя племена, наполнившія часть Азіи и обширныя пустыни Африканскія. Здѣсь родился Магометъ и другіе люди, прославившіе имя Аравиаъ и разпространившіе ихъ вѣдѣнія.

Въ Еменѣ возникла секта Вгаабисовъ. Сіи Аравиаъ, попряшіе воснокъ могущесвомъ своимъ, не болѣе пятидесяти лѣтъ сущесвуютъ на свѣтѣ. Нынѣшня

(*) Секта Вгаабисовъ, или, какъ доннѣ называли ихъ, Вежабисовъ произвела великія смятенія. Все принадлежащее къ ея Исторіи, заслуживаетъ вниманіе и возбуждаетъ любопытство. Сія спашья, полученная изъ Смирны, напечатана во Французской національной газетѣ. Изд. No 1.

сила ихъ есть залогъ будущаго величїя , и служилъ вѣрною порукою въ событїи сего чаянїя. Способы, которыми они произвели въ дѣйство подвиги столь отличные, часъ отъ часу становятся важнѣе и удобнѣе къ исполненїю. —

Вгаабисы находятся еще такъ близко къ своему началу, что можно съ почтиспїю назначить его эпоху. Назадъ по-му пятьдесятъ лѣтъ, одинъ Арабскїй Шекъ (*), по имени Шекъ — Магамедъ, основалъ сію секту. Вгаабисы производятъ его отъ Абдель — Вгааба, сына Солиманова. По общему между ними преданїю извѣстно, что Солиманъ, бѣдной Арабъ Негдисова племени, видѣлъ во снѣ, будпо вылетѣвшее изъ пѣла его пламя разпростиранлось на окрестныхъ поляхъ и пожрало на пупи своемъ въ пустыняхъ шатры, а въ городахъ дома и жилища. Успрашенный симъ свидѣнїемъ, Солиманъ попребовалъ изъясненїя отъ Шековъ всего племени, которые прополковали еще въ хорошую сторону, сочли его щасливымъ предзнаменовантемъ и возвѣспили Солиману, что сынъ его будетъ основателемъ новой вѣры, обратилъ пустын-

(*) Слово Шекъ означаетъ начальника у Аравянъ.

ныхъ: Аравитянъ и покоритъ жипелей городовъ многолюдныхъ. Сновидѣніе сбылось не на Абдель - Ваабъ, сынъ Солимана, но на Шекъ - Магамедъ, его внукъ.

Не извѣстно, въ самомъ ли дѣлѣ былъ сей сонъ, или — что гораздо вѣроятнѣе — онъ вымышленъ Шекъ - Магамедомъ; но достоверно то, что новый пророкъ воспользовался расположеніемъ умовъ, котораго причиною было сновидѣніе. Малочисленное племя Негдисовъ, къ которому онъ принадлежалъ, соспавляло часть кочеваго народа Таминскаго, и происходило отъ Магомета по прямой линіи; сіе обстоятельство много способствовало къ распространенію новой секты: ибо у Арабовъ благородство первостепенное принадлежитъ попомству пророка.

Шекъ - Магамедъ далъ особливой толкъ Корану. Онъ утверждалъ, что сія книга, написанная самымъ Богомъ, сошла на землю, и что Магометъ былъ только орудіемъ, которое употребилъ Богъ для сообщенія людямъ своего закона. Онъ проповѣдывалъ ученіе, содержащееся въ Коранѣ; но допускающая одно только сіе ученіе и ограничивая имъ новую вѣру, отвергалъ все другія преданія, принятые Магометанами. Слѣдственно Магамедъ былъ не основателемъ новой секты, новозобновителемъ Магометова

исповѣданія, и Религія Вгаабисовъ есть Религія Корана въ первобытной числопѣ своей.

Первой догматъ Корана поучаетъ, что Богъ есть единъ, вѣченъ, всемогущъ, милосердъ; сей догматъ былъ единственнѣмъ предметомъ Магамедовой проповѣди. Онъ такъ прилѣпленъ былъ къ мнѣнію о единствѣ Существа Верховнаго, что не хотѣлъ признавать между Имъ и человекомъ никакого другаго средняго существа, одареннаго свойствомъ, превосходящимъ естество наше, или уподобляющимся Божеству. Такимъ образомъ, онъ запретилъ молиться Святымъ и Пророкамъ, уничтожилъ всѣ обряды почестей, воздаваемыхъ людямъ, которымъ суевѣріе приписало различныя шихла; призналъ однѣ только опличія, на которыя мудрость и добродѣтель имѣютъ право. Почитая Магомета мудрецомъ, онъ хотѣлъ, чтобы и другіе почитали его только мудрецомъ, не болѣе; чтобы не обременяли его молитвами, которыя надлежитъ возносить къ одному Богу; чтобы оставили его въ покое наслаждаться на небѣ блаженствомъ, которое онъ заслужилъ на землѣ своею добродѣтелью.

Шекъ - Магамедъ съ равною строгостію отвергалъ поклоненіе Іисусу Христу, Моисею и другимъ, почитаемымъ отъ

Магометанъ въ качествѣ Пророковъ. Онъ объявилъ, что Богъ гнѣвается на Турковъ за ихъ глубокое почтеніе къ Магомету; называлъ себя посланнымъ на землю для изпребленія сего идолопоклонства и для обращенія вѣрующихъ къ служенію одному Богу; утверждалъ, что Музульмане, крѣпко прилѣпленные къ своей вѣрѣ, суть идолопоклонники, заслуживающіе казнь смертную. Первое правило его ученія состояло въ томъ, что всѣхъ ихъ надлежитъ умертвить, какъ оскорбителей Божія величества и осквернителей чистаго Богопочитанія.

Новое ученіе обратило къ себѣ послѣдователей въ племени Магамедовомъ; но сіи послѣдователи сначала были весьма неспрашны, и надлежало имъ быть сильнѣйшее подкрѣпленіе, чіобы разпространить и утвердить Религію, столь строгую и не терпящую другихъ исповѣданій. Магамедъ почувствовалъ это; оставилъ Еменъ, странствовалъ по Сиріи и по берегамъ Ефрата, старался привлечь на свою сторону Папу или другаго вельможу, коюрой согласился бы помочь ему войскомъ и деньгами. Но получивъ отказы въ Меккѣ и Дамаскѣ, бывъ выгнанъ изъ Багдада и Бассоры, онъ возвратился въ Аравію, гдѣ былъ принятъ съ большею благо-

склонностию отъ Ибнъ - Соуна , Государя Дерайеискаго и Агзаскаго.

Извѣстно, что Бедуины состоятъ изъ различныхъ племенъ , по видимому , соединенныхъ сходствомъ нравовъ , но въ самомъ дѣлѣ раздѣленныхъ обыкновеніями , которыя запрещаютъ племенамъ вступать во взаимныя супружескія связи. Сей обычай служитъ основаніемъ ихъ независимости , ограничивая племя тѣснымъ кругомъ , и соединяя членовъ онаго родственными союзомъ. Такимъ образомъ каждое племя есть многочисленное семейство , управляемое избраннымъ Шекомъ ; а Шекъ имѣетъ власть только прекращать частныя ссоры , и немедленно лишается своего достоинства , если подасъ къ тому хотя малую причину.

Нѣкоторыя племена съ древнихъ временъ ведутъ между собою непрестанную войну , другія живутъ въ добромъ согласіи ; союзники имѣютъ одно общее имя и составляютъ особенной народъ Аравійскій , на примѣръ Негдисы — нація , извѣстная на востокѣ своими лошадьми прекраснѣйшей породы , превосходящей всѣ прочія. Солиманъ , дѣдъ новаго пророка Маамеда , принадлежалъ къ немногочисленному племени Негдисскаго народа. Сіе племя со времени Солимана весьма уменьшилось и соедини-

лось попомъ въ Еменъ съ двумя другими племенами, Анезисами и Апубами, равнымъ образомъ пришедшими въ бѣдственное сосуществованіе. Три родоначалія, нарушивъ обыкновеніе предковъ своихъ, соединились между собою родствомъ, и составили одно племя, которое, принявъ къ себѣ многихъ бродящихъ Аравіянъ, значительно увеличилось и покорило многія орды, кочевавшія въ Еменъ. Число побѣдъ ихъ возрасло вмѣстѣ съ умноженіемъ побѣдителей. Въ продолженіе двадцати лѣтъ соединенное племя покорило Арабеспанъ, овладѣло Дерайегемъ и Агзою, и смѣшавшись съ побѣжденными народами, наконецъ составило націю многочисленную, страшную Аравійскимъ поколѣніямъ, которыя сначала презирали ее.

Такимъ образомъ въ средосточіи Аравіи явился новый народъ, положившій основаніе своего величія на сѣднотпи. Сей народъ избралъ себѣ начальникомъ Ибнъ-Соупа, именованнагося Княземъ Дерайегскимъ и Агзскимъ, къ которому Шекъ-Магамедъ, по возвращеніи своемъ въ Еменъ, явился съ просьбою о помощи.

Общественная благопріятельствовала къ исполненію желанія Шекъ-Магамеда. Ибнъ-Соупъ, начальствуя надъ народомъ воинственнымъ, привыкъ къ побѣдамъ

и безпрестанно желалъ завсераній; въ ученіи основателя новой секты онъ видѣлъ предлогъ къ нападенію на племена Аравійскія и имѣлъ въ рукахъ средства исполнить свои желанія. Онъ принялъ предложенную Религію. Многіе изъ его подчиненныхъ, принадлежавшіе прежде ко племени Шека - Магамеда и давно уже прилѣпившіеся къ его ученію, обрадовались сему произшествію. Примѣръ Князя и подчиненныхъ привлекъ многихъ на сторону преобразителя, такъ что наконецъ вся нація приняла его ученіе.

Въ сію - то эпоху вѣра получила правильное образованіе. Новообращенные наименованы *Вгаабисами*, отъ имени *Абделъ-Вгааба*, отца основателя. Шекъ - Магамедъ удержалъ при себѣ титуло первосвященника, или верховнаго Шека; Ибнъ - Соупъ принялъ достоинство военачальника Вгаабисовъ. Власти свѣтская и духовная достались въ разныя руки, и — что достойно замѣчанія — сіе раздѣленіе сохранилось потомъ между сынами Ибнъ - Соупа и Шека - Магамеда.

Дерайегъ былъ столицею новой Имперіи. Сей городъ, лежащій на юго - восточной сторонѣ Бассоры, отдѣляется отъ нее пустынею и достоинъ примѣчанія каменными своими домами, вѣсно того,

что въ Агзѣ и селеніяхъ Еменскихъ жилища построены изъ бревенъ и листовъ палмовыхъ. Находясь въ Дерайегѣ, Ибнъ-Соупъ началъ производить въ дѣйстви свои власнолюбивыя намѣренія. Онъ не пропустилъ ничего для совершенія ихъ съ желаемымъ успѣхомъ. Его войны, давно уже привыкшіе къ трудамъ, бывъ непре-спанно въ движеніи, пріобрѣли новыя силы и сдѣлались неутомимѣе. Ибнъ-Соупъ употребляемыхъ до того времени въ войскахъ лошадей замѣнилъ дромадерами (родъ верблюдовъ). Сія животноя бѣгающъ такъ же скоро, какъ лошади, но крѣпче ихъ и сильнѣе; кажется, что онѣ назначены Природою для населенія пустыней, конюрья безъ нихъ были бы необитаемы. Ибнъ-Соупъ повелѣлъ, чтобы на каждомъ дромадерѣ сидѣло по два всадника, убавилъ ихъ кормъ, уменьшилъ количество провіанта для людей, и распорядилъ такъ, чтобы животное могло носить на себѣ сѣснаго припаса для пути двадцатидневнаго. Такимъ образомъ многочисленное войско приведено въ соспояніе послѣшно переходить пустыни и внезапно нападать на непріятеля, не приготавливаясь къ защищенію.

Ибнъ-Соупъ умеръ, побѣдивъ многія племена Аравійскія. Ему наследовалъ

сынъ его Абдель - Азисъ , и совершилъ предпріятія своего предвѣсника. Онъ въ разныя времена нападалъ на независимыхъ Аравіянъ ; его войны были несравненно многочисленнѣе каждаго племени, копорыя, живучи въ опдаленіи одно отъ другаго , и будучи несогласны между собою, не могли соединенными силами противустать побѣдищею. Вгаабисы внезапно появлялись среди племени , копорое покорить хотѣли. Посланникъ Абдель - Азиса , имѣя въ одной рукѣ Коранъ , въ другой мечъ , опдалвалъ Бедуинамъ грамоту своего повелителя и предлагалъ условія , на копорыхъ они должны были покориться. Тонъ и слогъ сихъ писемъ даюшъ понятіе о нравахъ Вгаабисовъ и ихъ строгости , копорая естъ опличительная принадлежность всѣхъ основателей новыхъ Религій.

„Абдель - Азисъ такому - то племени.

„Да здравствуетъ племя..... ! вы
 „непремѣнно должны увѣровать въ книгу,
 „копорую вамъ посылаю. Не будьте по-
 „добны Туркамъ, погрязающимъ въ идо-
 „поклонствѣ и мечпающимъ , будпо Богъ
 „ниѣтъ поварища. Содѣлавшись право-
 „вѣрными, вы получите спасеніе ; опвер-
 „гнувъ же ученіе мое , будете жерпвою
 „войны и смерти.“

Такія угрозы, подкрѣпляемыя многочисленнымъ войскомъ, не встрѣчали препятствій. Племена Аравійскія покорялись, одно послѣ другаго; всѣ Бедуины приняли законъ Магамедовъ, и обширныя пустыни, отъ Чермнаго моря до залива Персидскаго и отъ счастливой Аравіи до Алепа и Дамаска, были сбитаемы послѣдователями сына Абдель - Вгаабова.

Сіи побѣды были весьма выгодны для Абдель - Азиса. Если племя сопротивлялось, въ такомъ случаѣ умерщвляли людей, всѣхъ безъ изъятія, а ихъ имѣніе доставалось побѣдителямъ. Если же они добровольно принимали вѣру Вгаабисову, то Абдель - Азисъ прѣбывалъ отъ новыхъ подданныхъ десятиую часть всего ихъ имѣнія, основываясь на предписаніи Корана. Сей налогъ относился не только до денегъ, домашнихъ приборовъ и скопины, но даже до людей; Абдель - Азисъ бралъ къ себѣ въ войско по одному изъ десяти челвѣкъ и заставлялъ ихъ служить безъ плащя. Такимъ образомъ онъ собралъ многолюдное ополченіе и безчисленныя богатства, объ умноженіи которыхъ не переставалъ спрашивать. Утверждаютъ, что въ сію эпоху онъ такъ былъ силенъ, что по первому знаку могъ выставить въ поле 100000

воиновѣ. Но не лѣзя полагагаться на восточные рассказы.

Взятіе Имамъ-Гассема и Мекки. Побѣда надъ Вгаабисами. Смерть Абдель-Азиса.

Мои успѣхы Абдель-Азиса возбудило вниманіе Порты. Удивительно, для чего она смотрѣла равнодушно на его первые успѣхи. Но сіе великое Государство носитъ на себѣ только одно имя Оптоманской Имперіи, и состоитъ по большей части изъ Провинцій мятежныхъ, не пови-нующихся верховной власти.

Порта, не будучи въ состояніи усмирить непокорныхъ, старается обезсилить ихъ, посѣвая между ими взаимное несогласіе. По сей-то причинѣ она терпитъ неопаснаго мятежника, а часпо и покровительствуетъ его, для того, чтобы опаснѣйшему возпрепятствовать усиливаться. Такимъ образомъ власть Султана поддерживается непокорствомъ подданныхъ, а сіе непокорство происходитъ отъ слабости самой власти.

Въ 1801 году Порта начала заботиться о томъ, чтобы остановить успѣхи Вгаабисовъ, и послала повелѣніе Салиману - Пашѣ, Багдадскому Правителю, выступить противъ нихъ съ войскомъ. Сей Паша, собравъ многочисленное ополченіе,

поручилъ начальство надъ нею Алію, своему Кайѣ, заступившему попомъ его мѣсто. Али - Кайя присоединилъ къ себѣ Аравійское племя Ель-Енбейповѣ, враговъ Абдель - Азиса, не хотѣвшихъ принять его закона. Магомепъ - Бекъ - Шеаупъ, начальникъ племени, былъ путеводителемъ войска, которое назначено было для нападенія на Абдель - Азиса въ странѣ Агзской, средопочіи его Имперіи.

Дерайегъ, столица Вгаабисовѣ, раздѣляется отъ Багдада пустынею распояніемъ на двенадцать дней пути. Чрезвычайной жаръ и недостатокъ воды дѣлающъ путешесвіе весьма труднымъ и опаснымъ. Али - Кайя, потерявъ дорогою много людей, наконецъ дошелъ до Агзы, съ арміею довольно страшною. Вгаабисы, привыкшіе сами нападать, видя внезапное приближеніе непріятеля, пришли въ уныніе, такъ что Абдель - Азисъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Онъ достался бы въ руки непріятеля, если бы не удалось ему подкупить Шекъ - Магомета - Шеаупа подарками. Сей начальникъ, отрекшись оупъ союза съ Багдадскимъ Пашею, предложилъ свое посредствс къ примиренію. Тѣ же способы, которые произвели перемиру надъ Шекъ - Магомепъ - Шеаупомъ, подѣйствовали надъ самымъ Али - Кайею. Онъ

заклучилъ миръ съ Вгаабисами, которыхъ покорить зависѣло отъ его воли, и возвратился въ Багдадъ съ великимъ богатствомъ.

Казалось, что сей походъ, который могъ быть пагубнымъ для Абдель-Азиса, долженъ бы опровергнуть его отъ намѣренія впродъ нападать на области Оштоманскія. Не смотря на то, онъ, едва опомнясь отъ прежняго страха, не замедлилъ овладѣть Имамъ - Гуссемомъ. Въ Исторія сего города, содѣлавшагося споль извѣстнымъ въ Европѣ, послѣ его покоренія.

Имамъ - Гуссемъ, сынъ Алія и внукъ Магомеда, имѣя намѣреніе овладѣть Кей-фою, былъ убитъ подъ симъ городомъ и погребенъ на равнинѣ Кербеллской. Аліевы послѣдовавши воздвигли надъ нимъ гробницу, построили на семъ мѣстѣ городъ и назвали оной его именемъ. Сей городъ былъ разоренъ въ 851 году Калифомъ Мутавекеломъ, потомъ возобновленъ Царями Персидскими по введеніи Рафдисовой Религіи въ ихъ области. Послѣ того, Шахъ-Измаилъ, родоначальникъ Сифевнеской Династіи, повелѣлъ надъ могилою Имамъ - Гуссема построить огромную мечеть, которую приемники его, Шахъ-Абасемъ и Надиръ-Шахъ, украсили и обогатили. Сія мечеть, обогащенная сокровищами Персіянъ, содѣлалась предметомъ поклоненія для сего народа.

Городъ Имамъ - Гуссемъ , лежащій на восточной сторонѣ въ шестипи миляхъ отъ Гиллы, содержитъ въ себѣ 7 или 8 тысячъ жилищей , и управляется однимъ Мутселимомъ , котораго Паша Багдадской присылаетъ ежегодно. Войско сего Паши и корпусъ природныхъ Персіянъ составляютъ гарнизонъ крѣпости и охраняютъ сокровища мечети. Сіи стражи , равно какъ и всѣ жилища Имамъ - Гуссема , почти всѣ исповѣдуютъ Рафдисову вѣру и имѣютъ великое почтеніе къ пророку Алію. Они ежегодно отправляютъ празднество въ честь его имени и посѣщаютъ гробъ его , находящійся въ пяти миляхъ отъ города Имамъ - Гуссема. Абдел - Азисъ нарочно ожидалъ сего праздника для овладѣнія городомъ , и произвелъ въ дѣйство свое намѣреніе 20го Апрѣля 1802го года , то есть, въ тотъ самый день , когда жилища ходили на поклоненіе ко гробу пророка. 12000 Вгаабисовъ внезапно напали на городъ , и овладѣли онымъ по слабомъ сопротивленію , которое привело въ такое бѣшенство варваровъ , что они , слѣдуя безчеловѣчному ученію своея вѣры, умертвили всѣхъ мужчинъ безъ изъятія ; сего не довольно: они не пощадили даже беременныхъ женщинъ , вынимали младенцевъ изъ утробъ матернихъ и перзали ихъ на мѣл-

кія части, съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобы ни одинъ человекъ мужескаго пола не избѣжалъ отъ ихъ жестокостріи.

Болѣе 5000 несчастныхъ жертвъ лишились жизни при семъ случаѣ. Хищники все разграбили. Гробъ Имама былъ покрытъ богатымъ ковромъ, унизаннымъ жемчугомъ величины необыкновенной; сіи сокровища и другія, присланныя въ даръ отъ Королей Персидскихъ, достались въ добычу Ваабисамъ. Они разрушили мечеть, изпровергли минареты, сняли съ купола мѣдную вызолоченную крышку, которую они сочли за золотую. Двѣсти верблюдовъ нагружены были добычею и отправлены въ Дерайегъ. Абдель - Азисъ совершилъ дѣло сіе и приобрѣлъ несчетныя богатства, не поперявъ ни одного человека.

Извѣстіе о разграбленіи Имама - Гуссема печалило всѣхъ жителей Багдада и скоро дошло до самаго Короля Персидскаго. Фейзъ - Али - Шахъ жестоко упрекалъ Солимана - Пашу въ нерадѣніи Кайи, оказанномъ имъ во время похода въ Дерайегъ, и угрожалъ, что самъ пошлетъ сильное войско противъ Ваабисовъ, если Паша не предприметъ дѣятельнѣйшихъ мѣръ къ изпоселенію сихъ разбойниковъ. Солиманъ - Паша обѣщался въ почтисспи исполнить требованіе Шаха, и немедленно собралъ

многочисленнее войско въ своей области. Повелѣнія со стороны Порты много способствовали къ симъ приготвленіямъ; но до сихъ поръ ничего еще не предпринято. Слѣдующее обстоятельство служило доказательствомъ, что самъ Солиманъ не полагался на свою силу. Сокровища, находившіяся въ мечетѣ Мегадъ-Иманъ - Алія, отца Имамъ - Гуссемова, для сохраненія ихъ отъ хищничества Вгабисовъ, перенесены ко гробу Мегадъ-Иманъ-Муссы, опстоящему отъ Багдада на одну милю.

(*Продолженіе впрѣдѣ.*)

II.

Взглядъ на произшествія 1804го года.

Прошедшій годъ останется достопамятнымъ въ лѣтописяхъ міра, не войною, но тихую кончиною Французской Республики. Въ то самое время, когда завистники славы и могущества Гна. Бонапарте осприли кинжалы для его погубленія, Фортуна воздвигала престолъ своему любимцу на развалинахъ храма мнимой свободы. Кипо могъ надѣяться, чтобы необузданная воля и строгій деспотизмъ, нечестіе и набож-

ность — вещи діаметрально противоположныя, и по общему порядку обыкновенно раздѣляемыя цѣлыми столѣтіями однѣ отъ другихъ — сблизились между собою такъ, что наблюдатель едва видѣлъ небольшой промежутокъ между ними? Ни сильное вліяніе перваго Консула на южную Европу, ни удачное преодоленіе препонъ въ его намѣреніяхъ, ни же наконецъ бракосочетаніе вдовы Генерала Леклера (сестры Наполеоновой) съ Принцемъ Боргезе, не подавали причинъ догадываться, что Г. Бонапарте такъ поспѣшно облечется въ порфиру Бурбоновъ, между тѣмъ, какъ Бурбоны почитаютъ Францію своимъ достояніемъ и вопіютъ противъ хищенія новаго владѣльца. Но судьбѣ угодно было изумить самыхъ тонкихъ Политиковъ; Карно, одинъ Карно, извѣстный по Испоріи революціонной, отважился явно не соглашаться съ предложеніемъ Гражданина Кюре о поднесеніи первому Консулу верховной, неограниченной власти; онъ смѣло доказывалъ, что „страхъ господствуетъ надъ умами и мнѣніями; что свобода книгопечатанія умышленно уничтожена; что адреса о наследственномъ Императорскомъ достоинствѣ присылаются только отъ чиновныхъ людей, не отъ народа, и что они написаны по дѣйствию самаго Правительства.“

Тщешно! Трибуналъ препроводилъ въ Блюспинпельной Сенатъ свое опредѣленіе, и 4й день Мая ознаменованъ произшествіемъ, оупъ котораго зависишь судьба многихъ милліоновъ. Припѣсеніе Ганноверцевъ и вообще южной Германіи, ареспованіе и казнь Дюка Энгіенскаго, насильспвейное увлеченіе Англійскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ, Гна. Румбольда, изъ вольной области, нарушеніе договоровъ и поспановленій — вопъ пяпна, на которыя безприспраспный Дѣписапель долженъ будепъ указать потомспву въ изображеніи Наполеоновой жизни; онъ замѣпипъ, что въ девятнадцатомъ столѣпніи, въ опечествѣ Фенелоновъ и Расиновъ, подѣ вліяніемъ правительспва говорили и писали. что „Математика изсушаепъ сердце, Медицина еспъ наука обмана, Физика и Химія ведушь къ безбожію, Спихотворспво еспъ припадокъ праздныхъ головъ, Краснорѣчіе — рычагъ для опроверженія Гоеударспвъ, словомъ, что изящныя Науки суть ремесла, совсѣмъ ненужныя въ общеспвѣ.“ — Венныя произспввія минувшаго года были не важны; время протекло въ бесполезныхъ пригопвленіяхъ къ выгадкѣ, предпринимаемой на счепъ Американскаго золота, которымъ Испанія и Португаллія купили у Бонапарте дозволеніе не

вмѣшивавшись въ войну съ Англичанами. Франція лишилась, и можетъ быть навсегда, Сенп-Домингской своей колоніи, доставшейся Гаишскому Генералу Дессалину, поперяла шесть тысячъ своего войска, взятаго въ плѣнъ Англичанами подъ стѣнами Капа; но сей уронъ ничего не значитъ. Благодаря робкому духу сосѣдей, многочисленныя Наполеоновы ополченія не имѣли недостатка въ своемъ содержаніи. Голландія, прежде сильная и богатая, уже десять лѣтъ спонетъ подъ желѣзнымъ скипетромъ своихъ союзниковъ; ее скорѣе можно назвать Французскою провинціею, нежели отдѣленною Республикою; прокормленіе Французскихъ войскъ и, что гораздо важнѣе, упадокъ внѣшней торговли ошъ недостатокъ средствъ вести ее съ пользою для Республики угрожаютъ Голландіи участію Венеціи. Директорія увидѣла потребность въ новой Конституціи, прислупила къ сочиненію плана предполагаемыхъ перемѣнъ; но кто поручится, что сіи перемѣны будутъ имѣть цѣлью существенную пользу Батавіи, а не Франціи? Извѣстно, что Г. Бонапарте вмѣспѣ съ Шиммельпенникомъ пишупѣ новыя законы. — Королевства Неаполитанское и Эррурійсксе сепавались по прежнему занятыми Французскимъ войскомъ, съ ншо только

розницею, что въ печеніи минувшаго года число госпей сихъ впрое прибавилось. Папа болѣе, нежели всѣ прочіе Италіанскіе Государи, пользовался уваженіемъ Гна. Бонапарте и сберегъ Церковную Обласпъ отъ Французскаго ига — причина очевидна.

Съ увеличеніемъ силы Гна. Бонапарте и его вліянія на Нѣмецкую Имперію, власпъ Римскаго Императора примѣтнымъ образомъ уменьшилась. Люневильской миръ положи́лъ основаніе сей чудесной перемены, а воспріяшіе Гмъ. Бонапарте новаго сана подало Францу II му поводъ утвердить въ Домѣ своемъ наследственное Императорское достоинство. Римскій Императоръ видѣлъ, что правами его шипула пользуется другой и захотѣлъ лучше бытъ наспоющимъ Императоромъ въ своемъ владѣніи, нежели шипулярнымъ надъ обласпями, ему не принадлежащими. Не ошибемся, если скажемъ, что Германія ожидаетъ новой для себя Конституціи. Въ минувшемъ году Пруссія прославилась своимъ неутралишетомъ, въ то время, когда по всѣмъ вѣроиспностямъ надлежало бы взять какую нибудь спорону; Эльба и Везеръ оставались въ блокадѣ; Рыцарспву возвращены права его — симъ ограничиваются извѣстія о достопамятностяхъ Германіи.

Обративъ взоры на произшесивія Бри-танніи, увидимъ, что обладатели морей опличились папріотическими пожертво-ваніями и приготовленіями къ отраженію страшнаго непріятеля. Но ни побѣды ихъ надъ Мараттами, ни овладѣніе Французскими кораблями въ Вестъ - Индіи, ничто не можетъ сравниться съ достопамятно-стію эпохи вступленія въ Министерство знаменитаго Пиппа, сего Генія Полити-ки, копорой чепыре года отдычалъ на лаврахъ своихъ, послѣ семнадцатилѣтняго управленія кормиломъ Государства. Никог-да польза Англіи не имѣла столь необходи-мой нужды въ сей спасительной пере-мѣнѣ. Соединенныя партіи Фоксова, Грен-вилева и Пиппова уничтожили всѣ усилія прежняго Министерства; Аддингтонъ дол-женъ былъ уступить мѣсто великому сво-ему преемнику. Составленная Пиппомъ Государственная Администрація состоитъ изъ слѣдующихъ особъ: Лорда Мельвилля (Дундаса), перваго Лорда Адмиралтейства; Лорда Гарровби, Спиксъ - Секретаря внѣш-нихъ дѣлъ; Лорда Гакесбури, Спиксъ - Се-кретаря внутреннихъ дѣлъ, и Лорда Кам-дена, Военнаго Министра.

Турція представляла позорище ужас-ныхъ междоусобій. Порта, помирившись съ безпокойнымъ Пасваномъ, не утвердила

пишины въ Имперіи. Кромѣ бунтовъ въ Ромеліи, Деи, тиранспвовавшіе въ Бѣлградѣ, возбудили ненависть въ кропкихъ Сербяхъ, и Черной Георгіѣ скоро далъ почувствовать Туркамъ, что не должно народовъ побѣжденных доводить до отчаянія. Но Полифика Дивана имѣетъ свои особенныя правила; возмущенія не страшны для нея. Паша собираетъ сильное войско, идетъ противъ своего сосѣда, грабитъ провинціи — какая нужда! Порта ведетъ переговоры съ обоими мятежниками и хитростию старается ослабить обѣ стороны. Древніе Цари Персидскіе возпламеняли огонь раздора между малыми Греческими Республиками, и такимъ образомъ препятствовали соединиться имъ противъ общаго непріятеля; Порта дѣйствуетъ по тѣмъ же правиламъ, съ тою только разницею, что Греки были явные непріятели Персовъ, а Паша суть — подданные Султана. Такъ Джебзаръ, извѣстный Паша Акрскій, врагъ Дивана, былъ посланъ въ Египецъ Губернаторомъ именно съ нѣмъ намѣреніемъ, чтобы запутать его въ войну съ Бейями, старинными непріятелями же Оттоманской Порты. По крайней мѣрѣ Селимъ III имѣлъ по увѣщенію, что Ваабисы прогнаны во внутренность Аравіи, страшныя ихъ ополченія разсыпаны, и самъ

предводителъ , глава новой вѣры , лишенъ жизни опъ руки убійцы. Не смотря на то , Турки должны еще спрaшиться сихъ фанатиковъ.

Не лъзя безъ содроганія говорить о бѣдственномъ положеніи Испаніи. Заплативъ Франціи многіе милліоны за дозволеніе пользоваться миромъ , она не купила мира ; война кровопролитная угрожаетъ сему Королевству , терпящему недосыпнокъ въ хлѣбѣ , и опустошенному заразою , землетрясеніемъ и бунтами.

Взглянемъ на Сѣверъ ; и тамъ движеніе войскъ предвѣщаетъ бурю. Нѣтъ! сіи приговоренія имѣютъ цѣлю счастіе народовъ , защиту правъ ихъ и возстановленіе Государствъ , клонящихся къ паденію. Россія , Данія и Швеція подъ эгидою мудрыхъ Монарховъ своихъ наслаждаются изобиліемъ и всѣми выгодами гражданской свободы. Германія видѣла въ человеколюбивомъ АЛЕКСАНДРѢ ревностнаго Покровителя своей независимости ; Король Сардинскій на НЕГО одного возлагаетъ надежду возвратить себѣ области , присвоенныя властолюбивымъ утѣснителемъ ; Фердинандъ IV въ Обладателѣ полсѣта чинитъ безкорыстнаго Защитника достоинства своей короны ; Голландская Республика , осѣняемая крыломъ Орла Сѣвернаго ,

не боится угрозъ отъ Юга и не завидуемъ
никакому народу. Пусть попрежнему отъ
насъ доказательствъ благосостоянія на-
шего Отечества; пусть спросятъ, чѣмъ
славенъ для насъ годъ пропекшій; мы ука-
жемъ на обширныя поля, населенныя на-
родами, пришедшими изъ странъ далекихъ,
отъ береговъ Рейна и Дуная; на трофеи,
принесенные побѣдоносными Россійскими
Героями, возвратившимися изъ Персиды;
на жилища наши, наполненыя плодами
сельскаго трудолюбія; на гавани, покры-
тыя кораблями; на храмы, посвященные
Парнасскимъ богинямъ; укажемъ на сѣш-
лые взоры, на веселыя лица нашихъ со-
гражданъ — и зависники онѣмѣются.

III.

Извѣстія и замѣтанія.

Отъ 25 го дня Ноября мѣсяца, то есть
со времени прибытія Папы въ Фонтенебло,
начинается Исторія праздниковъ и обря-
довъ вѣнчанія Г-на Бонапарте на престо-
лъ Французской Республики. Такія произше-
ствія по рѣдкости своей заслуживаютъ
общее вниманіе. Не будемъ замѣчать всѣхъ
движеній дѣйствующихъ лицъ, но предло-

жимъ въ историческомъ порядкѣ шольке главнѣйшія изъ нихъ.

Г. Бонапарте забавлялся охотою, когда уведомили его о приближеніи Свяпаго Отца. Онъ выѣхалъ на дорогу для встрѣчи гостя, и посадивъ его въ свою карету, ввезъ въ Фонтенебло при громѣ пушекъ; войско расположено было по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей въ замокъ. Г. Бонапарте, какъ кажется, захопѣлъ травить зайцовъ единственно для того, чпобы нарочно не выѣзжалъ на встрѣчу Его Святѣйшесшву. Не лъзя также не замѣнить, чпо онъ прежде Папы сѣлъ въ карету, будпо сѣпѣмъ намѣреніемъ, чпобы заняпъ мѣсто на лѣвой сторонѣ. Кардиналъ Капрара и такъ называемые нынѣ Великіе Офицеры Имперіи приняли Папу въ низу лѣстницы; Оберъ - Маршалъ двора, Оберъ - Церемоніймейстеръ и Оберъ - Каммергеры проводили Его Святѣйшесшво въ назначенныя для него комнаты.

Папа, немного отдохнувъ отъ дороги, посѣтилъ Г-на Бонапарте и былъ введенъ въ кабинетъ своего хозяина Великими Офицерами. Г. Бонапарте проводилъ Папу до залы; отшуда Его Святѣйшесшво, предводимый придворною Дамою, отправился на поклонъ къ Гозефинѣ, которая, по изъясненіи

взаимныхъ учтивостей , проводила его до впорой комнаты.

По возвращеніи Папы , представлены ему были Министры и Великіе Офицеры.

Въ 4 часа послѣ полудня Г. Бонапарте посѣтилъ Папу , сопровождаемый всѣми придворными Чиновниками , которые шли впереди.

Потомъ посѣтилъ Папу Лудовикъ Бонапарте.

Наполеонъ представилъ Папѣ Архикандлера Камбасереса и великаго Сокровище – хранителя Лебрюна.

На другой день, прибывшій въ Фонтенебло Іосифъ Бонапарте посѣтилъ Ею Святейшество. Въ тотъ же день представлены Папѣ Маршалы Имперіи : Ожеро , Монсей , Массена , Лефевръ , Сульшъ , Ней , д'Аву , Ланъ , Бесьеръ и другіе Генералы.

27 го Числа Папа опять посѣщалъ Наполеона и Іозефину и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними. Примѣчено , что во время сихъ посѣщеній Г. Бонапарте и Папа долго разговаривали между собою.

Между тѣмъ въ Парижѣ въ тотъ же день всѣ Полковники войскъ и корабельные Капитаны , собранные со всѣхъ концовъ Франціи , праздновали въ залѣ Олимпійскаго театра торжественную вину своего соединенія. Іосифъ и Лудвигъ Бонапарте ,

Министры военные и морской, Маршалы Франціи, Генералы и Инспекторы армій и Великій Канцлеръ почешнаго Легіона были приглашены на сей *праздникъ соединенія*. Зала убрана была великолѣпно; по срединѣ возвышался проиъ, надъ копорымъ парящій орелъ держалъ вѣнецъ изъ лавра и дуба.

29 го Ноября въ 3 часа послѣ полудня Г-жа Бонапарте прѣехала въ Парижъ; съ нею въ каретѣ сидѣли Гжа Рошфуко и Г-жа д'Арсбергъ. Папа и Г. Бонапарте вѣѣхали въ городъ въ шесть часовъ съ половиною. Всѣ войска спояли въ ружьѣ. Его Святѣйшество занялъ павильонъ Флоры.

До впораго числа Декабря Папа провель время въ обыкновенныхъ молитвахъ и въ спдохновеніи послѣ безпокойствъ ошѣ дороги. Прежде нежели приступимъ къ описанію обряда, почиаемъ нужнымъ упомянуть о нѣкоторыхъ разпоряженіяхъ, копорыя выпиываемъ изъ церемоніала. На срединѣ церкви Богоматери воздвигнутъ для Г-на Бонапарте пышный проиъ съ двадцатью ступенями; на правой стороне, одною ступенью ниже, поставлены кресла для Г-жи Бонапарте; еще ниже — назначены мѣста для шакъ называемыхъ Принцессъ Французскихъ; за ними — для

Дамъ придворныхъ. На лѣвой сторонѣ, двумя ступенями ниже прона, стояли Гюсифъ, Лудовикъ, Камбасересъ и Лебрюнь; позади Наполеона находились Генералы гвардіи, Оберъ Гофъ-Маршалъ, Оберъ-Каммергеръ; Великіе Офицеры съ регаліями Г-на Бонапарте стояли по правую руку Оберъ-Гофъ-Маршала, а другіе Великіе Офицеры съ регаліями Карла Перваго находились на лѣвой сторонѣ. Далѣе по ступенямъ стояли одинъ за другими: Министры, Маршалы, Инспекторы, Генералы и Члены Государственнаго Совѣта. У подножія прона на правой сторонѣ — Оберъ-Церемоніймейстеръ, за нимъ — два Церемоніймейстера и военный Оберъ-Герольдмейстеръ съ двумя Герольдами; напротивъ Оберъ-Церемоніймейстера — два Церемоніймейстера; за ними — два Герольда. Мѣста для Сенапсровъ назначены были на обѣихъ сторонахъ впереди прона; за ними — Законодатели; далѣе — Трибуны, Члены Кассационнаго Судилища, Великіе Офицеры почетнаго Леіона, Коммиссары спчетовъ, дивизионные Генералы, Президенты и Прокуроры Апелляціонныхъ судилищъ, Президенты избранныхъ Коллегій, Префекты, Бригадные Генералы и проч. Не далеко отъ алтаря передъ Евангеліемъ сооруженъ тронъ для Папы съ мѣстами для его

Великихъ Офицеровъ , Кардиналовъ и прочаго Духовенства.

Всѣмъ корпусамъ и Чиновникамъ предписано собраться въ церковь за два часа до прибытія Г-на Бонапарте. Папа занимался обыкновенною молитвою до шѣхъ поръ , пока Г. Бонапарте , облекшись въ Императорское одѣяніе на Архіепіскопскомъ дворѣ , имѣя на головѣ корону , съ скипетромъ и дѣржавою въ рукахъ , вошелъ въ церковь , сопровождаемый многочисленною свитою. За нимъ слѣдовали Г-жа Бонапарте въ Императорской мантіи , но безъ короны и безъ перснѣя. На церковномъ крыльцѣ два вступившіе Кардиналы поднесли святую воду, одинъ Наполеону, а другой Іозефину; потомъ оба коронующіеся оправились подъ балдахиномъ во внутренность церкви и заняли пригошевленные для нихъ кресла. Въ сіе время Папа , сошедъ съ трона, приблизился къ жертвеннику и началъ шѣшь гимнъ : *Veni creator* ; между шѣмъ Г. и Г-жа Бонапарте , помолясь , вснаи съ мѣснѣ своихъ. Наполеонъ отдалъ державу Архиканцлеру , а скипетръ Великому Сокровищехранищелю ; Великій Мебриатель снялъ съ головы его корону, а Оберъ-Каммергеръ принялъ шѣшь. Оберъ-Каммергеръ вмѣстѣ съ Оберъ-Шпалейстеромъ и двумя Каммерерами сняли

мантію ; самъ Г. Бонапарте , вынувъ мечъ , сдалъ его Коннепаблю. Придворныя Дамы равнымъ образомъ сняли мантію съ Г-жи Бонапарте. Послѣ того Папа, подошедъ къ Г-ну Бонапарте и указывая на Евангеліе, поднесенное Великимъ Омонье, спросилъ его : *Profiteris ne ?* и проч. ; то есть, исповѣдуешь ли ? Г. Бонапарте , положивъ обѣ руки на Евангеліе , отвѣчалъ : *Profiteor* , исповѣдую. По прочтеніи обыкновенныхъ молитвъ , Великій Омонье Франціи, старшіе Французскіе Кардиналь - Архіепископъ , Архіепископъ и Епископъ , подошедъ къ Г-ну и Г-жѣ Бонапарте и сдѣлавъ по низкому поклону , подвели ихъ обоихъ къ подножію жершвенника для воспріятія священнаго миропомазанія.

Когда Г. и Г-жа Бонапарте преклонили колѣна , Папа совершилъ надъ ними тройственнаго помазаніе , то есть на головѣ и на обѣихъ рукахъ ; тѣ же духовныя особы ствели коронующихся на прежнее мѣсто. Въ сіе время Папа началъ отправлять Литургію. Предъ чтеніемъ Евангелія Его Святѣйшесство благословилъ короны , мечъ , мантіи и персины. Наполеонъ и Іозефина вторично подшли къ жершвеннику. Г. Бонапарте самъ возложилъ на себя корону , полкомъ увѣнчалъ Г-жу Бонапарте , преклонившую колѣна. Папа ,

вставъ съ своего престола, вмѣстѣ съ Кардиналами опвелъ Наполесна и Іозефину, облеченныхъ въ маншіи, наרוןъ, угопозанный посреди церкви, и перваго поцѣловаль въ щеку. Въ надлежащее время сба коронующіеся прѣбщились Святыхъ Таинъ. По окончаніи Литургіи, Г. Бонапарне чиншаль присягу, которую, между шѣмъ какъ Папа возгласилъ: *Тебе Бога хвалимъ*, подписывали Президенты Сената, Законодательнаго Корпуса и Трибунала. Архиканцлеръ поднесъ оную для подписанія Г-ну Бонапарне, Принцамъ и Великимъ Чиновникамъ. Наполеонъ и Іозефина возвратились подъ балдахиномъ на Архiepiscopской дворъ; за ними шелъ Папа, подъ балдахиномъ же, въ сопровожденіи Духовенства. Въ день коронаціи 80,000 войска стояло подъ ружьемъ въ Парижѣ. Папа выѣхаль изъ Тюиллерійскаго дворца въ церковь Богоматери довольно рано и ожидалъ Г-на Бонапарне около двухъ часовъ. Кареты Членовъ Дипломатическаго Корпуса, Сенаторовъ и Государственныхъ Совѣтниковъ отличались пышностію и великолѣпіемъ; но нѣкоторые Члены Законодательнаго Корпуса, Трибунала и проч. ѣхали въ дурныхъ извошечьихъ фіакрахъ, на которыхъ видны были нумера, неискусно зачазанные гербами. Не смотря на приложенное сна-

раніе вычислить сіи бѣдныя кареты и уборъ лошадей, не лзя было не замѣнить, что они взяты съ площади. Въ ливреяхъ видно было такое же разнообразіе. Г. Бонапарте и его супруга ѣхали въ новой богатой каретѣ, запряженной осмью лошадьми; надъ каретою возвышалась большая корона Императорская. На багряныхъ мантіяхъ Наполеона и Иозефины вышиты золотыя пчелы. Принцы одѣты были въ бѣлыя мантіи съ золотыми же пчелами. Корона Г-на Бонапарте сдѣлана изъ золота на подобіе вѣнца лавроваго съ дубовыми листьями; корона Г-жи Бонапарте гораздо менѣе, нежели ея супруга. Оба коронующіеся имѣли на ногахъ бѣлыя башмаки, вышитые золотомъ. Г. Бонапарте, будучи въ церкви, казался погруженнымъ въ великую задумчивость; на лицѣ Иозефины видно было умиленіе. Нѣмецкіе Князья занимали особыя, приготовленныя для нихъ, мѣста. Кромѣ Курфюрста Архиканцлера, присутствовали въ церкви Богоматери Владѣтельный Князь Нассау - Вейльбургскій, Наслѣдныя Принцы Гессенъ - Гомбургскій, Гессенъ - Дармштадтскій и Баденскій, и другіе Принцы и Принцессы. По окончаніи Литургіи, Папа, возвратясь на Архіепи-скопскій дворъ, допустилъ нѣкоторыхъ

особѣ къ цѣлованію ноги. — Оснавяя до слѣдующихъ номеровъ Вѣспника продолженіе описанія сихъ подробностей шеперь, замѣтимъ только, что Полиція въ Парижѣ неуспно дѣйствуетъ; пайные агенты ея безпрестанно развѣдываютъ, кпо и за чѣмъ прѣхалъ, подслушиваютъ разговаривающихъ, и обо всемъ доносятъ правительству.

Въ Англіи зрѣетъ важная государственная перемѣна. Причина частыхъ отсрочекъ Парламентскихъ засѣданій, которыя опять отложены до 15 го Января, объясняется тѣмъ, что заготовляютъ великіе предметы для разсужденій. Полагаютъ за досповѣрное, что, по согласію Короля, учреждается Регентство, и что примиреніе Его Величества съ Принцемъ Валлисскимъ сдѣлано на слѣдующихъ условіяхъ: 1. Въ Королевской фамиліи быть совершенному согласію; 2. Друзья Принца Валлисскаго должны обязаться не ссавлять парій, пршивныхъ Министерству, и 3. Если Регентство будетъ признано дѣйствительно нужнымъ, въ такомъ случаѣ для учрежденія онаго потребно согласіе сърхъ парій, то есть спорсны преданси: Министерству и Оппозиціи. — Народъ любитъ

Наслѣднаго Принца ; слѣдственно сія перемѣна должна быть важною эпохою въ Исторіи благоденствія Англіи. Изъ числа пріятныхъ извѣстій, полученныхъ изъ Остѣ - Индіи, достоинѣйшая примѣчанія есть та, что война съ Голкаромъ кончена покореніемъ сего Владѣльца Англійской Державѣ. Война съ Испанією неизбежна. Г. Фреръ, Англійскій повѣренный въ дѣлахъ, уже выѣхалъ изъ Мадрида.

По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Константинополя видно, что хощя Французскій Посланникъ Брюнъ еще не оставилъ сей столицы, однакожъ прервалъ сообщеніе съ Портою и ожидаетъ оныхъ своего Правительства новыхъ наставленій. Изъ Азіи получаютъ вѣсти самыя непріятныя. Жители Алепа выгнали своего Губернатора и теперь ведутъ съ нимъ войну. Въ самомъ Константинополѣ показались прилипчивыя болѣзни.

Голландская Директорія, пользуясь отсутствіемъ Французскаго Посланника, отважилась - было сдѣлать опредѣленіе, по силѣ котораго Бапавскимъ военнымъ

Начальникамъ запрещается исполнять повелѣнія Французскаго Генерала Мармона, относящіяся до внутреннихъ хозяйственныхъ распоряженій, какъ-то ввоза и вывоза товаровъ, сбора пошлинъ и проч. Немедленно грянулъ громъ изъ Парижа, и бѣдныя Голландцы принуждены были уничтожить свое опредѣленіе.

Въ нѣкоторыхъ публичныхъ листахъ напечатано, что, по приказанію Г-на Бонапарте, извѣстный Писатель Г. Коцебу арестованъ въ Римѣ, гдѣ онъ съ нѣкотораго времени находился и повезенъ въ Парижъ подъ строгимъ присмотромъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ГЕНВАРЬ 1805.

№ 2.

ЛИТТЕРАТУРА И СМѢСЬ.

● I.

*О путешествіи Іосифа Ачерби на Сѣ-
верной мысь.*

Г. Ачерби, проѣзжая Швецію, не имѣлъ времени наблюдать нравы и обычаи ея жителей. Нѣсколько неважныхъ анекдотовъ и множество бесполезныхъ извѣстій объ Академіи Спокгольмской занимаютъ большую половину перваго Тома. Путешественникъ одушевляется, беретъ кисель свою не прежде, какъ пріѣхавъ въ Финляндію и потомъ въ Лапландію: тамъ, подъ суровымъ небомъ, Авпоръ пишетъ совсѣмъ другими красками, изображаетъ очаровательность, чудесность.

Въ сихъ странахъ пустынныхъ жизнь человеческая есть непрерывный феноменъ,

и самъ человѣкъ — живущій среди льдовъ, окруженный ужасами Природы, непрестанно борющійся съ нею и сохраняющій бодрость духа среди всеобщаго сѣпрованія — есть феноменъ рѣдкій, удивительный: крайности не ужасаютъ его; онъ съ твердоспѣю употребляетъ зиму весьма холодную послѣ весьма жаркаго лѣта.

По наступленіи зимы, рѣки, озера, моря — исчезаютъ; рѣки превращаются въ болышія, твердые дороги; по морю ѣздятъ на саняхъ съ такою же удобоспѣю, какъ по землѣ. Иногда ледъ трещитъ подъ ногами; чужестранецъ не можетъ безъ трепета помыслить о путешествіи надъ безднами по морской поверхности, столь ломкой и ненадежной; Сѣверный житель привыкъ къ опасностямъ и не обращаетъ на нихъ вниманія.

Находимъ въ Исторіи, что одинъ Король Шведской расположился со всею арміею на поверхности Балтійскаго моря, приказалъ разложить огни, и простоялъ 48 часовъ. Въ странѣ, лежащей подъ умереннѣйшимъ климатомъ, на замерзшемъ озерѣ Меотійскомъ (Азовскомъ морѣ), одинъ военачальникъ Мипридаповъ одержалъ побѣду надъ непріятелемъ, а въ послѣдовавшее лѣто выигралъ морское сраженіе на томъ же озерѣ. Въ 765 мѣ году,

въ царствованіе Константина Копронима, Понпъ Эвксинскій (Черное море) могъ бы служишь мѣспомъ сраженія для двухъ многочисленныхъ армій; поверхность его тогда замерзла въ глубину на тридцать лакшей. Во время оппепели Азія и Европа спрашились несчастныхъ послѣдствій; ледяныя горы едва не разрушили Констаншинополя.

Хотя зима въ странахъ сѣверныхъ жестока и продолжительна; однакожь она имѣетъ свои прелести, свое великолѣпіе. Когда солнце сокроепся за горизонтъ на три мѣсяца, въ то время освѣщаетъ землю сѣверное сіяніе чудесное, очаровательное. Огни атмосферическіе забавляютъ жителей въ часы, свободные отъ упражненій; кажется, что Природа блестящими метеорами хочетъ утѣшишь ихъ въ несчастіи, хочетъ разсѣять печаль ихъ. Сія Природа, по видимому сполько для нихъ спрогая, нѣжитъ неизъяснимыми пріяпностями людей простодушныхъ, которыхъ участь кажется намъ доспойною соспраданія, и которыхъ мы считаемъ осужденными жить въ мѣспахъ самыхъ неносныхъ.

Въ сихъ обширныхъ пустыняхъ чело-вѣкъ имѣетъ свои удовольствія, свои душевныя движенія, свои наслажденія, копо-

рыя, можетъ быть, ни въ чемъ не успунають нашимъ. Въ продолженіе зимы, онъ живетъ неразлучно съ собою и съ родными, естественнo чувствуетъ всю цѣну связей сердечныхъ; отъ того на Сѣверѣ госпепрїимство считается въ числѣ первыхъ добродѣтелей; отъ того Лапландецъ встрѣчаетъ чужестранца съ разпростертыми объятїями и обходится съ нимъ несравненно искреннѣе и дружелюбнѣе, нежели въ странахъ полуденныхъ, гдѣ человекъ почти всегда живетъ *внѣ самаго себя*. Никогда честолюбіе не вооружало Лапландцевъ; можно сказать утвердительно, что они одни только во всемъ протранствѣ мїра наслаждаются непрерывнымъ спокойствїемъ.

Съ наступленїемъ Мая въ Финландїи и Лапландїи все принимаетъ на себя другой видъ, все одушевляется, все начинаетъ жить и благоденствовать. Лишь только первые лучи солнечные освѣтятъ жилищину Лапландца, Напура пробуждается отъ долговременнаго сна, разпоргаетъ свои оковы, улыбается, одѣвается въ свѣтлую ризу свою и представляетъ взорамъ очаровательное зрѣлище. „Пищцы, говоритъ Г. Ачерби, слезаюцца отъ предѣловъ мїра для того, чтобы, наделивъ лѣса и поля, озера и болота, оживить сельскую картину.“ Лишь только снѣгъ сойдетъ

въ земной поверхности, и уже вездѣ видится прелестную зелень. Человѣкъ упоааетъ въ радостныхъ воспоминаніяхъ оныхъ дѣйствія внезапнаго обновленія; днемъ онъ наслаждается неожиданнымъ счастьемъ своимъ, сидя подѣ тѣнью деревъ, при шумѣ журчащаго источника; ночью удовольствія его не прерываются. Въ это время, когда жители другихъ частей свѣта погружены въ глубокомъ снѣ, Лапландцы и Финландцы гуляютъ, путешествуютъ, забавляются охотою. Г. Ачерби замѣчаетъ, что послѣ десяти часовъ вечера бываетъ такъ свѣтло, что можно спрѣлать въ дѣль.

Громы тамъ слышны очень рѣдко, и льпо скоро оканчивается. Зима, не смотря на снѣжныя громады, на жестокую спужу, гораздо сноснѣе въ сихъ мѣстахъ, нежели льпо, котораго долгіе дни сполько же мучительны, какъ подѣ Экваторомъ. Тучи комаровъ подѣ Полосомъ страшнѣе, нежели львы и змѣи въ Африкѣ. Насѣкомыя ведутъ съ людьми безпреспанную войну, нападаютъ на нихъ во всякое время, влетаютъ въ ротъ, падаютъ въ кушанье, словомъ, нигдѣ не даютъ покоя; иногда вѣтры, прогоняя сихъ докучливыхъ тварей, не надолго избавляютъ людей отъ ихъ присутствія.

Если полагаешься на желѣзныя заключенія о дѣйствіи климапа на душу, о коимъ согласно утверждающъ обыкновенные Географы, то обитатели печальныхъ странъ сихъ должны бытъ лишены всѣхъ умствен-ныхъ способностей и споятъ на ряду съ безсловесными животными. Но человекъ не измѣняется подобно Напурѣ; умъ его вмѣстѣ съ нею не леденеетъ. Не смотря на то, что Финляндцы живутъ подъ суровымъ небомъ, языкъ ихъ не только пріятенъ, но и нѣженъ; они умѣютъ украшать свои пѣсни, и ледяныя горы служатъ имъ вмѣсто Парнасса. Дикія мѣстоположенія раждаютъ въ нихъ высокія идеи. Въ Руническихъ стихотвореніяхъ блискаетъ огонь пылкаго воображенія; слова живостію и нѣжностію не уступаютъ выраженіямъ обитателей предельныхъ странъ юга. Даже простые поселяне иногда одушевляются жаромъ Поэзіи цвѣтущей и богатой. Приведу въ примѣръ нѣсколько словъ изъ пѣсни молодой Остро - Ботнійской крестьянки, не умѣющей ни читать, ни писать, оплакивающей отсутствіе своего любезнаго.

„Увы! для чего вѣтры не могутъ
 „чувствовать? для чего Зефиры не умѣютъ
 „говорить? Вѣтры приносили бы ко мнѣ

„слова моего любезнаго; Зефиры увѣдомля-
ли бы его, какъ я поскую.“

Муза Финландская не уступаетъ та-
ланту Англійскаго Башмашника Блум-
фильда, котораго сочиненія удоспоены
перевода на разные языки. Въ Финландіи
даже пѣсни, которыми усыпляющъ дѣшей,
отличаются милою простотою и изобра-
жаютъ материнскую нѣжность самымъ
прекраснымъ образомъ. Новый Макфер-
серъ собраніемъ стихотвореній Руническихъ
одолжилъ бы ученый свѣтъ столько же,
сколько изданіемъ пѣсней Шотландскихъ
Бардовъ.

Финландцы весьма чувствительны къ
красотамъ Музыки; они, подобно воспе-
чнымъ народамъ, плачутъ, слушая мело-
дическіе звуки, и наслажденіе, доставляе-
мое добротасіемъ, предпочитаютъ всѣмъ
прочимъ удовольствіямъ душевнымъ.

На Сѣверѣ, болѣе нежели гдѣ нибудь,
человѣкъ ощущаетъ потребность въ не-
успрашимости, въ присутствіи духа, безъ
чего не возможно вступать въ бой съ
медвѣдемъ или съ морскимъ тюленемъ.
Мы отличаемся геройскою храбростію въ
сраженіяхъ, подъ знаменами, при громѣ
огнеспрѣльныхъ орудій; бѣдные рыбаки
Финландскіе показываютъ смелость въ дикомъ

уединеніи, въ тишинѣ, сражаясь съ чудовищами. Въ самомъ дѣлѣ, какая потребность отважнѣе для того, чтобы немедленно по вскрытіи моря садиться въ челнокъ, объявлять войну ужаснымъ фокамъ и не страшиться ледяныхъ громадъ, плавающихъ по поверхности! Какой солдатъ не согласится лучше лѣзть на городскую стѣну, нежели подвергаться такимъ опасностямъ? Слѣдующее обстоятельство должно насъ въ томъ увѣрить. Два Финлянца, занимаясь сею страшною ловлею, увидѣли двухъ тюленей, сидящихъ на небольшой льдинѣ. Промышленники тотчасъ привязываютъ лодку свою къ сему ледяному острову, всходятъ на глыбу и приближаются къ непріятелю. Между тѣмъ, ударъ большой льдины разбилъ въ дребезги лодку, и лишилъ ихъ всей надежды избавиться отъ угрожающей опасности. Несчастные въ продолженіе двухъ недель, каждую минуту умирая отъ страха, плавали по морю и видѣли, какъ льдина отчасу уменьшалась; спрдаая отъ голода, они рѣшились грызть собственные свои руки; на несбозримомъ пространствѣ моря не видѣли ничего — кромѣ смерти. Наконецъ рыбацье судно встрѣтилось съ ними и спасло ихъ отъ гибели. Желательно знать, какой человекъ можетъ перенести

подобную муку и претерпѣть голодъ двух-недѣльной?

Всѣ Землеописатели смѣшиваютъ Веспро - Боппнїю съ Лапландїею; Поэпъ Реньяръ, посѣтивъ берегъ рѣки Торнео, думалъ, что достигъ до предѣловъ Сѣвера и вырѣзалъ на камнѣ слѣдующій спихъ:

Stimus hic tandem, nobis ubi defuit orbis.

Но оппуда еще довольно далеко до Лапландїи, въ которой не находится ни одной Финландской хижины.

Можно думать, что подъ полярнымъ кругомъ не слышно ничего болѣе, кромѣ ревушихъ медвѣдей, воющихъ волковъ и охриплыхъ голосовъ морскихъ чудовищъ. У насъ привыкли говорить о Сѣверныхъ народахъ съ чувствомъ соболѣзнованїя. Извиняю сіе заблужденїе, попому что нынѣшнїе Философы и Географы всячески стараются удержатъ насъ въ семъ несправедливомъ мнѣнїи.

Кромѣ другихъ мѣстъ, даже за рѣкою Торнео многія семейства наслаждаются всѣми выгодами, всѣми удовольствїями, извѣстными въ опборныхъ обществвахъ городовъ южной Европы. Г. Ачерби былъ восхищенъ самымъ прїятнымъ образомъ, когда въ мѣстахъ почти дикихъ увидѣлъ любезныхъ дѣвищъ, превосходно воспитанныхъ, занима-

ющихся музыкою и плѣняющихъ искусною игрою на фортепiano. Тамъ, въ уединенныхъ семействахъ, принимаютъ чужестранца съ неприниженной радостію; тамъ осыпаютъ его нѣжными ласками; тамъ день его прибытія торжествуется всеобщимъ веселіемъ, а при прощаньи съ обѣихъ сторонъ льются слезы дружбы и признательности. Не столько печалится мать, разлучаясь съ сыномъ своимъ, сколько гостепріимное семейство, прощаясь съ чужестранцемъ.

Мперію описываетъ климатъ Болоніи самыми ужасными красками. „Тамъ“ говоритъ сей Академикъ: „иногда поднимаются страшныя бури и снѣгъ засыпаетъ путешественниковъ У выходящихъ на открытой воздухъ раздирается грудь отъ стужи, и проч.“ Это описаніе зимы. Г. Ачерби видѣлъ страну сію въ другое время года; его повѣствованіе не надлежитъ считать противорѣчіемъ тому, что говоритъ Французскій Академикъ. Г. Ачерби живописуетъ лѣто и изображаетъ намъ картины любопытныя и прелестныя, истину которыхъ свидѣтельствуютъ описанія, сдѣланныя Русскими и Шведами, посѣщавшими страны глубокаго Сѣвера.

Какое великолѣпное зрѣлище тамъ представляется глазамъ обитателя земель южныхъ, когда солнце въ ясный полдень

Юля спойшь надъ горизонтомъ ! Государи, Принцы, вельможи, Лишператоры, знаменитые путешественники посѣщали Торнео для того только, чтобы восхищаться сею картиною величественною, чудесною. Всѣ Лишператоры, отъ Реньяра до Весвропи, желая оставить по себѣ слѣды бессмертія въ странахъ гиперборейскихъ, вписали имена своя въ книгу церковную, въ бѣдномъ городкѣ Юкаспервисѣ, украсили ее пыльными надписями, имѣли удовольствіе перекликаться съ эхомъ сей дикой страны и рассказывать ему свои приключенія. Прочтите высокопарныя слова Ламонрея, копорой написалъ: *Vidit Polus Arcticus ipse, et mihi inocciduum ostendit Laponia solem*; Полюсъ Арктической видѣлъ меня; Лапландія показала мнѣ свое солнце не заходящее. Англичане, Италіанцы, Французы, всѣ наперерывѣ старались вписать имена свои, и тѣмъ сдѣлать ихъ славными не менѣе самой ученой Академіи.

Лапландія покрыта озерами и малыми рѣчками; послѣднія изобилуютъ порогами; не смотря на то, Финландцы и Лапландцы не боятся плавать. На малыхъ лодкахъ они безъ труда спускаются внизъ вмѣстѣ съ падающею водою. Берега рѣкъ усѣяны множествомъ водяныхъ птицъ, плавающихъ подъ навѣсомъ кустовъ ивовыхъ и

березовыхъ ; все сіе представляетъ восхищающую картину. Путешественникъ любуется прелесными холмами ; глаза его блещутъ среди рощю отдаленныхъ кустарниковъ, неизмѣримыхъ болотъ и вообще красою сельскихъ видовъ.

Лапландцы раздѣляются на два рода : одни живутъ домами , другіе ведутъ жизнь кочевую. Г. Ачерби невыгодно отзываясь о сихъ послѣднихъ ; напрошивъ того Г. Тукъ приписываетъ имъ природной умъ и удивительную способность къ наукамъ ; онъ свидѣтельствуетъ , что , кромѣ многихъ другихъ , ему знакомъ былъ Лапландецъ , который умѣлъ говорить по-Лапыни, по-Гречески, по-Нѣмецки, по-Англійски, по-Татарски и сверхъ того разумѣлъ другіе языки.

Нѣтъ сомнѣнія , что они вообще нерадятъ о воспитаніи. Лапландцы воспитываютъ дѣтей своихъ по Руссовой методѣ , то есть , удовлетворяютъ всѣ ихъ прихоти ; по счастію дѣти , живучи всегда при родителяхъ , заблаговременно привыкаютъ къ трудамъ , а это весьма много способствуетъ образованію свойству молодыхъ людей , оспавленныхъ на произволъ ихъ склонностей. Кочевые Лапландцы сами ищутъ знакомства съ чужестранцами и предлагаютъ имъ все , что имѣютъ. Сей

народъ, по добродушію и благопврительности, занимаетъ первое мѣсто между всѣми земными народами.

Что касается до Лапландцевъ, живущихъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, Г. Ачерби описываетъ ихъ нравы и свойства такимъ плѣняющимъ образомъ, что въ разпроганномъ чипапелѣ рождаются охопа, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ жизни, побѣдивъ добродушныхъ жителей странъ полярныхъ. Любовь брапская господствуетъ между ними. И теперь еще Лапландія гордится своими Папрїархами, которые съ непришворною искренностію угощаютъ странниковъ. Тамъ царство золотаго вѣка; тамъ хижины отворены для всякаго путешественника; тамъ не боятся хищенія; и что можно похитить у сихъ людей добродушныхъ? Все ихъ богатство состоитъ въ рыбномъ жирѣ, оленьихъ кожахъ и сушеной рыбѣ. Живучи въ мирѣ съ собою, предавшись тихому влеченію естественныхъ склонностей, соединясь въ общество по нуждѣ, они проводятъ счастливые дни свои въ безмятежномъ спокойствіи, въ отчужденіи отъ буйныхъ страстей, нарушающихъ благоденствіе народовъ просвѣщенныхъ.

Ахъ! чувствую и знаю, что Лапландецъ, вывезенный изъ дикой родины своей,

мѣжалъ бы о снѣгахъ, объ оленяхъ, о своей хижинѣ, о ледяныхъ громадахъ, умеръ бы отъ печали и опчаянiя. Много разъ привозили Лапландцевъ въ Копенгагенъ, старались забавлять ихъ, занимая нашими веселостями, старались заспаивать ихъ забыть свое отечество — все напрасно! Бѣдныя умирали отъ печали, вспоминая о своей родинѣ, о предметахъ своей нѣжности, съ которыми безжалостно ихъ разлучили.

Г. Ачерби, достигнувъ до предѣловъ Сѣверной Европы, нашелъ тамъ землю украшенную великолѣпiемъ; берегъ Ледовитаго Океана изобиловалъ всѣми богатствами царства прозябенiй. Кажется, что Напура неохотно оставляетъ человека; она прощается съ любимцемъ своимъ, подобно нѣжной матери, которая улыбается къ младенцу, желая ободрить его и утѣшить. На краю своего владѣнiя, тамъ, гдѣ начинается обласъ хасса, Напура съ сугубымъ усилениемъ роскошествуетъ и веселиетъ путешественника.

Наконецъ Г. Ачерби достигаетъ до Сѣвернаго мыса — цѣли своего путешествiя — до предѣловъ обширнаго обиталища смертныхъ. Тамъ оканчиваются царства и республики, тамъ оканчивается земное величiе — нѣтъ болѣе вселенной!

Куда пойдеть онъ далѣе? въ какой міръ
направишь путь свой? Ледяныя горы
оспановляють его шествіе. Богъ положилъ
сїю преграду; одинъ Богъ можетъ ее раз-
торгнуть. Оттуда не прудно воспарить
умомъ въ пространства безконечныя! „Ни
„одной пицы — — ни зелени — — ни
„растѣній — дикая пустыня, Океанъ не-
„измѣримый, небо безпредѣльное, солнце
„незаходящее, ночь непрерывная, молчаніе,
„пустыня: вопль черпы сей карпины!
„воплъ мысь Сѣверный!“

Изъ сихъ короткихъ словъ, выписанныхъ
изъ путешествія Г-на Ачерби, должно
заключить, что воображеніе Автора, ро-
жденнаго подъ прекраснымъ небомъ Авзонїи,
же охладѣло подъ Полюсомъ Медвѣдицы.

(Изъ иностр. Жур.)

II.

Р Ю Р И К Ъ.

Исторической отрывокъ.

Опяченныи лѣпами и болѣзнію Госто-
мысль лежалъ уже на одрѣ смерти.
Подъ его мудрымъ правленіемъ Новгородцы
спокойно наслаждались плодами многочислен-

ныхъ побѣдъ своихъ ; народъ болѣе любилъ его какъ товарища въ военныхъ подвигахъ, нежели боялся какъ могущественнаго своего власпелина. Всѣ погружены были въ глубокое уныніе. Печаль водворилась въ домахъ, и тишина царствовала на спогнахъ Великаго Новаграда. Тысяцкіе Новгородскіе и Старѣйшины земель, покоровшихся Госпомыслу, окружали болѣзненный одрѣ его, и въ мрачномъ безмолвіи взирали на смертную блѣдность, покрывшую лицо ихъ благопворишеля. Всѣ со препеномъ ожидали приговора Врачей. Вдругъ Госпомыслъ пробуждается отъ смертнаго усыпленія, открываетъ тяжелыя вѣжди свои, и окинувъ слабымъ взоромъ предспоящихъ, съ усиліемъ произноситъ послѣднее завѣщаніе :

„Знаменитые Тысяцкіе великаго Новаграда, и вы, мудрые Старѣйшины Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичь и Дряговичь ! вы были свидѣтелями, съ какимъ неусыпнымъ попеченіемъ я старался возвысить славу народа Новгородскаго, расширить границы его владѣній, содѣлать имя его спрашнымъ для сосѣдей непріязненныхъ ; вы видѣли, съ какою ревностію я прудился, желая утвердить спокойствіе въ Государствѣ и распространить торговлю до спранъ отдален-

ныхъ — однимъ словомъ, вы видѣли, что счастіе подданныхъ было единственнѣмъ предметомъ всѣхъ моихъ намѣреній и дѣяній.

Вкусивъ плоды подвиговъ моихъ, теперь съ безпокойнымъ духомъ низхожу въ обители смерти. — Я испыталъ во многихъ случаяхъ непостоянство Новгородцевъ; спрашусь, чтобы оно не вовлекло ихъ въ ужасныя бѣдствія. Иногда, для собственннй ихъ пользы, я противопоставлялъ власть мою необузданному своевольству; подобно стремительному потоку, разпоргающему слабые оплоты, они всегда были буйны и опрошнвы. Теперь оснавлиаю ихъ самими себѣ; — прекрасное зданіе, которое стоило многихъ лѣтъ жизни моей, въ одну минуту покрешъ развалинами своими хладную мою могилу.“

Одинъ изъ Старѣйшихъ. Государь! сошпы твои, равно какъ и великія дѣла, останутся навсегда незабвенными въ нашей памяти. — Народъ, благоговѣя къ своему имени, свято сохранитъ прсмудрые уставы, на которыхъ основано его благополучіе.

Господыслъ. Народъ подобенъ плакуну юности, который повинуется гласу своего наставника до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ своей свободы, пока языкъ

коварнаго обольстителя не коснется неопытныхъ ушей его.

Другой Старѣйшина. Польза народная требуетъ мудраго власпелина. — Граждане Новгородскіе всегда охотно жертвовали послѣднею каплею крови за свою свободу — но свободою своею они могли пожертвовать только одному опцу своему, великому Буривою, и тебѣ. — Нареки намъ преемника твоей власти.

Гостомыслъ. Оба сыновья мои, вѣнчанные лаврами, пали на ратномъ полѣ; дочери мои отданы въ супружество Князьямъ иноземнымъ.

Смѣшанной голосъ предстоящихъ. Владимиръ, храбрый Владимиръ, сынъ младшей дочери твоей, возмужавшій подъ твоими знаменами, да будетъ твоимъ преемникомъ!

Гостомыслъ. Владимиръ отваженъ и неуспрашимъ, какъ юный левъ, когда предстоитъ опасность; но разперзавъ своего непріятеля, левъ покоится, и хитрый ловчій вовлекаетъ его въ коварныя сѣпи. — Не довольно одного мужества, чтобы управлять народомъ многочисленнымъ и храбрымъ; потребны опытность и искусство, чтобы управлять самою храбростію. Владимиръ можетъ быть полезнымъ подданнымъ — но не Государемъ. . . .

Тріянь (одинъ изъ Тысяцкихъ). Послѣдняя воля мудраго Госпомысла будетъ для насъ и для всего народа священной. Соглашаемся отъ руки швоей принять Князя инсплеменнаго. Мою щесшвенная Дидилія благословила бракъ другихъ дочерей швоихъ; одинъ изъ швоихъ внуковъ да будетъ наследникомъ швоей славы и величія.

Госпомыслъ. Совѣшны швои, мужесшвенный Тріянь, были всегда подпорою моего престола. Такъ, давно уже въ сердцѣ своемъ я носилъ сіе предпріятіе; но извѣсшная мнѣ гордосшть жипелей Новгородскихъ не позволяла мнѣ шкрыть оное. Слава шрехъ Князей Варяго - Русскихъ, владѣющихъ обширными приморскими землями, давно уже дсшпигла до предѣловъ нашихъ. Руки ихъ съ младенчесшва привыкли управлять мечемъ и стрѣлами; иноплеменники шрепещушъ при одномъ ихъ имени, а мудросшть старшаго брата ихъ не разъ приводила уже во удивленіе Старѣйшинъ Варяжскихъ. Они сыновья Людбрана, Князя Финскаго, отъ рода Одинсва, и любезной дочери моей Умилы. Призови ихъ въ всю землю, и пусть Рюрикъ владѣетъ надъ вами

Тысяцкіе Новгородскіе и Старѣйшины племенъ Славяно - Русскихъ поклялись исполнить послѣднюю волю своего Государя,

Народъ , померявши въ немъ друга своего и отца , утѣшался мыслию , что духъ его сснанаеися на преснолѣ Новгородскомъ въ лицѣ преемника , имъ избраннаго. Но вскорѣ сбылось предчувствіе умирающаго Господомысла. Вельможи , подспрекаемые славолюбіемъ , обольснплись блескомъ преснола и наперерывъ спарались похиинпль власть самодержавія. Народъ , увлеченный коварными увѣщаніями , раздѣлился на многочисленныя партіи — и вскорѣ забылъ слова любимаго своего Государя. Недовѣрчивость , внутренніе раздоры , насилія , убійства — были пагубными слѣдствіями безначалія. Долго Великій Новгородъ спеналъ подъ тяжкимъ угнетеніемъ ширановъ ; долго ужасъ господствовалъ въ спѣнахъ его , жилищѣ спокойствія и безопасности , которыми народъ наслаждался подъ благоворнымъ правленіемъ мудраго Господомысла. Наконецъ спасительныя совѣты друзей народнаго блага возымѣли дѣйствіе надъ умами гражданъ Новгородскихъ ; они , пробудясь отъ сна гибельнаго , многочисленными сонмищами стекаются на площадь , вызываямъ корыстолюбивыхъ своихъ притѣснителей — и повелипельно иребууютъ , чтобы исполнено было завѣщаніе Господомыслово. Назначаются Посам

въ сирану Варяжскую, и успокоенный народъ оспаешся въ пріятномъ ожиданіи.

Рюрикъ и два брата его, Синявъ и Труворъ, возвращаясь изъ отдаленнаго похода, увѣнчанные лаврами, опягченные добычею, сидѣли за пиршественною шрапезою. Веселіе блистало на лицахъ пирующихъ; полныя чаши съ виномъ переходили изъ рукъ въ руки; юныя дѣвы воспѣвали знаменитые подвиги Рюрика на поляхъ Сиввы. — Одинъ изъ воиновъ возвѣщающъ прибытіе Пословъ Новгородскихъ, которые вскорѣ появляюпся, сопровождаемые многочисленною свитою.

Первый Посолъ (къ Рюрику). Слава шво-его оружія и мудрости, знаменитый Князь! доспала до предѣловъ нашихъ. Народъ Новгородскій, обуреваемый бѣдствіями безначалія, повелѣлъ намъ идти въ землю Варяжскую, и сказашъ тебѣ отъ лица его: приди владѣшь сбласпями Великаго Новграда, утвердишь въ нихъ согласіе, возснаноувишь миръ и тишину, изпоргнутъ народъ изъ рукъ корыслолюбивыхъ и коварныхъ его пришѣстителей!

Второй Посолъ. Земля наша велика и обилна, народъ храбръ и неуспрашимъ, спада, пасущіяся на поляхъ нашихъ, шучны и многочисленны — все сіе да будешъ тебѣ наслѣдѣемъ!

Третій Посолъ. Мудрый Госпомыслъ , дѣдъ твой , на одрѣ смершномъ изрекъ : призовите прехъ братій , Князей Варяго-Русскихъ , въ свою землю , и Рюрикъ да владѣетъ надъ вами ! —

Рюрикъ. Драгоценна для меня довѣренность великаго народа. Исполняю его желаніе , покоряясь волѣ мудраго Госпомысла. Но — граждане Новгородскіе ! опасая ошечество и родителей , опходя въ землю чуждую , хочу бытъ обездеженъ въ вашей вѣрности и безпрекословномъ повиновеніи.

Первый Посолъ. Народъ великій и неустрашимый во браняхъ не опмѣнитъ даннаго имъ слова.

Рюрикъ. Неустрашимость его намъ известна. Слава побѣдъ его гремитъ въ опдаленныхъ предѣлахъ — но непоспоянство его также доспигло до ушей нашихъ.

Послы. Опъ лица всего народа клянемся сохранить обѣтъ повиновенія тебѣ и твоимъ попомкамъ. — Нарушилели кляпвы и вѣрности да падутъ на полъ брани опъ руки враговъ своихъ , и черепы ихъ да будутъ чашею веселія у народовъ иноплеменныхъ !

Рюрикъ. Пріемлю кляпву вашу , послы знаменитые ! Идите возвѣспитъ великому народу Новгородскому о скорѣмъ моемъ прибытіи

Народъ съ воспоргомъ принялъ новаго повелишеля, и для его пребыванія избралъ Старую - Ладогу на рѣкѣ Волховѣ; ибо Великій Новгородъ, хотя и клялся сохранишь обѣщаніе повиновенія, но дорожилъ своею вольностию; преклонился предъ нимъ, какъ предъ защитникомъ правъ своихъ и блюстителемъ покоя, но не восхотѣлъ принять въ свои стѣны сильнаго Государя (*). Синавъ получилъ въ удѣлъ

(*) Г. Елагинъ въ *Опытѣ повѣствованія о Россіи*, въ книгѣ II, на стран. 150й, пишетъ: „Хотя большая часть Новоградскихъ жителей между общими были просители, и хотя обширность града болѣе къ столицѣ приличествовала; однакожъ Новоградцы не восхотѣли впустишь поль сильнаго въ стѣны свои Государя. Къ пребыванію его избрали они Старую - Ладогу, и при самомъ прибытіи постановили съ нимъ договоръ, чтобы внутрь Новаграда съ войскомъ не входить, но какъ ему, такъ и братьсямъ его и всѣмъ приведеннымъ ими Князьямъ, сидя въ порубежныхъ крѣпостяхъ, имѣть судъ и расправу, свобододержавіе Новоградскаго сословія наблюдая: правило, котораго всегда держались Новоградцы, и никогда безъ крайняго насилія Князьямъ не

Весь — земли, лежащая на Бѣлѣ - Озерѣ, а Труворѣ владѣніе Изборское. Скоро мудрое Рюриково правленіе возвратило благоденствіе областямъ Великаго Новграда; возстановилось спокойствіе въ народѣ; во градахъ водворились судъ и правда. Уже хищные сосѣди не дерзали обращать въ свою пользу мятежей Новгородцевъ; имя Рюрика и слава Великаго Новграда поселяли страхъ въ сердцахъ злонамѣренныхъ иноплеменниковъ. Но зависть и славолюбіе шлѣлись въ чертогахъ Новгородскихъ; глухіе новы опять начи-

непускали. При томъ обязаны были Князья охранять предѣлы Государства, содержать тишину и благоденствіе народное. Изъ сего видно, сколько Новградцы въ разсужденіи вольности своей осторожны были; ибо и самъ призванный по общему Государствен-ныхъ чиновъ избранію Рюрикъ не могъ безъ насилія постановить не только самодержавства, ниже единодержавія. Не единъ бо призванъ онъ былъ княжить Славянами, но три единокровные брата, и не въ единый, но въ разные посажены грады: Рюрикъ, какъ выше сказано, въ Старой-Ладогѣ; средний братъ Синусъ, или Синавъ, въ Веси, или на Бѣлѣ - Озерѣ, а меньшій, Труворъ, въ Изборскѣ.“

нали колебать умы легковѣрнаго народа. Измѣнническая рука держала уже оспрый мечъ надъ главою Рюрика ; яросль и мщеніе управляли сердцемъ отверженнаго Вадима. — „Народъ Новгородскій!“ говорилъ онъ : „вы избрали Княземъ своимъ иноплеменника ! Не я ли внукъ и воспитанникъ Госпомысла ? не я ли родился и выросъ среди васъ ? не я ли раздѣлялъ съ вами опасности на поляхъ брани , участвовалъ въ вашихъ пиршествахъ и пилъ вмѣстѣ съ вами вино изъ череповъ неприпельскихъ ? Посыдно для храбраго народа носить иго иноплеменника. — Я для васъ и за васъ охотно пролью послѣднюю каплю своей крови ; онъ потребуетъ отъ васъ свободы, какъ жертвы необходимой.“ — Народъ возколебался , подобно шумнымъ волнамъ Океана ; глухой ропотъ разнесся на площади великаго Новаграда и наконецъ загремѣли восклицанія : „да здравствуетъ Вадимъ , внукъ Госпомысловъ , законный Князь нашъ ! изженемъ иноплеменника изъ предѣловъ нашихъ!“ — Собирается многочисленное ополченіе — знамена междоусобія развѣваются на стогнахъ и поляхъ Новгородскихъ. Быстрая молва достигаетъ до стѣнъ Ладожскихъ и уведомляетъ о возмущеніи Новгородцевъ противъ Великаго Князя. — Рюрикъ , по-

добно грозному льву, почурствовавшему приближеніе звѣроловца, съ неуспрашимо-снїю взираенїемъ на предстоящую опасность, твердымъ слосомъ созываетъ дружину Варяжскую и идетъ во срѣпеніе вѣроломныхъ возмушителей. Ничпо не можетъ препившья мечу раздраженнаго Рюрика и вѣрныхъ его воиновъ. Кровь Новгородцевъ млепся ручьями; самъ Владимъ падаетъ снѣ руки Рюриковой, и воинство мятежниковъ ищетъ спасенія всего въ быснѣ. — Побѣдитель торжественно шествуетъ къ Великому Новгороду и возходитъ на престолъ Господомысловъ. Но Рюрикъ уже не былъ кропкой Власпелинъ, котораго мудрое правленіе ограждало народы безопасностию и доставляло имъ благоденствіе. Плающее гнѣвомъ сердце его требовало жерпѣвъ. Долго площадь Великаго града сбавлялась кровію мятежниковъ, и зубцы снѣнѣ Новгородскихъ ежедневно перемѣняли на сѣбѣ ихъ головы. По смерти Снава и Трувера, Рюрикъ возсѣлъ на престолѣ единодержавія. Онъ просигеръ желѣзный скипетръ на покоренныя славяны — и Новгородцы нѣсколько лѣтъ жалѣли о прежнемъ снѣмѣ Рюрикѣ, кропкомъ и миролюбивомъ. Наконецъ время мало помалу поасило пламень его мщенія. Снѣ тоска-тилъ народу любовь свою, и смерть пре-

кратила для его послѣ семнадцатилѣтняго княженія, которое наследовалъ по немъ сынъ его Игорь, подъ руководствомъ и управленіемъ мудраго Олега.

Юня 22

А. М — скій...

1804 . . .

Владимірѣ.

III.

Выписка изъ завѣщанія холостого старика.

Я всячески старался разпорядить дѣла свои въ небольшомъ уединенномъ жилищѣ такимъ образомъ, чтобы провесити спаросить въ возможнѣйшемъ удовольствіи, и никогда не могъ достигнуть до совершенія своего желанія: мой домъ, мой садъ, мое имѣніе, казалось, не принадлежали мнѣ, потому что не было живаго существа въ мірѣ, которое составяло бы часть бытія моего, съ которымъ я могъ бы раздѣлять свои удовольствія. Я прудился, чтобы чѣмъ нибудь заниматься, прудился и наживалъ деньги; но для кого? Доспапокъ мой превышалъ мои потребности! Я надѣлялъ бѣдныхъ; но бѣдные только благодарили меня — не лю-

били: а сямъ не удовлетворялось мое честолюбіе.

Иногда смертная тоска давила меня, когда я смотрѣлъ на мой домъ, на мой садъ, на мое золото. Человѣкъ, имѣвшій право наслѣдства послѣ моей смерти, былъ мнѣ незнакомъ, почти чужой. Тогда еще, любезной племянникъ, тебя не было на свѣтѣ. По рожденіи своемъ, я почиталъ тебя моимъ наслѣдникомъ и съ удовольствіемъ занялся сими мыслями; но скоро другая забота начала тяготить меня. Я думалъ, что тебя не можно любить меня, не можно чувствоваль благодарности за мои старанія копить для тебя богатство. Я не далъ тебѣ жизни, не пекся о твоемъ младенчествѣ, не образовалъ твоей юности; слѣдовательно, мой ли требовать отъ тебя признательности за то, что оставилъ тебѣ богатство, котораго не могъ взять съ собою въ могилу? Кипо увѣришь меня, говорилъ я самъ себѣ, что онъ не желаетъ моей смерти, что не досадуетъ на здоровое сложеніе моего шѣла? . . . Жизнь моя прошекала безъ радости, безъ удовольствій; имѣя способы наслаждаться всѣмъ, я ничѣмъ не наслаждался; обладая богатствомъ, былъ бѣденъ, потому что недоставало мнѣ того, къ чему стремились всѣ мои

желанія. . . . Я занимался, размышлялъ; благодушнѣльспвоваъ: ничто не спасало меня отъ увѣренности въ моемъ одиночествѣ. Каждой разъ холодный ужасъ потрясалъ меня, когда по уединенной, просторной залѣ раздавался звукъ, производимый движеніемъ ногъ моихъ; не рѣдко я оглядывался назадъ, думая, что кто-то идетъ по слѣдамъ моимъ; и сей кто-то былъ — милая подруга, о которой мысль живо врѣзалась въ моемъ сердцѣ, и которую каждой часъ я ожидалъ къ себѣ, хотя не имѣлъ къ тому никакой причины. Я принялъ твердое намѣреніе не жениться. Спаросиъ моя не имѣла права на сердечную привязанности милой особы; а мнѣ ничего не надобно было, кромѣ одной любви. Не смотря на то, слабая надежда таилась въ моемъ сердцѣ; дѣяпельное воображеніе, вопреки твердой рѣшимости, питало сію надежду. Оставаясь наединѣ, я безпрестанно думалъ о женщинахъ, и выбиралъ изъ нихъ себѣ подругу; такія мысли, несходныя съ моимъ положеніемъ, дѣлали жизнь мою самою заботливою.

Между шѣмъ время пропекало, и я достигъ до семидесятаго года моей жизни. Начавъ исповѣдь, надлежитъ кончить ее. Занимаясь безпрестанно женщинами, я въ самомъ дѣлѣ предался спран-

нымъ мечталъ. Н. въ сснпянн: будучи снсьннь ужасной пусноны, в круъ меня господспвовавшей, я оставалъ удивленнє и возвратился въ свѣтъ. Тамъ нечувствншельно я попался въ общество молодыхъ женщинъ, старался быть забавнымъ, служивалъ прекраснѣйшимъ изъ нихъ, вмѣшивался въ ихъ игры и занятя, даже почиталъ себя влюбленнымъ; но скоро удалось мнѣ замѣшншь, что въжливоснъ моя казалась имъ столь же смѣшною, какъ и старомодное мое платье. Онѣ улыбаались, смотря на вышитой золотомъ мой камзолъ, на длинныя мои манжеты; но не могли удержаться отъ громкаго смѣха, когда я старался казаться любезнымъ. Наконецъ я почувспвовалъ это, и началъ веснн себя, какъ прилично человѣку моихъ лѣтъ. Признаться ли тебѣ? Не смотря на то, что мнѣ теперь восемьдесятъ одинъ годъ, чувспво снє — какая-то надежда на женншьбу — еще не изпребилось въ моемъ сердцѣ. Не удивляйся словамъ моимъ, любезной племянникъ! назови это дурачествомъ, сумазбродспвомъ — но снє дурачество самою Природою глубоко напечатлѣно на сердцѣ человѣка. Каждой человѣкъ ощущаетъ потребность въ сущестлѣ чувспвнпельномъ и разумномъ, которое удвоило бы его бытнє сообщеннємъ мыслей сво-

ихъ и впечатлѣній, имѣло бы съ нимъ одинакія, общія пользы. Я не вкусилъ сего счастья; отъ того жизнь моя далась, какъ пятоспное сновидѣніе. Я заводилъ знакомства, принималъ гостей; но въ извѣстныя лѣта трудно заключать дружескія связи. Пріятель, котораго вы считалие приличнымъ для себя и полезнымъ, занялъ такими знакомствами, такими обязанностями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ вашими знакомствами, съ вашими обязанностями. Въ послѣдніе годы мнѣ пришло въ голову заняться маленькими дѣлами; я скоро увидѣлъ, что не могу быть и для нихъ пріятнымъ. Дитя привыкаетъ къ морщинамъ своего лица; напротивъ того мое лицо пугало малютокъ. Идучи къ Г..., я наспялъ карманы свои вишнями, грушами, абрикосами, разными конфетами; лишь только я появлялся, тотчасъ дѣти окружаютъ меня, прыгали, шарили въ моихъ карманахъ, тытаскивали конфеты, тогда же утѣлаи, и болѣе уже не занимались мною. Они называли меня *дѣдушкой и дядюшкой*, когда я приходилъ съ полными карманами; въ противномъ случаѣ я былъ для нихъ совершенно лишній. Искренно признаю себѣ, что я крайне огорчался въ какой-то разѣ, когда примѣчалъ, что меня любилъ не

для меня самаго. . . . Я опять заперся у себя въ домѣ; но и тамъ нашелъ несносныя досады и неудовольствія. Женщины, служившія при мнѣ, явно оказывали мнѣ свое пренебреженіе; я казался имъ очень маловажною особою, которая должна почитать себя счастливою тѣмъ, что за деньги находитъ для себя служанокъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ угождать мнѣ, всѣ называли меня *старымъ господиномъ*; этого мало — нѣкогда одна изъ нихъ считала меня *кипуломъ: нашъ старой сумазбродъ*. Услышавъ такой отзывъ, я крайне разсердился и немедленно сослалъ со двора болтунью. Сколько разъ я видѣлъ, какъ рѣзвыя дѣвчонки кривлялись, стоя у меня за спиною. . . . Это обстоятельство заспавило меня переменить молодыхъ рѣзвущекъ пожилыми женщинами. Опять досады! Новыя служанки уже не кричали, но ворчали цѣлой день и безпреспанно швердили о своей старости, чтобы избавишься отъ работы.

Я никогда бы не кончилъ, если бы захотѣлъ сказать все, что у меня лежитъ на сердцѣ.

(Изъ Модн. Журн.)

IV.

Нравы и обыкновения знатныхъ дѣвицъ пятнадцатаго вѣка.

Въ Понедѣльникъ по утру. Вспавши въ 4 часа, я помогла Каперинѣ доить коровъ; Рахили, другой нашей служанкѣ, обжегшей себѣ руку, сдѣлала примочку. Робеню дала одинъ су, и велѣла ему сходнишь въ аптеку за лѣкарствомъ.

Въ 6 часовъ по утру. Я примѣтила, что говядина была переварена и что пиво пахнетъ задхлостью. НВ. Надобно повару сказать два слова объ его нерадѣннн, и велѣнь пробуравишь новую бочку.

Въ 7 часовъ. Ходила съ мшущкою на задній дворъ. Тамъ мы накормили двудцать человекъ, мужчинъ и женщинъ. Ржеръ получилъ снрогоу выговоръ за то, что несучи мясо дурачился.

Въ 8 часовъ. Съ Дорѣшею, своею служанкою, ходила въ большой сарай, что назади замка. Тамъ долго гонялась за маленькою лошадию, поймала ее, сѣла верхомъ и проѣхала около шесипи миль безъ сѣдла и безъ узды.

Въ 10 часовъ. Накрыли на снопъ. — Джонъ Грей прекрасной молодецъ! — Но какая мнѣ нужда до него? Дѣбрая дѣзушка должна повиновашся волѣ своихъ роди-

мелей. — Джонъ почти ничего не ѣлъ. — Онъ часто съ нѣжностію на меня поспрашивалъ. — Сказалъ, что первая красавица въ свѣтѣ, безъ кропотли и смиренія, не понравилась бы ему. — Надѣюсь, что мой нравъ сносенъ. Кажется, что до сихъ поръ никто на него не жаловался, кромѣ Рожера; но Рожеръ исправляетъ свою должность хуже всѣхъ нашихъ служивелей. — Джонъ Грей любитъ бѣлые зубы; мои, кажется, не очень дурны; а волосы мои чернѣе смолы. Я говорю это не для хвастовства; но Джонъ, если не ошибаюсь, со мною одного мнѣнія.

Въ 11 часовъ. Вспали изъ-за стола. Гости захотѣли идти на поле прогуляться. Джонъ помогалъ мнѣ перескочить черезъ перегородки; онъ два раза пожалъ мнѣ руку. Я ни въ чемъ не могу осудить Джона Грея: онъ проворнѣе всѣхъ сосѣднихъ нашихъ дворянъ; почищаетъ своихъ родичей, и по Воскресеньямъ всегда ходитъ въ церковь.

Въ 5 часа послѣ полудня. Нечаянно загорѣлся домъ бѣднаго поселанина Робинсона. — Джонъ Грей тотчасъ предложилъ сдѣлать подписку въ пользу несчастныхъ. Онъ самъ назначилъ для сего добраго дѣла четыре фунта стерлинговъ. НВ. Я нико-

гда не замѣтила въ немъ такихъ милыхъ взоровъ, какъ при семъ случаѣ.

Въ 4 часа. Ходила къ вечернѣ.

Въ 6 часовъ. Кормила поросятъ и дворцовую птицу.

Въ 7 часовъ. Сѣли ужинашь. Приключеніе бѣднаго Робинзона было причиною, чю такъ опоздали. НВ. Пирогъ съ гусемъ былъ пережаренъ, а особливо свинина.

Въ 9 часовъ. Всѣ спяшь глубокимъ сномъ. Сіе время показалось мнѣ очень скучнымъ. Я въ другой разъ принялась молиться, попому чю въ первой разъ ~~мысль о долонъ Греѣ помѣшала мнѣ исполнить эту должность. Заслувши, видѣла во снѣ Джона Грея.~~

Сія записка, взятая изъ древней рукописи, найденной въ Друммондъ-Кастелъ и изданной въ свѣтъ Г-жею Рупвенъ, содержитъ въ себѣ дневныя упражненія — Елисаветы Вудвиль, бывшей попомъ супругою Эдуарда IV, Короля Англійскаго.

Переводя сей опривокъ изъ Журнала Елисаветы, мы старались сохранить въ немъ спаринную простоту. Сообщаемъ нѣкошорыя испорическія извѣстія объ Елисаветѣ Вудвиль. Мать ея была Жаклина Люксембургъ, вдовствующая Герцегиня Bedfordъ. Сія женщина, говоритъ

Юмъ , свдсвѣвъ , „гордсспію своею пожертвсвала любви ,“ и вышла за Ричарда Бу, в ля , прсспаго дворянина , возведеннаго цлпомъ въ дсспоинспво Графа Риверскаго. Елисавета , плодъ сего супружества , соченалась съ Джонсмъ Гремъ , преданнымъ парміи Ланкасперской и убитымъ на второмъ сраженіи Сен - Лланскомъ. Его имѣніе было взято въ казну , а Елисавета удалась въ Графтонъ , помѣстье своего родителя. Король , бывши на охотѣ , вздумалъ посѣтити Герцогиню Бедфордъ , мать Елисаветы. Молодая вдова , въ печальной одеждѣ , ~~въ слезахъ~~ бросилась къ ногамъ Государя и просила его ежалитися надъ малолѣтними сиротами. Ея прелеспи и гореспное положеніе сильно подѣйсповали надъ сердцемъ Монарха. Онъ спраспно влюбился въ Елисавету и предложилъ ей корону , не смопря на то , что Графъ Варвикъ въ это самое время ходапайспвовалъ при Дворѣ Французскомъ , и просилъ выдать въ замужство за сего Государя Бонну Савойскую , невѣспку Лудовика XI. Извѣспно , что Варвикъ , возврапясь въ опечеспво , жеспоко разсердился на Короля за сей посшупокъ , собравъ войско , побѣдилъ его и взялъ въ плѣнъ. Спустя нѣсколько времени , Эдуардъ опять возшелъ на пресполъ Англійскій,

Корралева скончалась, 1486 го году, въ Суп-
варкѣ, гдѣ она содержалась въ заключеніи
по повелѣнію Генриха VI, своего зятя.

(Изъ Франц. Журн.)

V.

Ю б и л е й.

Юбилей сначала установленъ былъ у Ев-
реевъ и отправлялся по прошествіи каж-
дыхъ пятидесяти лѣтъ. Въ сію эпоху поля
опять носили во владѣніе прежнихъ
обладателей, ибо землю не лзя было про-
давать навсегда; невольники получали
свободу; сельскія работы прекращались;
словомъ, пятидесятый годъ былъ временемъ
отдохновенія и для земли и для людей.
Думаюпъ, что Юбилей происходитъ отъ
Еврейскаго слова Юбель, которое означаетъ
рогъ овна, пошому что сей праздникъ воз-
вѣщаемъ былъ народу играніемъ на музы-
кальномъ орудіи, сдѣланномъ изъ рога.
Тудей праздновали Юбилей даже до Вавилон-
скаго плѣненія.

Христиане не скоро заняли у Евреевъ
сіе обыкновеніе. Юбилей учрежденъ въ 1500
году Папою Бонифаціемъ VIII, въ пользу
приходящихъ для поклоненія ко гробу Апо-

споловъ ; но вмѣсто повторенія праздноства черезъ пятьдесятъ лѣтъ , опложили оное до окончанія столѣтія. Первой Юбилей привлекъ въ Римъ такое множество православныхъ съ богатыми принесеніями, что сей годъ былъ названъ *золотымъ*.

Клементъ VII разсудилъ за благо столѣтній періодъ раздѣлить на два Юбилея. Сикстъ V, желая, чтобы всѣ поколѣнія участвовали въ милостяхъ и опущеніяхъ, которыми сопровождается было праздноство, сократилъ сіе продолженіе времени и повелѣлъ возобновлять Юбилей по изпеченіи каждаго двадцати - пяти - лѣтія.

Годъ великаго Юбилея называется въ Римѣ *святымъ годомъ*. Въ празднованіе онаго, наканунѣ Рождества Христова, послѣ вечерни, Папа, сопровождаемый всѣмъ Духовенствомъ, приходитъ ко дверямъ Церкви Св. Петра. Сія дверь закладывается кирпичами; Святыи Опецъ повелѣваетъ скрыть ее; въ ту минуту разламываютъ стѣну, и державный Понтифексъ со всѣми Кардиналами входитъ въ церковь.

Прежде въ праздникъ Юбилея Христіане изъ всѣхъ странъ свѣта спекались въ Римъ для поклоненія гробу Апостоловъ и для полученія опущенія грѣховъ, которое поклонникамъ на сей случай было обѣщано ; но съ тѣхъ поръ, какъ Папы

дали всѣмъ Христіанскимъ церквамъ власть разрѣшенія, одни только Италіанцы посѣщаютъ Римъ.

Каждой Папа обыкновенно учреждаетъ празднованіе Юбилея по волеизъявленію на престолѣ Римскій; для полученія отпущенія во грѣхахъ надлежитъ поспинься, подавать милоспнню и молиться. Священники могутъ отпущать неважные грѣхи, прочее не зависитъ отъ ихъ власти.

Нѣкоторые Государи, слѣдуя упомянутому обыкновенію, учреждали въ областяхъ своихъ Юбилей гражданскіе. Эдуардъ III, достигши до пятидесятаго года своей жизни, праздновалъ Юбилей въ день своего рожденія. Онъ повелѣлъ освободитъ всѣхъ заключенныхъ въ темницахъ, даровалъ разныя выгоды подданнымъ, обнарудовалъ милоспнвыя узаконенія и простилъ всѣ пресупленія, кромѣ измѣны противъ Государства.

И такъ Юбилей можетъ назваться эпохою помилованія и любви Христіанской. Цѣль его учрежденія есть примирять сердца, погашать пламень вражды и ненависти, сливать думи въ одно чувство — въ чувство мира и согласія. Кто не захочетъ быть участникомъ столь благодѣтельныхъ выгодъ?

(Изъ Св. Псал.)

Т а н ц ы .

Какими волшебными прелестями, какими удовольствиями изобилуютъ танцы! Прикасающіеся пальчики, переплетающіяся руки служатъ самыми вѣрными проводниками электрическими, съ помощію копорыхъ безъ труда производится желаемое дѣйствіе. Какая нечувствительная душа останется холодною при впечатлѣніяхъ, столь сладкихъ? Пріятные звуки музыкальные нѣжатъ чувство слуха: взоръ роскошествуетъ, наслаждаясь всѣми изобрѣненіями запыливой моды, всѣми прелестями, наполняющими залу собранія; обоняніе пресыщается благовоніями; прибавыше къ тому очаровательныя дѣйствія танцовъ, и судите, какую власть все сіе имѣетъ должно имѣть надъ душою и сердцемъ. О! любовь знаетъ власть сію, знаетъ могущество ея на балѣ и часто требуетъ помощи ея при исполненіи своихъ плановъ, копорые всегда вѣнчаются блестящими успѣхами.

И можно ли быть тому иначе? Благоразумная, даже спротаая мать безпрестанно швердитъ своей дочери, что скромность есть лучшее украшеніе пла ея, что вѣтренная, легкомысленная женщина до-

стойна упрековъ и осмѣянїя, твердинѣ и вслѣдствїи старается охранить отъ искушенїй цѣломудріе неопытной дѣвушки — и та же самая мать везетъ дочь свою на балъ для опытовъ, совершенно противныхъ ея наставленїямъ. Танцмейстеръ совѣтуетъ своей ученицѣ смотрѣть мило и прїятно на того, съ кѣмъ она танцуетъ; учить ее прелестнымъ движенїямъ, сладострастнымъ ухваткамъ, воспаляющимъ воображеніе; щасливые Адонисы свободно могутъ жать на балѣ ея руку, къ которой никакой мужчина не долженъ прикасаться. Во время короткихъ отдыховъ контраданса, никакая Дама своему кавалеру не запретитъ сказать и повторить, что она прекрасна и любезна. Я очень знаю, что разумъ не боится сихъ искушенїй; но *иногда* сердце приводитъ въ заблужденіе разумъ.

Ахъ! шотъ только не знаетъ магнетическаго дѣйствїя танцовъ, кто не танцовалъ съ любимой женщиною. Кто не обязанъ какимъ-нибудь успѣхомъ сему *невинному* удовольствїю, которое погружаетъ душу въ сладостное забвеніе? Строгая матери, ревнивые мужья тщетно будутъ беречь прекрасныхъ; пусть знаютъ они, что пока существуютъ на свѣтѣ балы, до тѣхъ поръ предметы ихъ попеченїй будутъ вдыхать нѣжныя чувства; пусть

знають они, что милья *Терлсихоры* не всегда бывають нечувствительны къ похваламъ и вздохамъ.

(Изъ *Дам. Журн.*)

VII.

Убогой, Драма Гна. Мерсье.

Бросьте въ огонь *Федру* и представляйте *Убогаго*!

„*Убогой*, Драма нравоучительная въ превосходной степени, написанная прозою, въ 4хъ дѣйствіяхъ, Драма, представляемая въ Бордо, драма, обогатившая Лепексіера, Драма наконецъ, которая одна спойтъ болѣе, нежели всѣ Расиновы сочиненія...“

Кто говоритъ это? — Кому болѣе, кромѣ Г-на Мерсье, творца *Убогаго* и многихъ другихъ сочиненій, не менѣе извѣстныхъ, не менѣе любезныхъ, не менѣе полезныхъ для человѣческаго рода, какъ на примѣръ пьеса *Филиппъ II*, въ которой, по признанію самаго Авіора, находится весьма много прекраснаго противъ деспотизма Королей и Духовенства, и 2240 й годъ, гдѣ, какъ Авіоръ изъясняется, изображенъ въ естественномъ видѣ „эпошъ хвастунъ, эпошъ гонитель, эпошъ разврат-

ной, суевѣрѣ, словомъ, Лудовикъ XIV, невѣжа, принимающій на провъ посольство Сіамское, сѣдящій на разрушенномъ сѣлѣ своихъ черпоговъ, проливающій горькія слезы о себѣ самомъ и о своемъ поклѣнїи. . . .“ Надобно признаться, что это безподобно!

Г. Мерсье правъ, желая, чтобъ сожгли Фредру, Трагедію сумазбродную, вредную для общественнаго благонравія, Трагедію, въ которой выводится на сцену жена клятвопреступная, безстыдная, порочная. Онъ правъ, требуя, чтобъ играли его *Убогаго*, Дрaму нравоучительную, умертвившую *нелѣпой законъ* и извлекающую изъ очей сладостныя слезы. Г. Мерсье говоритъ: „Я не Жанъ - Расинъ, да будетъ вѣчная хвала Богу; я не Жанъ - Расинъ; потому что сей Жанъ - Расинъ родился подъ несчастнымъ созвѣздїемъ; онъ былъ чувствителенъ и къ похваламъ и къ брани. Уже 25 лѣтъ я попираю ногами и похвалы и ученую критику. Кабинетъ есть небо мое. Какая мнѣ нужда до земной участи моихъ произведеній, когда я вкушаю блаженство райское въ моемъ небѣ?..“ Не правда ли, что блаженство Г-на Мерсье очень забавно?

Наконецъ Г. Мерсье объявляетъ намъ, „что его *Убогой*, не досаждавая никому скуч-

нымъ единообразіемъ стиховъ, прогаептъ и вмѣснѣ научаептъ зрительей; а Федра за-спавляептъ краснѣпсья молодыхъ дѣвушекъ, и возбуждаептъ омерзѣнїе во всѣхъ честныхъ людяхъ. . . .“ Кпо сумнѣваепсья въ томъ ?

Слѣдователъно Г. Мерсье имѣептъ неоспоримое право кричатъ во всѣхъ кафеиныхъ домахъ и на всѣхъ перекресткахъ: о истинные мудрецы! бросыте въ огонь *Федру* и представляйте *Убогаго*!

„Не самолюбїе водило моимъ перомъ“ прибавляептъ Авпоръ: „когда я писалъ слова сїи, копорыхъ вовѣки не пойметъ толпа Журналистовъ. Что мнѣ нужды до ихъ похвалъ; я боюсь ихъ похвалъ.“

Г. Мерсье можетъ быть спокоенъ, если онъ боипсья однѣхъ только похвалъ. Все идептъ по его желанїю. Никому не приходило въ голову хвалипть его, а онъ безпрестанно жалуепсья — какая неблагодарность!

(Изъ Фран. Журн.)

VIII.

КЪ А Ф* С — ой.*

По утру съ Франклиномъ и Каншомъ раз-
суждать

И въ слѣдъ за Геніемъ парить умомъ, душою;

А ввечеру кадриль на балъ танцовать

И головы кружить у смертныхъ красотою —

Вопль истинный ея портретъ! . . .

Искусства одного ему недостаетъ.

К. III — въ.

 IX.

Э л и з р а м м ы.

1.

Злослова, говорятъ, совсѣмъ перемѣнилась:

Видалъ ли прежде кто, чѣмъ она бѣлилась?

А нынѣ безъ сего не можетъ дня пробыть.

Мнѣ кажется, теперь за умъ она хватилась:

Не лучше ли во сто разъ себѣ лицо бѣлить,

Чѣмъ славу добрую другихъ людей тернить?

2.

Эрастъ совсѣмъ нашъ умираетъ:

Почтожъ за лѣкаремъ бѣднякъ не посылаетъ?

Не хочетъ сдѣлать онъ сего, —

И лишь одно швердитъ: умру и безъ него.

3.

Леандрѣ, нашѣ стиходѣй, на Пиндара походитѣ
 Не слога красотой,
 Не мысли высотой;
 Но особливостью лишь той,
 Что также, какъ и тотѣ, не вверхъ ногами
 ходитѣ.

У. Ф. Х. Ц. Ч.

4.

„Три дни былъ Лазарь мертвъ и — Лазарь
 воскресаетъ!“

„Дивитесь чудесамъ!“ такъ Пастырь вос-
 клицаетъ.

Дивлюся истинѣ святыхъ твоихъ рѣчей,

Ворчалъ Гома, краса Врачей:

Но естлибъ Я его на тотъ отправилъ
 свѣтъ! . . .

Я.

 Х.

С м ѣ с ь.

Одинъ Французской Авторъ — какъ
 напечатано въ Парижскомъ Журналѣ —
 шрудился надъ сочиненіемъ драматиче-
 ской пьесы (надобно думать, Трагедіи)
 подъ названіемъ: *Преставленіе свѣта.*

По его увѣренію , въ четвертомъ дѣйствіи зритель увидитъ слѣдующее :

„Ангелы - изпробителли возвѣстятъ гласомъ трубнымъ , что Богъ во гнѣвѣ Своемъ за беззаконія міра , опредѣлилъ его уничтожить. Непосредственно за симъ , 400 громовыхъ ударовъ поколеблютъ основанія вселенной ; далѣе , звѣзды , солнце , планеты и кометы упадутъ — на землю ; наконецъ , послѣдуетъ смѣшеніе стихій и явится хаосъ.“ Авторъ предварительно ручается за хорошій успѣхъ сего творенія , потому что музыка сочинена какимъ - то Аліемъ Тромбономъ , Капельмейстеромъ при Св. Софіи. *Horresco referens.*

Не давно напечатана въ Парижѣ книга: *Мармонтелевы записки* , коюрой Публика ожидала съ нетерпѣніемъ ; въ самой день объявленія продано 800 экземпляровъ. Авторъ , жившій въ тѣсной связи со многими славными Писателями осмнадцатаго столѣтія , рассказываетъ любопытнѣйшіе о нихъ анекдоты , до сихъ поръ неизвѣстные. Сія *Записки* хранились у наследниковъ Мармонтеля и писаны были для домашняго круга , не для Публики. Помѣщаемъ здѣсь разговоръ его съ Вольперомъ.

„Вольперъ спросилъ меня , что я думаю о Жанѣ Жакѣ Руссо. Я отвѣчалъ , что , судя

но его сочиненіямъ, нахожу въ немъ красно-рѣчиваго Софиста; а всматриваясь въ его характеръ, вижу прищворнаго Циника, которой умеръ бы отъ досады, еслибъ переспали удивляться его бочкѣ. При семъ случаѣ я разсказалъ Вольтеру слѣдующій анекдотъ:

Руссо въ одномъ письмѣ своемъ къ Мальзербу (*) со всею пышностію красно-рѣчія разсказываетъ о вдохновеніи и восторгѣ, которыми онъ былъ одушевленъ въ то время, когда положилъ твердое намѣреніе вооружиться противъ наукъ и художествъ. „Идучи въ Винсенъ къ Дидероту,“ пишетъ Руссо, дорожку просматривалъ я Французской Меркурій, случившейся на ту пору у меня въ карманѣ. Нахожу заданной ошъ Дижонской Академіи вопросъ, конерой былъ предметомъ перваго моего сочиненія. Движеніе, овладѣвшее мною по прочтеніи сей статьи, походило на внезапное вдохновеніе. Мой умъ озарился яркимъ свѣтомъ; тысячи мыслей мгновенно родились въ душѣ моей и произвели въ ней неизъяснимое впечатлѣніе. Я чувствовалъ какое-то умиленіе; мое сердце сильно трепетало. Не

(*) Въ *Исловѣди* его сіе произшествіе слесано почти также. *Изд.*

могли идти далѣе, я упалъ подъ деревомъ и провелъ цѣлыя пол-часа въ такомъ движеніи, что, вспавъ съ мѣсна, увидѣлъ камзолъ свой измокшимъ отъ слезъ, которыя въ безпамятствѣ моемъ лились изъ глазъ.“

Такими красками изображено изступленіе. Не смотря на то, дѣло происходило совсѣмъ иначе; я рассказалъ его Вольперу, точно такъ, какъ слышалъ отъ Дидерона. Пусть говоритъ самъ Дидеронъ.

„Руссо посѣщалъ меня, когда я содержался въ Винсеньской тюрьмѣ, и называлъ своимъ Аристархомъ. Въ одинъ день прохаживаясь со мною, онъ сказалъ, что Дижонская Академія предложила любопытную задачу, и что ему хочется написать отвѣтъ. Дѣло состояло въ вопросѣ: возстановленіе наукъ и художествъ способствовало ли очищенію нравовъ? — Какую же сторону вы взяли намерены? спросилъ я Жанъ Жака. — Утвердительную. — О! это уже слишкомъ обыкновенно. Люди съ посредственными дарованіями защищаютъ науки, и вы должны будете повторять ихъ мысли; противоположная сторона представляетъ поле нове и богатое для Философіи и Краснорѣчія. — Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Руссо, не много подумавъ: послушаюсь вашего совѣта.“

Въ сіе время, продолжаетъ Мармонтель, Жанъ Жакъ рѣшился надѣть свою маску. „Не удивляюсь тому, отвѣчалъ Вольтеръ: этотъ человекъ весь состоитъ изъ прищворства и въ умѣ и въ душѣ; пусть перемѣняетъ свои роли, пусть представляется то Стоика, то Циника, но онъ не скроетъ истиннаго своего характера.“

(Изъ Фр. Мерк.)

Парижскій Институтъ слѣпыхъ издаетъ Журналъ, *созиняемый и печатаемый слѣпыми*, котораго цѣль есть дѣлать извѣстными Публикѣ ежемѣсячныя упражненія слѣпыхъ. Первый номеръ сего Журнала вышелъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ. Вотъ его содержаніе: 1. О несчастіи быть слѣпымъ; 2. Біографія слѣпыхъ; 3. Извѣстіе о послѣднемъ засѣданіи Музеума слѣпыхъ, и 4. разсужденіе о началѣ слова aveugle (слѣпой). Можно ли смотрѣть безъ удивленія на сихъ слѣпцевъ, разыгрывающихъ со всею точностію Мегюловы сочиненія? Этого не довольно: они читаютъ книги, пишутъ и дѣлаютъ математическія задачи.

(Изъ Фр. Журн.)

Не смотря на то, что въ Парижѣ привыкли слышать о частыхъ самоубійствахъ, слѣдующее происшествіе обратило на себя общее вниманіе: Одна женщина умерла, оставивъ послѣ себя мужа съ малолѣтними сиротами. Овдовѣвшій отецъ семейства, не имѣя способовъ воспитывать дѣтей своихъ и смотрѣть за ними, впалъ отъ того въ страшное отчаяніе; въ припадкѣ сильной горести, онъ береть на руки любимѣйшее дитя свое, поспѣшно бѣжитъ къ рѣчному берегу, кидаетъ младенца въ Сену, и — въ слѣдъ за нимъ самъ падаетъ въ воду. По счастью, скоро успѣли помочь имъ; отца и ребенка вытащили и обоимъ возвратили жизнь. Несчастный, пришедъ въ чувство, объявилъ, что любовь и состраданіе заставили его рѣшиться на такой поступокъ.

(Изъ Фр. Жур.)

Въ Германіи вышелъ въ свѣтъ каталогъ, содержащій въ себѣ имена всѣхъ нынѣшнихъ Нѣмецкихъ Писателей. Въ Енскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ помѣщено сравненіе сего Каталога съ прежними; открылось, что число Писателей впятеро увеличилось въ теченіе тридцати семи

лѣтъ; пѣдѣ одного буквою S содержится ихъ 146 челоуѣкъ. Не только число Сочинителей возрасло до невѣроятной степени, но самые Сочинители нынѣ пишутъ гораздо блѣе, нежели прежде, такъ что Каталогъ твореній одного Автора занимаетъ множество страницъ. Не упоминая о другихъ, Гейнсе въ продолженіе одиннадцати лѣтъ написалъ *шестьдесятъ пять* Томовъ. Ученая армія въ Германіи состоитъ теперь изъ 10000 челоуѣкъ; но если количество ихъ впредь будетъ возрастать въ одинакой пропорціи съ прежнею (отъ чего Богъ да сохранитъ!); то черезъ тридцать семь лѣтъ число сихъ рабниковъ дойдетъ до 50000, и тогда одинъ списокъ именъ ихъ съ принадлежащими титулами будетъ состоятъ изъ *шестьдесяти* Томовъ.

ПОЛИТИКА.

I.

О Вгаабисахъ.

(Окончаніе.)

Между шѣмъ могущество Абделъ - Азиса часъ отъ часу возраспало. Похищенныя въ Имамъ - Гуссемъ сокровища знаитно увеличили его богатство, а жестокости его привели въ ужасъ всѣхъ окрестныхъ общинпелей и лишили ихъ мужества защищаться. Весь Воспокъ трепещалъ передъ страшнымъ завоевателемъ и готовъ былъ преклонить колѣна.

Въ сіе - то время Абделъ - Азисъ вознамѣрился покорить Мекку. Сей городъ, называемый отъ Турковъ *святыишимъ*, къ которому они обращаются, читая свои молитвы, есть мѣсто, уважаемое болѣе всѣхъ другихъ находящихся въ Оиптоманской Имперіи, есть первое и главное украшеніе шипула Сулпанова, есть основаніе могущества и власпи его. Оипняшъ у Султана Мекку значишъ лишитъ его достоинства. По крайней мѣрѣ сей предразсудокъ господствуетъ между Османлисами, копо-

рые основываютъ его на текстѣ общественной молитвы, читаемой по пятницамъ въ Меккѣ и во всей Турецкой Имперіи. Въ сей молитвѣ Султанъ называется только *служителемъ* *обоихъ Арамовъ* (священныхъ мѣсць), Мекки и Иерусалима. Лишившись Мекки, Султанъ поперяетъ первое званіе свое, и слѣдовательно не будетъ Султаномъ (*).

По симъ причинамъ завоеваніе Мекки было весьма важно для Абдель - Лзиса. Догматъ Фанатизма, столько любезный

(*) Вотъ точный переводъ сей молитвы, называемой по-Арабски *Эл - Ргелбе*: „Боже! защищи воиновъ Османлисовъ, поклоняющихся Тебѣ единому. Боже! сохрани могущество нашего Султана, страшнаго неприятелямъ, Селимъ - Хана, сына Султана Мустафы - Хана, сына Султана Ахмеша - Хана, служителя *обоихъ* *высокихъ* Арамовъ, Мекки и Иерусалима. Боже! излей на главу его силу и богатство. Сохрани его во всякое время. Мечь его да изстребитъ неверныхъ; да будетъ онъ владыкою вселенной! Боже! защищи раба Твоего Шерифа Ралеба и проч.“
Последнія слова, гдѣ упоминается о Шерифѣ, читаютъ въ одной только Меккѣ, а прочее во всей Имперіи.

Музульманамъ , оправдалъ бы сѣ произшествіе шѣмъ , чпо Аделъ - Азисъ есть избранное орудіе воли Божеской ; новый законоучитель , по завладѣніи связаннымъ городомъ , въ глазахъ Турковъ показался бы посланникомъ небеснымъ. Абделъ - Азисъ предвидѣлъ сїи слѣдствія и не пропускалъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Тогда господствовало несогласіе между Шерифомъ Ралебомъ и его братомъ Абделъ - Мейномъ ; сей послѣдній, отъ своего брата лишенный достоинства Шерифскаго, на которое онъ имѣлъ право по первородству , просилъ покровительства у Абделъ - Азиса. Начальникъ Ваабисовъ писалъ къ Ралебу и требовалъ, чпобы онъ возвратилъ спаршему брату похищенное достоинство. Письмо было послано назадъ съ изъясненіемъ презрѣнія. Абделъ - Азисъ немедленно отправилъ противъ него сто тысячъ Ваабисовъ подъ начальствомъ Суупа , старшаго своего сына.

Первой подвигомъ Суупа состоялъ въ покореніи Тайефа , небольшого городка , лежащаго , въ разстояніи на двенадцать часовъ ѣзды отъ Мекки , въ плодотворной долинѣ , изобилующей свѣжею водою. Здѣсь собирается множество плодовъ и овощей огородныхъ ; виноградъ , распуцій въ семъ городкѣ , отличается рѣдкимъ вкусомъ сво-

имъ , а арбузы въ немъ родятся столь великіе , что одного довольно для насыщенія десятии человекъ. Мекка лежитъ на землѣ безплодной и питается плодами , распущими въ Тайефѣ , особливо же ежегодно путешесвующіе караваны находятъ тамъ для себя великую помощь. Взятіе Тайефа разпространило ужасъ въ Меккѣ , шѣмъ болѣе , что Ваабисы умертвили въ семъ городѣ 1500 человекъ , Жидовъ и Музульмановъ. Шерифъ Ралебъ , видя , что ему не можно защищаться въ неукрѣпленномъ городѣ , выступилъ съ войскомъ противъ Соупа , и хотѣлъ выгнать его изъ Тайефа ; но силы обѣихъ армій были весьма не равны. Ралебъ былъ разбитъ и принужденъ съ остаткомъ войска возвратиться въ Мекку.

Между шѣмъ Абдалла - Паша , Правитель Дамаска и начальникъ каравана , отправился въ Мекку со множествомъ поклонниковъ. По прибытіи въ Макарибъ , небольшою городокъ , лежащій въ пустыни въ разстояніи двухдневнаго пути отъ Дамаска , онъ уведомился , что Ваабисы , овладѣвъ Тайефомъ , шли къ Меккѣ , и немедленно послалъ нарочныхъ Тапаръ въ Константинополь съ симъ извѣщеніемъ , а самъ продолжалъ путь далѣе , не зная , какая участь ожидаетъ его. Сначала онъ не

встрѣшилъ никакихъ препятствій ; въ разстояніи четырехъ - дневнаго пути отъ Дамаска , явился предъ нимъ отрядъ Вгаабисовъ , и вмѣсто обыкновенной пошлины , платимой караванами , попребовалъ отъ путешественниковъ вчетверо большую сумму . Абдалла — Паша , опрехшись платить , былъ принужденъ защищаться , и побѣдилъ Вгаабисовъ ; при чемъ 150 человекъ изъ нихъ легло на мѣстѣ .

Послѣ такого происшествія , неблаго- разумно было идти къ Меккѣ , не узнавъ напередъ о намѣреніяхъ Соупа . Абдалла - Паша отправилъ къ нему письмо , въ которомъ убѣдительнымъ образомъ жаловался на несправедливостъ Вгаабисовъ , пребывавшихъ необыкновенной пошлины ; онъ упомянулъ припомъ , что сами Вгаабисы подали причину къ сраженію , и что онъ по неволѣ долженъ былъ защищаться ; прибавилъ , что , опасаясь непріятныхъ слѣдствій , онъ считаетъ нужнымъ , прежде нежели отправится въ дальнѣйшій путь , узнать намѣренія Соупа ; наконецъ спрашивалъ , врагами или пріятелями онъ долженъ почитать Вгаабисовъ , и можетъ ли вступить въ Мекку , ничего не опасаясь ?

Соупъ , которому обстоятельства еще не позволили объявить войну Султану ,

дружески принялъ посольство Абдаллы - Паша, и отвѣчалъ, что война поклонниковъ прошивъ Вгаабисовъ была законная, что убитые на сраженіи достойно заслужили смерть свою, и что ихъ единомышленники будутъ наказаны. „Я пришелъ сюда, прибавилъ онъ, для того, чтобы сражаться съ Ралебомъ, не съ вами. Вы можете беспрепятственно идти съ караваномъ своимъ въ Мекку; можете оставаться тамъ три дни, по прошествіи которыхъ, я самъ вступлю въ городъ и возвращу Абдель - Майну достоинство, ему принадлежащее.

Между тѣмъ, какъ происходили сіи переговоры между Соупомъ и Абдаллой - Пашею, Ралебъ, побѣжденный въ Тайсфѣ, не могши защищаться въ Меккѣ, прибылъ въ станъ Абдаллы - Паша, и просилъ его взять на себя посредство въ примиреніи его съ непріятелемъ на такихъ условіяхъ, какія угодно будетъ предписать ему. Соупъ весьма худо принялъ предложеніе Абдаллы - Паша и отвѣчалъ, что никто не долженъ мѣшаться въ ссору его съ Ралебомъ, и что онъ оказалъ уже важнѣе свихжденіе, позволивъ Пашѣ войти въ Мекку; что, не снѣупая отъ даннаго слова, напоминаетъ только, что по прошествіи трехдневнаго срока онъ непременно

самъ отправится въ Мекку за головою Ралебовою, единственнѣмъ предметомъ его желаній.

Абдалла - Паша не наснаивалъ въ своемъ пребываніи, вспунилъ въ Мекку и по изпеченіи назначеннаго срока отправился далѣе. Ралебъ, не будучи въ состояніи защищаться, воспользовался симъ случаемъ и убѣжалъ вмѣстѣ съ Пашею, въ сопровожденіи Шерифа, Паша Джебдскаго. Всѣ они благополучно прибыли въ Медину, а опшуда по прошествіи нѣсколькихъ дней отправились въ Джедду, и укрѣпились въ семь городѣ.

Между тѣмъ Соупъ, въ началѣ мѣсяца Рамадана 1217 го года Эгирры (25 го Сентября 1802 го года), съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ явился предъ врагами Мекки, и занялъ ее безъ сопротивленія со стороны жишелей, къ которымъ онъ изъявилъ благоволеніе; двадцать Шековъ преданы были смерти за объявленіе, что не могутъ принять ученія Вгаабисовъ; другіе согласились во всемъ со мнѣніемъ побѣдителей, а иные не разсудили за благо изъясняться. Соупъ, согласно съ правилами своего закона, приказалъ сломать всѣ гробницы, находящіяся внутри и внѣ Мекки. Въ самомъ средоточіи города есть одна длинная, почти на четверть

мили проспирающаяся, аллея, называемая по Арабски *Тауефъ*; моельщики почипають священнымъ для себя долгомъ обойти вокругъ нее семь разъ, прежде нежели предпримуть обратное путешесствіе; сіе мѣсто, гдѣ они собираются, сдѣлалось попомъ торговою биржею, и окружено лавками, въ копорыхъ продавали товары, привезенные вмѣстѣ съ караваномъ; Соупъ приказалъ сломать ей лавки, утверждая, что онъ оскверняютъ святыню Тауефа. Попеченія обратились народъ къ новой вѣрѣ не препятствовали ему позаботиться о сокровищахъ, хранимыхъ въ Кабѣ, или святомъ домѣ. Гробъ Авраамовъ покрытъ былъ богатымъ ковромъ, выпканнымъ изъ золота и шелковъ; Соупъ положилъ на мѣсто его пальмовую цыновку. Онъ не прежде оставилъ Мекку, какъ сдѣлавъ нужныя распоряженія для безопасности города. Абдель-Майнъ возведенъ на престолъ Шерифской; но какъ сіе происшествіе есмь происе только шипло, то, для удержанія Шерифа въ зависимости, Ваабисы снавили при немъ одного Мунселлима или Правителя съ двумястами солдатъ, охраняющихъ крѣпость. Соупъ, оставивъ Мекку, отправился къ Джеддѣ.

До сихъ поръ Ваабисы были побѣдителями; вездѣ находили опворенные горо-

да; превосходство въ числѣ войска всегда доставляло имъ споль оццущипельныя выгоды, что непріятели не осмѣливались сопротивляться. Но въ Джедѣ случилось иначе: сей городъ окруженъ крѣпкими стѣнами, копорыя Ралебъ поснарался исправить; извѣстная жеспокоспъ Вгаабисовъ не оставляла ему другаго средспва ко спасенію, кромѣ опчаяннаго сопротивленія; такимъ образомъ Вгаабисы должны были спановитсья подѣ городомъ. Оружіе ихъ состояло изъ копей и ружей съ фишилями, копорыми они не умѣли управлять; не зная даже перыхъ началъ искусства брапъ города приступомъ, Вгаабисы безпорядочно нападали на непріятелей, сидѣвшихъ въ засадѣ за ровомъ и стѣнами, откуда они могли свободно и съ великою для себя выгодною опспрѣливатьсь. Каждое нападеніе со стороны осаждающихъ доставляло случай осажденнымъ выигратъ сраженіе. Наконецъ Вгаабисамъ наскучило терпѣнь упорныя отраженія; этого не довольно: распространившаяся въ станѣ ихъ моровая зараза привела всйско въ крайнее уныніе. Соупу ничего другаго дѣлатъ не оставалось, какъ, снявъ осаду, возвратитсья въ Дерайегъ — что онъ и исполнилъ.

Подступая къ Меккѣ, Соупъ спправилъ опрядѣ Вгаабисовъ къ Мединѣ;

походъ сей имѣлъ силъ же худой успѣхъ, какъ и его собственное предпріятіе вразсужденіи Джебды. Ибнъ - Эль - Мондафонъ и Ибнъ - Эль - Гарбъ, приближась къ сему городу, осадили его и завладѣли двумя деревнями, Краймомъ и Сайраномъ. Жители Медины, вышедъ на встрѣчу, умертвили многихъ изъ войска Вгаабисовъ, а прочихъ заставили спасаться бѣгствомъ. Такимъ образомъ Соупъ въ одно и то же время претерпѣлъ двѣ неудачи, подъ Джеддою и подъ Мединою. Отступая назадъ къ Дерайегу, онъ захопѣлъ покушиться на овладѣніе Мединою, и получить успѣхъ хитроспійю въ томъ, чего не могъ сдѣлать силою; впрочемъ послалъ для занятія Медины опрядъ всадниковъ своихъ подъ начальствомъ Ибнъ - Эль - Салега и Ибнъ - Эль - База, которые требовали позволенія вступить въ городъ съ войскомъ, подъ предлогомъ посольства отъ Соупа; но сіе требованіе было отвергнуто отъ жителей, и письмо, которое начальники потомъ посылали въ городъ, было обратно отправлено съ презрѣніемъ.

Такой конецъ былъ слѣдствіемъ похода, котораго первые успѣхи разпространили ужасъ отъ Алепа даже до предѣловъ Сиріи. Соупъ обратно привелъ въ Дерайегъ войско свое, ослабѣвшее и уменьшенное отъ

войны и голода. Жители Мекки, услышавъ о неудачахъ Соупа, выгнали изъ города гарнизонъ его и опворили ворота Ралебу, копорой въ другой разъ лишилъ Абдель-Майна Шерифскаго достоинства.

Увыніе, разпрснранившееся въ Дерайегъ послѣ сего несчастнаго похода, еще болѣе усугубилось опъ другаго ужаснѣйшаго происшествія. Скоро послѣ возвращенія Соупа въ Дерайегъ, опецъ его Абдель-Азисъ былъ умерщвленъ однимъ изъ своихъ служителей. Сей человекъ лишился прехъ сыновъ своихъ, копорые пали опъ меча Вгаабисовъ во время пораженія въ Имамъ-Гуссемъ; онъ всячески старался попомъ снискашь довѣренность Абдель-Азиса, предложилъ ему свои услуги, успѣлъ заняшь мѣсто въ числѣ приближенныхъ къ его особѣ, и такимъ образомъ получилъ способъ произвести въ дѣйство свое намѣреніе, то есть опмисившь за смерть дѣшей своихъ. Въ одинъ день 27 го числа мѣсяца Раджаба 1218 го года Эгирры (12 го Ноября 1805), когда Абдель-Азисъ находился одинъ въ мечетѣ и читалъ обыкновенныя свои молитвы, служитель воспользовался симъ случаемъ и однимъ ударомъ кинжала лишилъ его жизни. Убийца немедленно былъ схваченъ и осужденъ на сожженіе. Ревностные Музульмане

увѣряютъ, что пламя не прикоснулось къ сему спрадальцу за вѣру, и что Соупъ принужденъ былъ опрубить ему голову, не имѣя другаго способа умертвить его.

Соупъ заступилъ мѣсто Абделъ - Азиса, принявъ на себя званіе Генерала Вгаабисовъ; его братъ нынѣ опправляетъ должность Губернатора въ Дерайегѣ. Слѣдственно несправедливо думали до сихъ поръ, будто секта изпребилась вмѣстѣ съ жизнію Абелъ - Азиса. Вгаабисы и теперь еще сильны въ сбласпи Агзской, средоточіи Аравіи. Можно однакожъ предполагать, что неудача подъ Джеддою впередъ ограничитъ ихъ чесполобіе и заставитъ ихъ быть умѣреннѣе. По крайней мѣрѣ не лъзя надѣяться, чтобы они скоро опять возобновили нападенія свои на области Оштоманскія.

Вѣра и обыкновенія Вгаабисовъ.

Мѣсто Шека Магамеда, послѣ его смерти, заступилъ слѣпой Гуссемъ, старшій сынъ его. Новой Шекъ ни въ чемъ не переменилъ вѣры, которую отецъ его проповѣдывалъ. Сообразно съ его ученіемъ, главной догматъ Вгаабисовъ состоитъ въ признаніи бытія единого Бога. Они допускаютъ и откровеніе; но сіе откровеніе

имѣеть предметомъ своимъ пошъ же самой догмапъ. Принимая исповѣданіе вѣры Магометовой, основывающееся на правилѣ: *нѣтъ другаго Бога, кромѣ Бога единого, а Магометъ есть пророкъ Его*, они опровергаютъ послѣднюю часть сего правила, и говорятъ только: *нѣтъ другаго Бога, кромѣ Бога единого*. Слѣдственно ихъ надлежитъ почитать настоящими Деистами; хотя многіе путешественники несправедливо утверждали, будто они допускали только законъ естественный.

Главное несогласіе между Музульманами и Вгаабисами состоитъ во мнѣніи о качествѣ Магомета. Первые почитаютъ его пророкомъ; послѣдніе — только мудрецомъ, не болѣе. Сіе несогласіе по видимому не такъ важно, чтобы не лзя было надѣяться соединить обѣ секты, но вражда взаимная между ними весьма велика. Вгаабисы до крайности ненавидятъ Магометанъ. Гоненіе на Музульманъ есть правило ихъ вѣры, которое они исполняютъ съ строгою точностію. Пораженіе въ Имамъ - Гуссемъ есть событіе, можетъ быть, единственное въ Лѣтописяхъ міра.

Странно, что Вгаабисы болѣе оказываютъ першимосіи вразсужденіи Христіанъ и Жидовъ. Они не беспокоятъ сихъ послѣднихъ, даже не спараются обратиться

ихъ къ своей вѣрѣ. Публичное отправленіе иновѣрныхъ обрядовъ запрещается въ ихъ владѣніи; равнымъ образомъ не позволяется имѣть церквей и синагогъ. Но Христіяне и Жиды могутъ безпрепятственно молиться въ домахъ своихъ. Тѣ и другіе обязаны плащью поголовную подасть, по два сескина съ половиною, или по пяши пѣснуровъ съ челоука; впрочемъ они не подвергаются терпѣнью обиды или частныя оскорбленія, и можно даже утвердительно сказать, что жизнь иновѣрцевъ гораздо счастливѣе между Вгаабисами, нежели въ Имперіи Оппоманской. Но не смотря на то, что сіи иновѣрцы пользуются спокойнымъ обладаніемъ своею собственностію, не смотря на то, что живутъ въ безопасности отъ обидъ и оскорбленій, они находятся въ крайнемъ презрѣніи и должны сносить униженіе самое постыдное. Плащье ихъ обыкновенно шьется изъ матеріи известнаго цвѣта, такимъ, а не инымъ покроемъ, и сверху него очень просто, безъ украшеній; они обязаны всегда ходить пѣшкомъ, отправляясь съ него мѣста, гдѣ находятся Вгаабисы. Вспрѣлвившись на улицѣ съ Вгаабисомъ, иновѣрецъ долженъ основаться на лѣвой сторонѣ, принявъ покорную наружность. Онъ не можетъ говорить предъ Вгаабисомъ, исключая крайней необхо-

дикоспіи ; вѣ такому случаѣ онѣ долженѣ выговаривать слова самымъ тихимъ голосомъ и со всѣмъ уничиженіемъ , какого только господинѣ можетѣ пребывать отъ своего невольника.

Коранѣ есть основаніе духовныхъ обрядовѣ ; Вгаабисы исполняютѣ ихъ съ такою же точностію , какъ и Музульмане ; они также сбрѣзываются , также и сполько же разѣ вѣ день молятся , приносятъ жерпвы и преклоняютѣ колѣна. Ихъ мечети внутри не имѣютѣ никакихъ украшеній ; всѣ минареты разрушены , поспому что Вгаабисы вообще не любятѣ мѣстѣ возвышенныхъ. Имамѣ ежедневно читаетѣ Коранѣ и молитвы , вѣ коперыхъ совсѣмъ не упоминается о Магометѣ. Они наблюдаютѣ постѣ Рамадана и воздерживаются отъ хмѣльныхъ напитковъ ; даже табакѣ строго запрещается между ними ; нарушающій сїи правила , а особливо послѣднее , подвергается смертною казни.

Хотя путешествовавшіе вѣ Мекку пользуются ихъ уваженіемъ , однакожѣ они не позволяютѣ имѣ называться *Гаджїями* , какъ водится у Турковѣ. Всѣ гробницы Шековѣ и пророковѣ разрушены ими до основанія. Они зарываютѣ мертвыхъ своихъ просто , безѣ всякаго опличія вѣ опнсшеніи ко званію и достоинству , и вѣ

строгой точности исполняютъ сіе обыкновеніе, основывающееся на словахъ Корана: *земля есть самая лучшая гробница*. Они утверждаютъ, что люди добродѣтельные, переселившіеся въ другой міръ, презираютъ земныя украшенія, и негодуютъ на нихъ, которые думаютъ, что воздаютъ имъ почестъ, украшая гробницы суепными опличіями.

Равенство, сія мечта въ отношеніи къ общежитію народа образованнаго, есть наследственное достояніе народовъ кочующихъ — единственное, извѣстное имъ благо. Они плачутъ за него лишеніемъ себя удовольствій, доставляемыхъ намъ роскошью и искусствами. Бедуины спрасно любятъ свою независимость и всегда умѣли сохранить ее. Вгаабисы, нѣкоторымъ образомъ ее утратившіе, покорясь новому правленію, по крайней мѣрѣ пользуются выгодами оной, среди своего общества; они не знаютъ никакихъ опличій. Названія: *Паша, Князь, Визирь*, не извѣстны на ихъ языкѣ. Они называютъ другъ друга братьями; симъ именемъ господинъ кличетъ своего невольника; симъ именемъ невольникъ опвѣчаетъ своему господину.

Нравы ихъ весьма просты, но обхождение грубо. Сія грубость всегда была опличительнымъ свойствомъ Аравитянъ,

ихъ предковъ. Суровость , соединенная съ симъ качествомъ , естъ плодъ изповѣдываемой ими Религїи ; они стараются во всемъ опличаться ею, въ разговорѣ, въ одеждѣ, даже въ пищѣ. Умѣренность ихъ въ сей поппребности житейской — чрезвычайна до невѣроятности , особливо же во время военного похода. Они кладутъ на дромадеровъ только по два мѣха , одинъ съ водою , другой съ мукою ячменною ; проголодавшись , разтворяютъ водою малое количество сей муки и ѣдятъ безъ всякаго приготвленія. Въ эпомъ состоитъ пища , которою они довольствуются въ продолженіе цѣлыхъ недель. Они еще далѣе проспираютъ свою воздержность : въ случаѣ недостатка , вода замѣняется уриною дромадеровъ.

При такой несбыкновенной умѣренности , съ такою привычкою сносить великія безпокойства , Ваабы были бы непобѣдимы , еслибъ имѣли познанія въ порядкѣ и дисциплинѣ воинской. Но они , въ семъ не искусѣ Аравитянъ , своихъ прародителей , ибо никого не побѣждали , кромѣ Аравитянъ ; мы видѣли , что Турки , которые , какъ всемъ извѣстно , слабѣе Европейцевъ , одерживали побѣды надъ Ваабами.

II.

*Опредѣленіе Сен - Домингскихъ Негровъ
о поднесеніи Генералу Дессалину Им-
ператорскаго достоинства, и прокла-
мація сего Генерала.*

Мы, Генералы войска Гаипскаго, имѣя намѣреніе утвердить шоржеспвеннымъ ак-
шомъ желаніе сердецъ нашихъ, и всего
народа Гаипскаго :

Будучи увѣрены въ томъ, что власть
верховная должна бытъ нераздѣльною, и
что польза опечесства пребуешъ, чпобы
бразды государспвеннаго правленія были
ввѣрены въ руки того, къ которому спре-
мяшся довѣренность, любовь и преданность
согражданъ :

Будучи убѣждены несчастными опы-
тами и исторіею народовъ въ томъ, что
государство нолько тогда благоденспвуешъ,
когда управляется однимъ человекомъ, и
что того преимущесвенно надлежитъ по-
чпшпть шппломъ правпшеля, кто своими
заслугами, дарованіями и вліяніемъ на дѣ-
ла общеспвенныя умѣлъ утвердить свобо-
ду и независимость гражданъ :

Разсудивъ, что послѣ долговремен-
ныхъ смятеній и несчастій, необходимо
вужно оградишь безопасностью спокойспво-

гражданъ ; что самой вѣрной способъ достигнуть до сей цѣли есть ввѣрить одному начальнику , одаренному способностію достойно управлять народомъ , власію священную и великую , копорая, соединяя въ себѣ всю силу государства , содѣлается спрашною для непріятелей и будетъ залогомъ пишины и благоденствія для гражданъ :

Разсудивъ , что титло Генерала - Губернашора , которое до сего времени носилъ на себѣ гражданинъ Жанъ - Жакъ Дессалинъ , не удовлетворяетъ общему желанію , попому что оно означаетъ власію впороспепенную , зависящую отъ другой верховной власпи , копорую мы навсегда свергли съ себя , какъ иго несносное для людей свободныхъ :

Не внимая болѣе упорнымъ отрицаніямъ гражданина Жанъ - Жака Дессалина принявъ подносимую власпъ отъ народа и войска съ того времени , когда мы объявили себя независимыми , почитая сїи отказы пропивными выгодамъ , желанію и благу отечества :

Мы торжеспвенно опредѣляемъ упомянутому Жанъ - Жаку Дессалину *бытъ Гантскимъ Императоромъ* , и предоспавляемъ ему право избрать по себѣ наслѣдника.

Желаемъ, чтобы сіе непринужденное изліяніе сердець нашихъ, согласное съ мнѣніемъ всего народа, немедленно было представлено на утвержденіе и произведено въ дѣйство опредѣленіемъ Сената, которой нарочно по сему случаю имѣетъ быть созванъ.

Въ Порт - о - Пренсѣ. 25 го Января 1804 года; въ первое лѣто независимости Гаиттскаго народа.

Подписали: *Верне*, Министръ Финансовъ; *Клерво Христофъ*, начальствующій надъ сѣверною дивизіею; *Патіонъ* и *Гафраръ*, дивизионные начальники и Государственные Совѣтники. (За симъ слѣдуютъ имена подписавшихся 258 чиновниковъ: Государственныхъ Совѣтниковъ, Офицеровъ Генеральнаго штаба, и проч.)

Въ Дессалинѣ. 15 го Февраля, въ первое лѣто независимости. Отъ Гаиттскаго Генерала - Губернатора Генераламъ арміи и властямъ гражданскимъ и военнымъ, органамъ народа.

Граждане! ничто сполько не побуждаетъ меня принять священное пишло, подносимое мнѣ вашею довѣренностію, какъ ревностное мое желаніе пецись о благѣ Имперіи и съ твердою рѣшимостію

довершитъ наше предпріятіе, которое должно показать свѣту, что мы не толпа возмущившихся невольниковъ, но люди утвердившіе свою независимость вопреки общему мнѣнію, будто власть законная не можетъ существовать въ народѣ, цѣною собственной крови купившемъ свою вольность, и безъ внешней помощи сокрушившемъ кумиръ, которому приносили насъ на жертву. Мы попрали ногами сей идолъ, подобно Сатурну, которой пожиралъ дѣтей своихъ. Граждане! не забудемъ несчастій, не давно претерпѣнныхъ нами. Напоминанія о нихъ должны служить для насъ важнымъ урокомъ, должны заставить насъ быть осторожными противъ непріятельскихъ покушеній, должны изгнать въ насъ всякое снисхожденіе къ мучителямъ.

Спаси слабыя никогда не дѣлаютъ людей великими; предпріятія робкія и нерѣшительныя останавливаютъ быстрый ходъ революцій.

Вы признали необходимымъ для пользы Государства, чтобы я принялъ санъ, которымъ вамъ угодно было почтить меня; возлагая на себя новое бремя, вступаю въ новыя обязанности вразсужденіи выгодъ моего отечества, которому давно уже я посвятилъ всѣ свои силы и способности; но долгъ важнѣйшій предле-

жизнь мнѣ. Чувствую, что мнѣ надлежитъ дсвершить наше предпріятіе, составить мудрые законы, сообразные съ нашими нравами и обычаями, предписатьъ каждому гражданину предѣлы, въ которыхъ онъ долженъ удерживать свою вольность, такъ чтобы всѣ пользовались личными правами, и въ то же время власть, пекущаяся о общемъ благоденствіи, сохранила свою ненарушимость. Не забывайте, что вы ввѣряете мнѣ кормило въ такое время, когда свирѣпыя валы яростно ударяютъ въ корабль Государства.

Я воинъ. Битвы были всегдашнимъ моимъ занятіемъ. Оправдаю вашъ выборъ, когда непріятель жестокой и корыстлюбивый появится на берегахъ нашихъ; буду сражаться, начальствуя надъ вами, и покажу, что званіе вашего Генерала всегда любезно моему сердцу.

Высокой санъ, въ которой вы возвели меня, напоминаетъ мнѣ, что я содѣлался опцемъ согражданъ, бывъ прежде ихъ защитникомъ; но отецъ семейства воинственнаго всегда долженъ держать мечъ въ рукѣ своей, если хочетъ, чтобы дѣла его были мужественны и неустрашимы въ сраженіяхъ.

Къ вамъ обращаюсь, Генералы и воины, къ вамъ, которые послѣ меня, должны

заступи въ мое мѣсто : *почитаю* себя *са-*
спливывымъ, тво *верховная* *власть* *послѣ* *меня*
достанется *храброму* *воину*, *пролившему*
кровь *свою* *за* *отечество*; *такъ!* *поржествен-*
но *отрицаюсь* *отъ* *присвоенія* *верховой* *вла-*
сти *моему* *дому*.

Никогда не отдамъ преимущества стар-
шинству по лѣтамъ, если не найду въ
немъ способностей, нужныхъ для управле-
нiя Государствомъ; не рѣдко пылкой юноша
споспѣшествуетъ благу своего отечества
болѣе, нежели опытный, но холодный
старецъ, копорой медлитъ и размышляетъ
тамъ, гдѣ надобно быть рѣшительнымъ и
опрометчивымъ.

На сихъ условiяхъ соглашаюсь быть
вашимъ Императоромъ. Горе тому, кто
къ подножiю престола, воздвигнутаго
благодарностию, приблизится съ чувства-
вами буйными и строптивыми!

Подписано : *Дессалинъ*.

(*Изъ Англ. Вѣд.*)

III.

*Статистическія извѣстія о нынѣшнемъ
состояніи Австріи.*

Австрійская Монархія полагается въ числѣ первокласныхъ Державъ Европы, какъ по своему пространству, такъ и по количеству жителей. Ея протяженіе содержитъ въ себѣ 158,840 миль географическихъ, а населеніе простирается отъ 25 до 26 милліоновъ жителей. Въ 1805 мѣ году сдѣлано распоряженіе, въ слѣдствіе котораго войско должно состоять въ мирное время изъ 270,000 человекъ, то есть изъ 177,840 пѣхотныхъ, 35,750 конныхъ, 11,000 артиллеристовъ, 44,000 пограничныхъ и 10,000, для запасныхъ корпусовъ. Въ военное время назначено содержать 365,455 человекъ, раздѣленныхъ на 156 полковъ.

Доходы государственные простираются до 240 милліоновъ. Прежде слишкомъ доставало ихъ на обыкновенныя издержки; но въ послѣднія войны надлежало занимать великія суммы; теперь Австрія должна 960 милліоновъ франковъ.

Главные города, съ показаніемъ количества ихъ жителей:

Въ Вѣнѣ	-	-	254,000	чел.
— Венеціи	-	-	180,000	—
— Прагѣ	-	-	80,000	—

Въ Грацѣ	-	-	35,000	чел.
— Пресбургѣ	-	-	30,000	—
— Будѣ и Пестѣ, городахъ, соединенныхъ посредствомъ моста черезъ рѣку Дунай			38,000	—
— Краковѣ	-	-	24,000	—
— Лембергѣ	-	-	20,000	—
— Сальцбургѣ	-	-	20,000	—
— Трїестѣ	-	-	18,000	—

Публичныя зданія въ Вѣнѣ и Будѣ, а особливо въ Венеціи, заслуживаютъ вниманіе путешественниковъ. Венгерскіе дворяне имѣютъ великолѣпныя замки, соотвѣтствующіе ихъ богатству, но не вкусу и нравамъ Европейскимъ. Г. Форція, посѣщавшій въ 1792 году замокъ Эстергази, находящійся не далеко отъ Пресбурга, и почиаемый отъ Нѣмцовъ на ряду съ Версальею, насчиталъ 400 спѣнныхъ часовъ — и не видѣлъ ни одной книги.

Морская торговля Австріи весьма недавно получила свое начало и теперь еще ничего не значитъ въ Европѣ. Внутренняя торговля, питаемая изобиліемъ естественныхъ произведеній, находится въ цвѣтущемъ состояніи. На Вѣнскихъ фабрикахъ дѣлаются: шелковыя матеріи, полотна, серебряная посуда, золотой позументъ, зеркала и фарфоръ. Богемія славится своими стеклами и бумагою; Австрія из-

обилуетъ лошадьми, виномъ, хлѣбомъ и шафраномъ. Моравія богата хлѣбомъ и скотомъ, а Венгрія пучными пажитями, превосходными винами, золотыми и серебряными рудами, и особливо опаломъ — такъ называется драгоценный камень, котораго ни въ какой другой части свѣта найти не можно, и копорой восточные жители предпочитаютъ алмазу. Рудники опаловые находятся въ Червеницѣ, лежащемъ подъ одною степенью широты съ Кремницомъ, славнымъ золотыми рудами.

Города Спиріи и Моравіи доставляютъ желѣзо въ изобиліи. Въ рудникахъ Идрійскихъ ежегодно достаютъ ртуту болѣе 300,000 фунтовъ; при Величкѣ, въ Польшѣ добываютъ великое количество соли. Неизмѣримые лѣса, покрывающіе Карпатскія горы, снабжаютъ прекрасными строевыми деревьями. Австрія, подобно Франціи, *внутри* богата.

Господствующая вѣра въ Австріи есть Римско - Каполическая, но и другія исповѣданія терпимы. Духовенство, особливо въ Венгріи, пользуется великими доходами. Архіепископъ Гранскій получаетъ 864,000 франковъ ежегоднаго дохода, а Университетъ Будскій 240,000 флориновъ. Въ Австрійской Монархіи находятся еще чепыре Университета, *кромѣ* упомяну-

шаго , а именно : въ Вѣнѣ , Прагѣ , Иншпрукѣ и Грацѣ . Императорская Вѣнская Библиотека есть одна изъ богатѣйшихъ въ Европѣ и по многимъ отношеніямъ можетъ равняться съ Парижскою .

Нравы и обыкновенія жителей столь же различны одни отъ другихъ , какъ климаты областей Эрц - Герцогаго Дома . Австрійцы , собственно такъ называемые , холодны , но обходительны ; женщины весьма обезображиваютъ естественныя прелести свои дурнымъ нарядомъ , а душу безчисленными предразсудками и чтеніемъ всякаго рода вздорныхъ книгъ . Народъ вѣритъ существованію домовыхъ и выходцевъ изъ другаго свѣта ; къ чести низшаго класса людей должно сказать , что онъ не столь развращенъ , какъ въ другихъ странахъ Европы . Воровства рѣдко случаются между ними , а убійства почти никогда . Публичныя казни совершаются у нихъ при отправленіи торжественныхъ молитвъ — обыкновение , достойное подражанія . Нравы Венгерцевъ имѣютъ много сходства съ нравами древнихъ Германцевъ . Они горды , мужественны и спрасно привязаны къ своей вольности . Одежда ихъ всѣмъ известна ; на нихъ гусары одеваются по ихъ обыкновению .

(Изъ Пар. Журн.)

IV.

Извѣстія и замѣтанія.

Описанія торжествованій по большей части бывають занимательны только для тѣхъ людей, къ которымъ онѣ имѣютъ какое - нибудь отношеніе, посредственное, или непосредственное; нынѣшніе Парижскіе праздники достойны вниманія всѣхъ и cadaго, по тому что они суть слѣдствія переменны чудесной, неожиданной. Такъ на Комету, на Сѣверное сіяніе, на метеоръ всѣ смотрятъ съ одинакимъ любопытствомъ.

На другой день, 5 го Декабря, главныя дѣйствующія лица отдыкали послѣ трудовъ, понесенныхъ наканунѣ; между тѣмъ, для народа открыты были разныя увеселенія.

4 го Числа Г-ну Бонапарте были представлены Наслѣдный Принцъ Баденскій, попомъ Вице - Президентъ Италіанской Республики съ депутаціею, Французскіе Архіепископы и Епископы. При сихъ аудіенціяхъ находились Министры, Великіе Офицеры, Сенаторы и Государственные Совѣтники, всѣ въ церемоніальномъ нарядѣ. По окончаніи сего, Г. Бонапарте въ кабинетѣ своемъ принималъ присяги отъ Маршаловъ, Великихъ Офицеровъ, Генера-

ловъ , Полковниковъ и корабельныхъ Капитановъ , копорые находятся теперь въ Парижѣ и копорые до сихъ поръ еще не присягали.

5 е Число Декабря было посвящено военному празднику. Г. Бонапарте на Марсовомъ полѣ раздавалъ войску и Гвардіи новыя знамена съ орлами. Главная фасада Всенной Школы украшена была приспройкою большихъ хоръ со многими отдѣленіями, изъ копорыхъ въ среднемъ сооруженъ былъ тронъ для Наполеона и Іозефины. Брапя Г-на Бонапарте , прежніе Консулы, Министры , Маршалы , Великіе Офицеры , спатскіе Чиновники , шакъ называемыя Принцессы , Придворныя Дамы , Государспвенный Совѣтъ , Сенатъ , Офицеры Почетнаго легіона , Члены Судилицъ Кассаціоннаго и Государспвенныхъ опчетовъ находились на правой споронѣ трона ; Законодательной Корпусъ и Трибунатъ — на лѣвой. По обѣимъ споронамъ на концахъ зданія въ павильонахъ назначены были мѣста для Нѣмецкихъ Принцевъ , Дипломатическаго Корпуса и знашнѣйшихъ чужестранцевъ. Шествіе изъ Тюльерійскаго Дворца началось въ самой полдень , шочно въ такомъ порядкѣ , какъ въ день коронаціи. Г. Бонапарте , сидя въ каретѣ , имѣлъ на головѣ своей шляпу съ загнутымъ

полемъ напередѣ и съ пучкомъ бѣлыхъ перьевъ, а на Іозефинѣ была алмазная корснa. По прибытіи въ Школу, Г. Бонапарте и Іозефина допустили къ себѣ на аудіенцію Членовъ Дипломатическаго Корпуса и Государственныхъ Чиновниковъ; потомъ, облекшись въ Императорскія одежды, возсѣли на тронѣ, при восклицаніяхъ: *да здравствуетъ!* и проч.

Немедленно началась церемонія. Полковники и Избиратели, споявшіе на лѣстницѣ, опѣ трона къ Марсовому полю, имѣя въ рукахъ новыя знамена, приблизились къ Г-ну Бонапарте, которой произнесъ къ предстоящему войску слова, сочиненныя заблаговременно и помѣщенныя въ программѣ церемоніи: „Солдаты! вотъ ваши знамена! сіи орлы должны служить для васъ почкою соединенія; они должны находиться вездѣ, гдѣ я признаю нужнымъ ихъ присутствіе для защищенія моего престола и моего народа. Клянись, не щадя жизни своей, мужественно защищать и беречь ихъ на пути побѣды!“ Въ той же программѣ предписано, чтобы всѣ присутствующіе съ возторгомъ закричали: „клянемся! клянемся!“ что и было исполнено въ точности. Въ это время лилъ дождь; всѣ зрители дрожали отъ стужи и возвратились домой съ измокшимъ плащемъ.

Г. Бонапарте въ четыре часа возвратился въ Тюльерійскій Дворецъ, а въ шесть часовъ сѣли за столъ. Порядокъ сохраненъ былъ слѣдующій: Наполеонъ, Иозефина, Папа и Курфирстъ - Архиканцлеръ Нѣмецкой Имперіи сидѣли за особливымъ круглымъ поставленнымъ не далеко отъ прона, столомъ, копорой былъ накрытъ ковромъ бархатнымъ съ золотыми галунами. У стола служили Великіе Придворные Офицеры, какъ-то: Оберъ-Каммергеръ, Оберъ-Шпалмейстеръ и проч. Надобно знать, что Г. Бонапарте позволяетъ садиться съ собою вмѣстѣ только Папѣ и Курфирсту. Находясь въ Майнцѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, онъ обѣдалъ равнымъ образомъ только съ Курфирстами, а прочихъ Нѣмецкихъ Князей и Принцевъ отсылалъ за столъ Г-на Дюрока, своего Префекта замка.

За вторымъ столомъ, не далеко отъ перваго, сидѣли братья и невѣстки Г-на Бонапарте, прежніе Консулы, называемые нынѣ Великими Чиновниками Имперіи, Принцы чужестранные и Кардиналы. Иосифъ Бонапарте занималъ мѣсто хозяина.

За третьимъ столомъ, копорымъ управлялъ Маршалъ Мюра, сидѣли Члены Дипломатическаго Корпуса. Послы чужестранные и ихъ супруги не согласились здѣсь присутствовать, объявивъ, что

званіе ихъ и достоинство даютъ имъ право на мѣста за вторымъ столомъ.

За четвертымъ и пятымъ столами находились Маршалы, главнокомандующіе войсками, Офицеры Генеральнаго штаба, Сенаторы, Государственныя Совѣтники, и проч.

Послѣ обѣда загремѣлъ концертъ. Святой Отецъ, услышавъ музыку, хотѣлъ было тотчасъ удалиться, но Г. Бонапарте убѣдилъ Его Святейшество остаться и дослушать до конца. Послѣ концерта явилась танцовщики и танцовщицы. Наполеонъ всячески старался удержанъ Святаго Отца и позабавилъ его танцами; но всѣ пробы и усилія были тщетны. Папа простился съ хозяиномъ и предоставилъ Кардиналамъ удивляться искусству прелестныхъ танцовщицъ. День сей кончился пышною иллюминаціею.

Вѣроятно, что Его Святейшество не очень доволенъ излишнею осторожностію Г-на Бонапарте, которой не дозволяетъ Главѣ Римско-Католической церкви мѣшанья во внутреннія распоряженія Государства. Папа имѣлъ намѣреніе освятить и благословить новыя знамена; но Г. Бонапарте объявилъ свое мнѣніе, что обряда сего не считаетъ нужнымъ. Непріятно также Его Святейшеству (и изхожденіе

Г-на Бонапарте къ Пропестантамъ. Допустивъ къ себѣ на аудіенцію Президентовъ Консиспориі Пропестантиспской, Наполеонъ между прочимъ сказалъ имъ, что „наконецъ наступило то время, когда онъ можетъ объявить себя покровителемъ всѣхъ исповѣданій; что законы не имѣютъ никакой власти надъ совѣстію; что если кто нибудь изъ его преемниковъ не уважитъ сего правила, то заслужитъ названіе Нерона и прослыветъ въ потомствѣ подъ именемъ ненавистнаго тирана.“

Г. Бонапарте нѣсколько дней сряду со всею пышностію давалъ аудіенціи разнымъ особамъ. За публичными торжественіями слѣдовали частные праздники. Великіе Чиновники, Маршалы, Министры ежедневно угощали у себя Депутатовъ и прочихъ особъ, пріѣхавшихъ изъ Департаментовъ. Вообще замѣчаютъ, что въ Парижѣ появилась чрезвычайная роскошь. Всякой, кто жилъ тамъ во времена Директоріи и Консульства, не можетъ надивиться введеннымъ теперь въ употребленіе церемоніальнымъ обрядамъ и придворному тону. Никогда еще не господствовала въ Парижѣ расточительность, подобная нынѣшней, какъ въ нарядахъ, такъ и вообще въ образѣ жизни. Особы, видѣвшія Королевскій Дворъ во всемъ блескѣ его, утвер-

ждаютьъ единодушно, что нынѣшняя пышность превозходитъ все прежнее великолѣпіе.

Блюспительный Сенатъ давалъ въ домѣ засѣданій богатой праздникъ, а Корпусъ Законодательный, вмѣсто того, опредѣлилъ раздать бѣднымъ 30,000 франковъ. 16 го Декабря Парижскіе граждане угощали въ Рапушѣ Г-на Бонапарте со всею его фамилією. Церемоніальное шествіе изъ Дворца Тюйльерійскаго — точно въ такомъ порядкѣ, какъ въ день коронаціи — началось въ 5 часа послѣ полудня при громѣ пушекъ. Муниципальной Совѣтъ подъ управленіемъ Маршала - Губернатора, Г-на Мура, съ Префектомъ Полицейскимъ, Префектомъ Департамента и ихъ Секретарями, встрѣтили Г-на Бонапарте у *Новаго моста* и провожали пѣшкомъ до Рапуши. По прибытіи Г-на Бонапарте и его супруги въ залу, Префектъ Сенскаго Департамента говорилъ имъ привѣтственное слово, на которое Наполеонъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „Господа Члены Муниципальнаго Корпуса! я прибылъ сюда для того, чтобы удостовѣритьъ доброй *мой* городъ Парижъ въ особливомъ моемъ покровительствѣ; при всякомъ случаѣ почиту для себя должностію изъявлять мое къ нему благоволеніе. Знайте, что въ сраженіяхъ, на моряхъ, среди великихъ

опасностей, въ самыхъ пустыняхъ, я всегда высоко цѣнилъ мнѣніе сей великой столицы *Европы*, предпочипая оному одна-кожъ судъ попеченія, имѣющій неограниченную власъ надъ моимъ сердцемъ.“ Ввечеру послѣ фейерверка, зажженнаго самимъ Г-мъ Бонапарте, открылся балъ кадрилемъ, копорой соспавляли невѣстки Наполеоновы съ другими дамами и съ молодыми мущинами, сыновьями почетнѣйшихъ гражданъ Парижскихъ. Въ девять часовъ вечера Г. Бонапарте отправился въ Тюильерійской Дворецъ, при восклицаніяхъ всего собранія и выстрѣлахъ изъ пушекъ.

Наконецъ прѣехала въ Парижъ и Г-жа Бонапарте, мать Наполеонова; но Люсьень Бонапарте остался въ Миланѣ, безъ сомнѣнія до полученія дальнѣйшихъ повелѣній.

Не смотря на непріятельскіе виды между Англіею и Испаніею, многіе надѣялись, что война можетъ еще быть отвращена посредствомъ взаимныхъ соглашеній. Теперь исчезла къ тому вся надежда. Англичане открыли непріятельскія дѣйствія, и Нельсонъ захватилъ уже нѣсколько судовъ Испанскихъ, плѣнилъ цѣлой полкъ, назначенный для укрѣпленія гарнизона

въ Миноркѣ, и гавань Барцеллонскую держитъ въ осадѣ.

Французской Посланникъ Брюнъ, получивъ предписанія отъ своего правительсва, опять подалъ Нопу Министерству Порты, и наспоятельно пребовалъ, чпобы Г. Бонапарте признанъ былъ въ новомъ достоинствѣ. Увѣряютъ, чпо сїя Нопса сдѣлала великое впечатлѣнїе въ Диванъ, и чпо за симъ послѣдуютъ важныя перемѣны.

Пишутъ во Французскихъ Вѣдомостяхъ, чпо знаменитый Гайднъ скончался въ Вѣнѣ, на 79 мѣ году своей жизни.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ 1805.

№ 3.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

*Въ темѣ нынѣшніе Артисты превоз-
ходятъ древнихъ (*).*

„Достоинно особливаго вниманія,“ говоритъ Аддисонъ, „что мы не можемъ сравниться съ Древними въ Поэзіи, въ Живописи,

(*) Сіе Разсужденіе, помѣщенное въ Ученомъ Архивѣ, переведено изъ одного весьма уважаемаго Англійскаго Журнала *Advertiser*, которой издавался съ Ноября мѣсяца 1752 года до Марта 1754; Докторъ Гакесвортъ былъ его Редакторомъ и главнымъ Авторомъ. Славный Джонсонъ, другъ его, имѣлъ въ немъ немалое участіе и доставилъ Гакесворту весьма полезнаго содружника въ особѣ Доктора Вартона, знаменитаго Литператора, особливо извѣстнаго

№ 5. 1

въ Краснорѣчїи, въ Испорїи, во всѣхъ искусствахъ, зависящихъ болѣе отъ природнаго дарованїя, нежели отъ опытности, и вообще превозходимъ ихъ въ родѣ сочиненій забавныхъ, шуточныхъ, остроумныхъ. Думаемъ, что не бесполезно будетъ подробнымъ разсмотрѣнїемъ оправдать истинну сего мнѣнїя и подтвердить ее примѣрами, которые могутъ доставить удовольствїе охотникамъ наблюдать исторїю ума человѣческаго и его переменны.

Излишне было бы доказывать здѣсь важнымъ образомъ, что Тассъ, Аріостъ и Камээнсъ, знаменитѣйшіе Эпическіе Поэты временъ новѣйшихъ, не могутъ стоять на ряду съ Гомеромъ и Виргилїемъ ни достоинствомъ плана, ни мыслями, ни слогомъ. Мильтонъ, можетъ быть,

предложенїемъ на Англійскій языкъ Виргилїевыхъ Эклогъ и Георгикъ. Сїе разсужденїе сочинено Вартономъ. Французы могутъ жаловаться на Автора за то, что онъ не отдаетъ должной справедливости Расину и совсѣмъ не говоритъ о сочиненїяхъ Вольтера, которой въ то время уже издалъ Генріаду и лучшія свои Трагедїи. Во всемъ прочемъ Г. Вартонъ сохранилъ строгое безпристрастіе. *Изд.*

поспорилъ бы о правахъ своихъ на превосходство передъ Древними, или по крайней мѣрѣ, на равенство съ ними; но не должно забывать, что Мильтонъ все высокія понятія почерпалъ изъ Священнаго Писанія; слѣдственно, желая оцѣнить талантъ его по мѣрѣ его достоинства, мы не полагаемъ въ счетъ занятаго, и думаемъ, что, не подвергая себя упрекамъ въ приспращіи, не лъзя сказать, будто Мильтонъ превзошелъ Гомера какъ возвышенными и разнообразными мыслями, такъ сильнымъ и величественнымъ слогомъ.

Шакеспиръ, Корнель и Расинъ, одни изъ новыхъ Трагиковъ, которыхъ можно прозивупоспавить Эсхилу, Софоклу и Эврипиду. Первой такъ оригиналенъ, столько не похожъ на другихъ, что никакъ не должно судить о его твореніяхъ по правиламъ драматическимъ. Чертами характеровъ и естественностію онъ не уступаетъ Грекамъ; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, составляющихъ превосходство Драмы, онъ гораздо ихъ ниже. Нѣжный и правильный Расинъ менѣе прочихъ подверженъ оужденію; но онъ самъ искренно признавался, что главнѣйшія красоты занималъ у Эврипида, любимаго своего Автора; въ самомъ дѣлѣ, всякой признастъ это справедливымъ, прочитавъ со вниманіемъ его

Федру и Андромаху. Пышныя, истинно Римскія чувства Корнеля взяты имъ изъ Лукана и Тацита; извѣстно, что онъ имѣлъ странность предпочитать Лукана Виргилію. Но въ слогѣ, въ благогласіи, въ разнообразіи и почтоспи характеровъ, въ правильности и простотѣ расположеній онъ не можетъ сравниться съ Расиномъ. Сія простота расположенія состояла въ томъ, что каждое дѣйствіе, каждое явленіе, періодъ, мысль, каждое слово споспѣшествовали къ объясненію развязки, которую Греческіе Трагики почитали главнымъ предметомъ и старались направить на него вниманіе зрителей; новыя наши Трагедіи запутанностію постороннихъ обстоятельствъ и многосложною завязкою ослабляютъ вниманіе зрителей и не достигаютъ до своей цѣли.

Превосходство древнихъ Живописцевъ, можетъ быть, менѣе очевидно. Нѣкоторые возражаютъ, что имъ не извѣстны были перспектива и искусство располагать тѣни со свѣтомъ; скажутъ, что они не знали живописи на маслѣ, потому не умѣли смѣшивать и сливать красокъ, не умѣли съ такою счастливою смѣлостію представлять изображенія, придавать имъ видъ выпуклости и составлять полуколера, которые споль удачно производятъ

обманъ оптической. Однакожъ истинные знапки менѣе уважающъ искусство колорита, нежели правильность рисовки и выразительность. Плиній, Квинтиліанъ и Лукіанъ свидѣтельствуютъ, что древніе Живописцы въ послѣднихъ двухъ качествахъ достигли до высочайшей степени совершенства; мы должны положиться на сихъ Авторовъ, если хотимъ имѣть понятіе о древнихъ Артістахъ, потому что самъ Грековъ не осталось намъ ни одной картины, а Римляне, которыхъ нѣсколько произведеній время пощадило, не имѣли ни Парразія, ни Апелла, ни Зевксиса, ни Тиманеа, ни Пропогена. Статуи Геркулеса и Лаокоона служатъ самымъ сильнымъ доказательствомъ превосходнаго таланта, управлявшаго рукою Греческихъ художниковъ при изображеніи душевныхъ движеній; нѣтъ ни малѣйшей причины сомнѣваться, что они умѣли выражать красками то, что дѣлали на мраморѣ съ искусствомъ неподражаемымъ. Карло Маратти, послѣдній изъ славныхъ Живописцевъ Италіянскихъ, триста разъ снова начиналъ списывать голову Венеры Медицейской, и наконецъ долженъ былъ признаться, что не можетъ достигнуть ниже до половины совершенства своей модели. Говоря съ откровенностію о такомъ

дѣлѣ, о которомъ вѣжкому разсуждать позволено, мы почишаемъ себя принужденными сказать, что если нынѣшніе вѣчемъ либо подошли близко къ искусству древнихъ, такъ безъ сомнѣнія въ Живописи. Едва ли способенъ умъ человѣческой изобрѣсти что нибудь возвышеннѣе, величественнѣе *Страшнаго суда* Микеля Анджели, или Рафаэлева *Преображенія*. Что можетъ быть представлено живѣе *Св. Павла*, проповѣдывающаго въ *Афинахъ*, написаннаго Рафаэлемъ! что нѣжнѣе и прелестнѣе *Пресвятой Дѣвы*, держащей младенца Іисуса на рукахъ своихъ, въ извѣстномъ изображеніи *святаго семейства*! что милѣе *Гвидовой Авроры*! что можетъ болѣе пронуть душу, какъ *Избіеніе невинныхъ*, Лебрюновой кисти!

Но ни одинъ изъ нынѣшнихъ Ораповъ не дерзнетъ спорить о славѣ съ Демосвеномъ и Цицерономъ. Правда, мы имѣемъ нѣсколько Рѣчей, своею чистотою, ясностію и пріятностію возбуждающихъ удивленіе; но не видимъ ни одной, въ которой сила высренности увлекала бы слушателя на подобіе стремящагося попка, ни одной, которая, подобно молніи, проникала бы сокровенные сибы его сердца; не видимъ ни одной, которая поселяла бы въ душу внезапное, непреодолимое:

убѣжденіе, лишшающее слушателя способности взвѣшивать побудительныя причины, которыя заставляють его соглашаться съ словами Орапора. Проповѣди Олца Бурдалу, надгробныя Слова Боссиэтовы, а особливо Слово на смерть Принцессы, и Судебныя Рѣчи, произнесенныя Пелиссопомъ, для защищенія Фукета, его благодѣтеля, подпавшаго немилосердію — суть одни памятники краснорѣчія, которыя подходятъ къ Словамъ древнихъ Орапоровъ; ибо, по несчастію, всѣ наши усилія оплечаются краснорѣчіемъ въ Парламентѣ, въ церквахъ и судилищахъ до сихъ поръ были бесполезны. Можетъ быть скажутъ, что свойство нынѣшнихъ законовъ и полицики не дозволяетъ употреблять выраженій пламенныхъ и возвышенныхъ, заставляя Орапора ограничиться методою холодныхъ аргументовъ, поворять скучныя доказательства, разбирать упомятельныя подробности произшествій; но никакъ не докажетъ, что вѣра Христіанская не изобилуетъ предметами возвышенными и благородными, которыя должны возпламенить огонь краснорѣчія въ умѣ самомъ скудномъ, въ душѣ самой холодной. Слѣдственно, чего не можемъ надѣяться отъ мужей, обладающихъ истинными талантами, мужей, которыми

гордились наше отечество ! Но до сихъ поръ мы еще не имѣемъ ни одного краснорѣчиваго Слова, достойнаго церковной кафедры, которое заслуживало бы вниманіе, не говорю уже съ удивленіи.

Немногіе, даже изъ числа Ученыхъ людей по званію, въ состояніи чирпаль въ подлинникъ древнихъ Историковъ ; но всѣ спвергли парадоксъ Болингброка, которой дерзновенно предпочишаетъ Гишарденя Эукидиду, то есть Автора самаго скучнаго Дѣписателя искусному и разсудительному, переписчика чужихъ повѣствованій — человеку, бывшему очевиднымъ свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ важныхъ произшествіяхъ, имъ описываемыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, довольно одного обстоятельство, чтобы доказать превосходство древнихъ исторій передъ новыми : послѣднія обыкновенно сочиняются людьми сидячими, не имѣющими никакого познанія о свѣпѣ, о дѣлахъ военныхъ и политикѣ ; вмѣсто того, что первыя писаны Министрами, военачальниками и самими Государями. Правда, мы имѣемъ историческія записки, сочиненныя людьми, нѣкоторымъ образомъ участвовавшими въ повѣстваемыхъ произшествіяхъ ; а особливо Французы могутъ похвалиться ими. Но кто спанетъ сравнивать ихъ съ описаніемъ

отступленія десяти тысячъ человекъ, надъ которыми самъ Историкъ Ксенофонъ начальствовалъ, съ изображеніемъ войны съ Галлами, которое начерпалъ Цезарь, съ драгоценными отрывками Полибія? О! когда бы наши Министры и Генералы читали со вниманіемъ ихъ сочиненія! когда бы пославили для себя священнымъ долгомъ подражать ихъ слогу и поведенію! Разсужденія Макіавелевы могутъ ли сравниться съ Тацитовыми въ тонкости и глубокомысліи? Препреды Историка Де-Турквильею ли такую значительность, такую силу, какими отличаются Плутарховы и Саллюстіевы? Повѣствованія Давилы исполнены ли тѣмъ огнемъ, тою живостию, дышатъ ли тою любовію къ свободѣ и добродѣтели, какія видимъ въ твореніяхъ Геродота и Тита-Ливія?

Не станемъ разспрашивать о превосходствѣ древняго Зодчества передъ нынѣшнимъ, и потому что никто не противурѣчилъ сему мнѣнію, и для того, что неоспоримымъ доказательствомъ служатъ тому пышныя развалины амфитеатровъ, водоводовъ, торжественныхъ воротъ и столповъ, которыми не перестаемъ удивляться, хотя подражать имъ не спаремся. Должно замѣнить, что Зодчество въ новѣйшія времена ни однимъ шагомъ не

приблизилось къ совершенству ; въѣ наши зданія , оипличающіяся точностію въ со-размѣрности , построены по правиламъ пяти орденовъ древнихъ , къ которымъ умъ человѣческой до сихъ поръ не могъ прибавить шестаго , равнаго имъ въ проч-ности и прѣятности .

И такъ , мы видѣли , что Древніе , а особливо Греки , во всемъ насъ превосходили . Не навлекая на себя упрековъ въ несправедливости , кажется , преимущества сіи можно приписать : дѣйствію климата , способствовавшаго образованію тѣлъ , болѣе способныхъ къ принятію нѣжныхъ впечатлѣній ; языку гармоническому , сильному и богатому ; почестямъ , наградамъ и побужденіямъ , которыми общество осыпало людей , упражняющихся въ искусствахъ и Словесности ; соревнованію , которое спарались возбуждать въ молодыхъ Артистахъ , дозволяя имъ выставять произведенія свои на играхъ предъ собраніемъ народа ; неуваженіе руководѣлій , служащихъ къ разпространенію роскоши , изобрѣпаемыхъ для насыщенія жаднаго корысполубія , руководѣлій , унижающихъ вѣкъ нашъ , подавляющихъ умственные способности ; — но ничѣмъ сколько не объясняется наше несовершенство , какъ печальною необходимостію обременять естественныя способ-

ности наши такъ называемою эрудиціею , занимають ихъ изученіемъ языковъ — условія, которыя неизвѣстны были Древнимъ , и которыя мы непременно исполняемъ обязаны , если хотимъ писать достойное членіе.

Вольперъ сказалъ , съ свойственною ему живостию : „Мы не увидимъ болѣе тѣхъ временъ , когда Рошфуко выходилъ отъ Паскаля или отъ Арно , и сѣшалъ на Театръ Корнелевъ.“ Сіе изреченіе еще приличнѣе можно употребить , говоря о Древнихъ : „Никогда не возвратится то время , когда Периклъ гулялъ вмѣстѣ съ Платономъ подъ портикомъ , поспрошеннымъ трудами Фидіаса и разписаннымъ кистию Апелла , попомъ шелъ слушать судебное Слово Димосееново , или смотрѣлъ Софоклову Трагедію (*).“

Теперь разсмотримъ вторую часть мнѣнія Аддиссонова , то есть , что мы превосходимъ Древнихъ во всѣхъ искусствахъ

(*) Здѣсь Авторъ не сохранилъ хронологическаго порядка. Периклъ не былъ современникомъ ни Платона , ни Апелла , ни Димосеена. Вмѣсто Платона приличнѣе сказать Сократа , вмѣсто Апелла — Полигноша ; что касается до краснорѣчія , то самъ Периклъ немногихъ имѣлъ соперниковъ.

въ родѣ *забавныхъ* сочиненій, и покажемъ причины сего превосходства.

Комедія, Сатира и шуточныя сочиненія составяютъ три главныя отрасли рода *забавнаго*; прежде сравнимъ между собою лучшія сочиненія Древнихъ и новыхъ, въ сихъ трехъ родахъ писанныя, чтобы можно было справедливо хвалить или оуждать, смотря по достоинству или недоспапкамъ, копорыми они отличаются.

Аристофанъ писалъ для угожденія толпѣ народной, писалъ въ такое время, когда своевольство Афинянъ не имѣло предѣловъ; отъ того шушки его грубы, характеры принужденны, сумазбродны и столько же удалены отъ истины, какъ чудовищныя Калшовы каррикатуры. Грубая, ствррапительная неблагоприспоспность занимаетъ у него мѣсто тонкой въжли-воспи; зная, что народъ любитъ насмѣшки на правителей, онъ безспыдно разпочалъ самыя жестокія клеветы на счепъ особъ знаменитѣйшихъ и самыхъ добродѣтельныхъ. Неровность въ его слоге надлежитъ приписать тому, что онъ часто позволялъ себѣ дѣлать умысленныя подражанія Ссфоклу и Эврипиду. Впрочемъ извѣспно, что онъ изобилуетъ остроумными изреченіями, относящимися до тогдашняго положенія дѣлъ государспвенныхъ въ

Афинахъ, и болѣе заслуживаетъ уваженія въ качествѣ политическаго Сапирика, нежели какъ Пэпъ Комическій.

Плавтъ природное дарованіе свое забавлялъ оригинальнымъ остроуміемъ обезобразилъ низкими, площадными шуутками. Кажется, что ни одинъ Авторъ не получилъ отъ Nature Генія столь обильнаго и рѣшительной склонности къ Комедіи. Онъ давалъ характерамъ удивительную значительность; ему одолжены мы первымъ *Скулымъ* и характеромъ храбреца *Оразона*, коимъ въ послѣдствіи времени Римляне много разъ выводили на сцену. Не смотря на то, въ Комедіяхъ его любовь превращается въ распустиство; грубыя шуутки его и несносная наглость могли бы только нравиться черни Ромуловой; въ немъ вездѣ видны примѣры остроумія истинной и ложной, даже эпиграммы и каланбуры. Плавтъ жилъ въ такое время, когда Римляне едва только имѣли начальныя понятія о свѣтской вѣжливости; можно думать, что, живучи въ вѣкъ Августовъ, онъ написалъ бы Комедіи совершеннѣйшія тѣхъ, которыми славится искусный ученикъ Менандра.

Талантъ Теренціевъ отличаетъ нѣжностью, пріятностью, исправностью. Его

картины благопристойны (*) и всегда выразительны; но характеры сходны между собою: всѣ они изображены общими чертами и не имѣютъ въ себѣ тѣхъ значительныхъ подробностей, которыми отличаетъ одинъ человекъ отъ другаго. Не смотря на многосложность въ планахъ, постороннія обстоятельствова всегда единообразны и отъ того всегда скучны. Надобно еще прибавить къ тому, что Теренцій не умѣлъ къ счасту употреблять монологи.

Симъ премъ знаменитымъ Комикамъ древности осмѣлюсь противупоставить одного временъ новѣйшихъ — неподражаемаго Мольера, Автора глубочайшаго, какимъ только вѣки древніе и новѣйшіе могутъ похвалиться. Не ограничивая себя изображеніемъ характеровъ извѣстныхъ и общихъ, онъ съ великимъ прилѣжаніемъ вникалъ въ натуру человека, наблюдалъ безчисленные переменны его сердца, умѣлъ замѣтить ошпѣнки самыя легкія и съ помощію своего искусства сдѣлать ихъ значи-

(*) Можетъ быть, такими казались Римскому партнеру. По крайней мѣрѣ извѣстно, что, не говоря о другихъ Комедіяхъ, на примѣръ въ *Евнухѣ* есть монологи и сцены, которыхъ строгой Моралистъ не сочтетъ благопристойными. *Изд.*

пелными; отъ того портреты его всегда сходны съ подлинниками, не смотря на то, что имъ дана новая физиогномія. Тартюфъ и Мизантропъ суть характеры необыкновенные, и со всѣмъ тѣмъ представлены въ возможнѣйшей степени драматическаго совершенства; характеръ *Скулаго* превосходитъ все, что ни было написано въ семъ родѣ. Кажется, что Мольеръ достигъ до истинной цѣли Комедіи, которая состоитъ въ изображеніи характера, необыкновеннаго и образцоваго, посредствомъ введенія многихъ обстоятельствъ, способствующихъ къ обнаруженію странности того характера. Всѣ подробности въ Комедіи *Мизантропъ* клонятся къ тому, чтобы показать нравъ странный и мрачный драматическаго героя; всѣ подробности въ *Тартюфѣ* вымышлены для того, чтобы выставить плутовство коварнаго лицемера. Надобно признаться, что изъ всѣхъ Англійскихъ Писателей нѣтъ равнаго Мольеру; однакожъ не лзя не сказать, что *Фальсифъ* и *Своеобычный* суть характеры удивительные, выдержанные и изображенные съ отличнымъ искусствомъ. Шакеспиръ всѣ послѣднія обстоятельства разсложилъ такимъ образомъ, чтобы какъ можно лучше обнаружить обжорство, безстыдство и хвастовство всего

героя; Джонсонъ съ такимъ же искусствомъ представилъ характеръ своенравнаго чудака, копорой не можетъ терпѣть ни малѣйшаго шума.

Скажемъ рѣшительно, что драматическія лица Конгревовы не представляюотъ характеровъ значительныхъ, натуральныхъ, сильныхъ. Его пѣсы весьма далеки отъ правильныхъ Комедій и болѣе походятъ на остроумные разговоры, въ копорыхъ вездѣ блиспаептъ огонь воображенія, вездѣ видѣнъ вкусъ — и вездѣ не у мѣста. Лица въпренниковъ, обыкновенно представляемыя на Англійскомъ театрѣ, дѣлаютъ то, что всѣ наши лучшія Комедіи похожи одна на другую; а въ нашемъ отечествѣ, гдѣ каждой живептъ, слѣдуя своимъ склонностямъ, конечно нѣтъ недостатка въ оригиналахъ. Желательнотолько, чтобы наши Авторы прилѣжно занимались изученіемъ Напуры и спарались надъ усовершенствованіемъ Комедіи, копорая, Богъ знаетъ по чему, до сихъ поръ оставалась въ небреженіи.

Присупивъ къ разсмотрѣнію древнихъ Сатириковъ, мы безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій должны Боало и Попе предпочестъ Горацію и Ювеналу. Стрѣлы, бросаемаыя первыми, шѣмъ болѣе колки и ядовиты, чѣмъ менѣе грубы и безстыдны.

Весьма странное дѣло, что оба Римскіе Поэты, учители благонравія, изпребили ели пороковъ, позволили себѣ писать сіюль неблагоприспойно; самъ Горацій, оспроумный и пріятный Горацій иногда унижся до слога подлаго и опврапительнаго, какииъ, на примѣрѣ, начинаенся седмая Сапиря первой книги. Но Боало и Попе украсили свои сапиры поясомъ Венеры; насмѣшки ихъ, покрытыя завѣсою благоприспойности, никого явно не поражающъ; напрощивъ того Поэты Римскіе нападающъ прямо на лица (*). Десятая Сапиря Боалова на женщинъ гораздо ядовитѣе, но за то болѣе пріятна и благоприспойна, нежели шестая Ювеналова тогожъ содержанія; а посланіе Попе къ Г-жѣ Блоуннѣ превосходнѣе обѣ оспрошюю и благоразумною оспорожностію, съ которыми Авторъ нападаетъ на женскія слабости. Надобно прибавить, что Попе въ подражаніи Горацію, а Джонсонъ Ювеналу превзошли образцы свои и соблюденіемъ правилъ благоприспойности и колкостію насмѣшки. На-

(*) Боало не писалъ Сапирѣ на лица; но въ сочиненіяхъ своихъ иногда не щадилъ людей, которые не нравились ему. Котень, Шепелень, даже Кино испытали на себѣ колкостъ стрѣлъ его. *Изд.*

конецъ ни одно изъ остроумнѣйшихъ сочиненій Древнихъ не можетъ почестъся на ряду съ Боаловымъ *Налоемъ*, съ *Dispenfary* Доктора Гарна, съ *Похищеннымъ локономъ* и *Дунсїадою* Попе. Сїи забавныя сочиненія, имѣя видъ эпгеи, отличаются особеннымъ достоинствомъ и прїятностію, которыя не могутъ имѣть мѣста въ Сатиры, гдѣ Поэтъ говоритъ о себѣ своего лица, и которыя Древнимъ были совсѣмъ неизвѣстны. Война мышей съ лягушками, Гомеромъ воспѣтая, не должна почищаться образцомъ сихъ мастерскихъ произведеній.

Лукіанъ умѣлъ шутишь съ большимъ искусствомъ, нежели всѣ Древніе; но всякой согласился, что въ *Гулливеровыхъ* путешествіяхъ гораздо болѣе остроумы, нежели въ сочиненіяхъ Лукіановыхъ, не смотря на то, что они суть подражаніе его *Справедливой исторіи*. Лукіанъ начинаетъ увѣдомленіемъ своихъ читателей о томъ, что онъ шутишь, и что имѣетъ намѣреніе позабавиться на счетъ нѣкоторыхъ невѣроятныхъ сказаній Кипезіаса и Геродота; безъ сомнѣнія, такой приступъ ослабляетъ критику и удаляетъ ее отъ цѣли. Его такъ называемая *Справедливая исторія* представляетъ лица и обстоятельства неестественныя, чудовищныя и вздорныя; напротивъ того *Гулливеръ* имѣетъ полезную

щѣль ; въ карлахъ и великанахъ чашпель, открываетъ наставленія политическія или нравственныя. Равнымъ образомъ одинъ изъ Лукіановыхъ разговоровъ, подъ названіемъ: Харонъ, подалъ мысль къ сочиненію: *Хромоногого бѣса*; но Французской Авторъ превзошелъ образецъ свой и пестрою характеромъ, и остроумными замѣчаніями и описаніемъ любопытныхъ приключеній. Если сдѣлать сравненіе между Лукіаномъ и Сервантомъ, Древній долженъ упасть первенство новѣйшему; вся игра шутокъ Лукіановыхъ состоитъ въ томъ, что онъ боговъ своихъ и Философовъ заставляетъ говорить площаднымъ языкомъ; Сервантъ забавенъ своимъ важнымъ, торжественнымъ тономъ, рассказывая о вещахъ смѣшныхъ и мало значущихъ, а это гораздо сильнѣе, разительнѣе. Словомъ, *Донъ Кишотъ*, *Гудибрасъ*, *Splendid shilling*, *Приключенія Жилблаза*, *Повѣсть о богѣ* и *Повтореніе*; суть такія произведенія веселаго ума, съ которыми никакое сочиненіе Древнихъ не можетъ сравниться въ семъ родѣ.

Оеофрастъ долженъ уступить пальму Лабрюйеру въ знаніи человеческого сердца; Аэиняне не имѣли ни одного Писателя, копорой отличался бы такимъ даромъ шутишь тонко и остроумно, какъ имѣетъ обладать Аддисонъ, или копорой умѣетъ

бы представлять характеры такъ естественно и забавно, какъ Сиръ Рожеръ Коверлей. Надлежитъ однакожъ признаться, что шуточныя сочиненія, писанныя въ глубокой древности на языкѣ мертвомъ для насъ, должны терять многія красоты свои предъ глазами нынѣшняго читателя, коимъ не можеть хорошо знать нравовъ и обычаевъ временъ отдаленныхъ; но грубость и невѣжливость Древнихъ ясно доказываются сочиненіями самыхъ Кришиковъ, на примѣръ, Цицерона и Квинтилиана, которые шутя надъ безобразіемъ и тѣлесными недоспелками, почиая ихъ предметами способными забавлять читателей.

Теперь если спросятъ у насъ, чему должно приписать то, что мы превзошли Древнихъ во всѣхъ родахъ шуточныхъ сочиненій; отвѣчаю: усовершенствованію общежитія. Великіе Геніи Греціи и Рима образовались подъ вліяніемъ правленія республиканскаго; если справедливо, какъ Лонгинъ утверждаетъ, что Республика была колыбелью умственной выспренности (sublime), не менѣе истинно и то, что въ Монархіяхъ родились учтивство, пріятность въ словахъ и поступкахъ. Вѣжливость и благоприсойность въ обращеніи, сближая людей, открываютъ многіе

способы замѣчать недоспашки и погрѣшности, кошорыя служатъ поводомъ къ забавнымъ шуткамъ. Въ швореніяхъ Древнихъ видно болѣе важности и свободы; въ нынѣшнихъ — болѣе роскоши и оспроумія.

II.

Анекдоты изъ жизни Вильгельма I, Короля Прусскаго.

Вильгельмъ I, отецъ Фридерика Великаго, отличался своимъ прихотливымъ и страннымъ характеромъ, своею грубостію и жестокостію. Онъ попчивалъ ударами проси всѣхъ безъ изъятія. Въ одинъ день, обучая войско и разсердясь за неисправное исполненіе команды, онъ подсккалъ къ Майору, начальствовавшему надъ баталіономъ, и въ присупсивіи всего фрунша ударилъ его нѣскольکو разъ проспью. Храбрый Офицеръ, пожилой и уважаемой всею арміею, слѣдуетъ за Королемъ, остановляется передъ нимъ средн параднаго мѣста и, вынувъ изъ сѣдла писполетны, говоритъ: „Ваше Величество меня обезчестили; мнѣ нужно удовлетвореніе.“ Въ сію минушу стрѣляетъ изъ одного писполета надъ головою Короля на

воздухъ, сказавъ : „это для васъ.“ Потомъ приспавивъ другой пистолетъ къ своему лбу, говоритъ : „а это для меня,“ и спускаетъ роковой курокъ. Увѣряютъ, что съ тѣхъ поръ Вильгельмъ переспалъ битъ офицеровъ ; за то другіе слишкомъ много терпѣли отъ его вспыльчивости.

Каждой боялся встрѣчаться съ Королемъ на улицѣ, потому что всѣхъ поселянъ и городскихъ жителей, которые попадались ему въ рабочіе дни, не въ праздники, онъ ругалъ и безъ милосердія билъ палкою, приговаривая, что въ Воскресенье только позволяется отдыхать и прохаживаться. Всякаго молодого человека, повстрѣчавшагося съ нимъ на дорогѣ, годнаго въ службу, онъ отсылалъ въ полкъ и записывалъ въ солдаты ; отъ того всѣ старались прятаться отъ Вильгельма, и улицы, по которымъ онъ проходилъ, всегда были пусты.

Въ одну субботу, гуляя въ саду своемъ въ Шарлоттенбургѣ, онъ увидѣлъ двоихъ молодыхъ мѣщанскихъ дѣвушекъ и, подозвавъ къ себѣ, вступилъ въ разговоръ съ ними. По несчастію, одна изъ нихъ повторила два или три раза, что садъ Шарлоттенбургскій *charmant* (прелестенъ) — слово, занятое Нѣмцами у Французовъ, котораго Вильгельмъ не могъ слы-

мань безъ отвращенія и ужаса. „Какъ! въ субботу прохаживаться! гсворить *charmant*! Это ясно показываетъ, что вы дѣвки непопробныя!“ и въ шужь минушу, подозвавъ къ себѣ Офицера, приказалъ отпавить бѣдныхъ дѣвушекъ въ крѣпость Шпандау.

Между тѣмъ, ввечеру Придворные отважились завести рѣчь о заключенныхъ, и разными хитростями старались захопить Короля обспояпельно выправиться о причинахъ, заставляющихъ употреблять въ разговорѣ слово *charmant*, и узнать, подлинно ли съ худымъ намѣреніемъ это дѣлаютъ. Вильгельмъ сперва не хотѣлъ ничего слушать; потомъ, не отвѣчая на предспавленія ни слова, приказалъ развѣдать о дѣвушкахъ, и услышалъ, что онѣ дочери честныхъ людей, что до сихъ поръ вели себя очень благоприсшойно, и что родители ихъ крайне опечалены случившимся произшествіемъ. На другой день онѣ призываютъ къ себѣ дѣвушекъ, даритъ каждой по 500 рейхсталеровъ, обѣщая равнымъ образомъ наградить ихъ въ день свадьбы, и давъ имъ наспавленіе, чтобы впредъ прогуливались не иначе, какъ въ Воскресные дни, и какъ можно береглись бы употреблять слово *charmant*, которое неприлично говорить честнымъ

дѣвушкамъ , отпустилъ домой. Сей поступокъ доказываетъ , что Вильгельмъ , при всей грубости своей , былъ иногда добръ. Еще лучше можно видѣть это изъ того , что Вильгельмъ сдѣлалъ для молодого , несчастнымъ образомъ разорившагося купца , по имени Дауне , которому онъ пожаловалъ пристра тысячь талеровъ , чтобы спасти его отъ неумышленного банкротства. Такое великодушное Вильгельма тѣмъ доспойнѣ примѣчанія , что онъ былъ скупъ до невѣроятности.

Сей Государь всегда изъявлялъ крайнее негодованіе , когда рассказывали ему о Парижской роскоши. Однажды , желая осмѣлить бывшій тогда въ модѣ гулянья на бульварахъ , онъ скрыпнымъ образомъ разослалъ половину солдатъ всего гарнизона въ окружныя селенія , приказавъ имъ пригнать въ Понсдамъ какъ можно болѣе пелегъ крестьянскихъ , копорыя велѣлъ въ надлежащемъ порядкѣ нѣсколько разъ обвезти вокругъ канала , а между тѣмъ послалъ за своими Придворными , совсѣмъ не знавшими о приготавливаемомъ для нихъ зрѣлищѣ. „Посмотрите!“ говорилъ имъ Вильгельмъ съ дикою улыбкою , указывая на торжественной поѣздъ : „вашъ мой бульваръ!“

За обѣдомъ у одного изъ Генераловъ понравилась Вильгельму вещьчина; прѣѣхавъ домой, онъ тотчасъ приказалъ поварамъ своимъ выучиться готовить се вкусное блюдо. Но когда доложили ему, что для обливки окорока потребно пятнадцать бутылокъ Шампаньскаго вина, которое онъ хранилъ въ погребѣ за своимъ ключемъ, то Король отвѣчалъ, что вина не опустышитъ, и въ то же время объявилъ Генералу: „когда захочешся мнѣ полакомиться хорошою вещьчиною, ожидай меня къ себѣ въ гости.“

Нѣкогда захотѣлось ему знать, о чѣмъ Шампаньское вино пѣнится; ему совѣтовали сдѣлать объ этомъ запросъ Академіи. „Въ самомъ дѣлѣ“ сказалъ Король: соборище Ученыхъ, которое впрочемъ ни къ чему не годится мнѣ, можетъ по крайней мѣрѣ это разполковать,“ — и велѣлъ приготовить бумагу. Академія, давно уже недовольная тѣмъ, что оставили ее въ небреженіи, а нынѣ оскорбленная случаемъ, по которому вспомнили о ней, желая какъ нибудь избавиться отъ скучнаго объясненія, донесла Королю, что для рѣшенія сей задачи потребно шестьдесятъ бутылокъ Шампаньскаго вина. Король оставилъ се дѣло безъ вниманія и никогда уже болѣе не вспоминалъ объ Академіи, которая была въ совершенномъ забвеніи даже до

возшествія на престолъ Королевскій Фридриха Великаго.

Принцъ Генрихъ сберегъ картину, дурно написанную, но довольно вѣрно представляющую внутренность *табачной комнаты* Вильгельмовой съ изображеніемъ лицъ обыкновенныхъ его собесѣдниковъ. Одинъ столъ и нѣсколько еловыхъ стульевъ составляли все украшеніе сей комнаты, находившейся на берегу рѣки Шпре; тамъ Вильгельмъ проводилъ вечера въ куреніи табаку, за кружкою пива бесѣдуя съ любимицами своими о дневныхъ новостяхъ. Въ одинъ вечеръ онъ рассказывалъ, что сильно хотѣлся ему поколотить какого-то Священника, но опасеніе податъ народу соблазнительной примѣръ удержало его отъ сего намѣренія. „Я прохаживался, говорилъ онъ, съ Генераломъ Н. Н.; на дорогѣ попался намъ Священникъ, который, остановясь подъ деревомъ, ожидалъ, пока мы пройдемъ мимо. Я говорю своему спутнику: посмотри, какъ я приспыжу этого человека, и въ то же время подошедши къ Священнику, и смотря на него приспально, спрашиваю: читалъ ли ты Мольерова *Тартюфа*? Негодяй отвѣчалъ мнѣ съ безстыднымъ лицемѣріемъ: „читалъ, Ваше Величество, и *Скулаго*.“ Я хотѣлъ-было поднять просить и наказати бездѣльника,

но увидѣвъ близко находящихся людей, едва имѣлъ силу удержаться.

Вильгельмъ не цѣнялся художесіями; не смотря на то, онъ отлично уважалъ собственннй, менѣе нежели посредственннй, талантъ въ живописномъ искусствѣ и хвастался картинами своей работы; разумѣлся, что зрители обязаны были удивляться. „Чего спросишь по твоему мнѣнію эта картина?“ спросилъ онъ нѣкогда одного изъ своихъ Придворныхъ, которой восхищался его мастерскими произведеніями. — Ста червонцевъ, по крайней мѣрѣ. — „Вижу, что ты знапокъ въ живописи, и желая доставить тебѣ удовольствіе, отдаю тебѣ картину за пятьдесятъ червонцевъ.“ Бѣдной Придворной, которой долженъ былъ взять ученическое руководство и заплатить пребуемую сумму, обѣщался самъ себѣ впредь быть въ похвалахъ осторожнѣе.

(Изъ Cour. de Londre.)

III.

О книжной цензурѣ въ Россіи.

Кришика ученая и безпачетливая, высказывая погрѣшности сочиненій, удерживаетъ неопытныхъ людей отъ смѣлыхъ

предпріятій ; цензура , налагая узду на дерзость и буйство , изкореняетъ зло при самомъ его началѣ. Истинный талантъ не боится критики ; Писатель благонамѣренный уважаетъ повеленія мудраго Правительсва и благоговѣетъ въ душѣ своей передъ спасительными узаконеніями , которыми ни мало не стѣсняется свобода мысли и писанія , и которыя суть не что иное , какъ только необходимыя мѣры , принятыя противъ злоупотребленія сей свободы (*). Для чего нужны книги ? Умъ и дарованія образуются подъ руководствомъ содержащихся въ нихъ полезныхъ правилъ и наставленій ; сынъ церкви и опечесива очерпаетъ изъ книгъ понятія о своихъ обязанностяхъ ; гражданинъ узнаетъ изъ нихъ права свои ; человека онъ научаютъ чувствовать цѣну его достоинства , и иногда въ часы свободныя доставляютъ ему пріятное занятіе. Но всякая ли книга соответствуетъ симъ важнымъ назначеніямъ ? Волеперъ хотѣлъ , чтобы дозволено было писать все безъ изъятія , утверждая , что благо и спокойствіе общества не зависятъ отъ напечатанной книги.

(*) См. Высочайше утвержденный въ 9 й день Юля прошлаго 1804 го. года докладъ отъ Министра Народнаго Просвѣщенія.

Поспѣдной для челоѵчества примѣръ неисповыхъ революцій доказалъ неосновательность Вольперова мнѣнїя. Появленїе дерзкихъ сочиненїй, сопровождаемое всеобщимъ одобренїемъ, означаетъ послѣднюю степень развращенїя и необузданности, до которой Государство достигаетъ. Еслибъ всѣ верховныя Власти заблаговременно преклїсь о доставленїи обществу книгъ, способствующихъ къ истинному просвѣщенїю ума и къ образованїю нравовъ, еслибъ онѣ удаляли сочиненїя, противныя сему намѣренїю (*); то Французы не посрамили бы своего имени предъ лицомъ свѣта и потомства, не обогрили бы рукъ своихъ кровїю законнаго своего Государя, не пресмыкались бы у ногъ хитраго чужестранца. Нынѣшнїе законодатели Французскаго Парнасса (**), усмрашенные плачевными слѣдствїями легкомыслїя своихъ соотечественниковъ, принимающѣ крайнїя мѣры, совершенно противоположныя первымъ, то есть, выдравшись изъ одной пропасти, низвергаются въ другую; они теперь выхваляющѣ блаженное состоянїе невѣжества и скорыми шагами обратно опспупающѣ

(*) Уставъ о Цензурѣ. Ст. 2 я.

(**) Аббатъ Жофроа, Издатели Французскаго Меркурїя, и проч.

къ чепырнадцатому вѣку. Южная Германія и всѣ Италіянскія Государства, по долгу зависимости отъ Франціи и соображаясь съ модою лицемѣрной набожности, господствующей при Дворѣ Наполеоновомъ, шествуютъ по слѣдамъ своей пупеводительницы. Въ Испаніи пламенники святой Инквизиціи изпребляютъ шворенія великихъ Геніевъ, писанныя для безсмертія, для пользы и славы человѣческаго рода. Въ Австріи запрещенъ ввозъ *всѣхъ* иностранныхъ сочиненій. Въ то время, когда въ южной Европѣ воздвигаютъ олтари невѣжеству, въ любезномъ Опечесствѣ нашемъ законы всячески ободряютъ успѣхи просвѣщенія, охраняя *вѣру, святость власти, нравственность и личную честь гражданина* (*). И кто не чувствуетъ, сколь драгоценны сіи залоговья благоденствія общественнаго и частнаго? Какой здравомыслящій гражданинъ предпочтетъ имъ произведеніе ума буйнаго и спроптиватаго, прикрашенное ложнымъ блескомъ мнимаго краснорѣчія, мгновенно исчезающимъ при свѣтильникѣ здравой Логикѣ?

Никогда не были взяты мѣры лучшія и надежнѣйшія для успѣховъ народнаго просвѣщенія; никогда Правительство столь-

(*) Уставъ о Цензурѣ. Ст. 16 л.

ко не пеклось о томъ, чтобы волю свою сдѣлать извѣстною всѣмъ гражданамъ. „Цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій, или мѣстъ въ оныхъ, копорыя по какимъ-либо мнѣніямъ притинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двойкій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше изтолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать (*).“ Какое поощреніе для зрѣющаго таланта! какая твердая подпора для Писателя опытнаго, копорой предпринимаетъ подвигъ важный и многотрудный! **ЕКАТЕРИНА** Великая начертала вѣрное средство осчастливить людей. Если хочете сдѣлать народъ благополучнымъ, говоритъ безсмертная Законодательница къ органамъ народа, разпространите просвѣщеніе въ Государствѣ. Человѣколюбивый **АЛЕКСАНДРЪ**, довершающій великія предпріятія Своей Прародительницы, желаетъ и пребуетъ, чтобы скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до Вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія,

(*) Тамъ же. Ст. 21 я.

законоположенія , управленія Государственнаго , или какой бы то ни было опрасли Правленія , не только не подлежало и самой умѣренной строгости Цензуры , но пользовалось бы совершенною свободою писанія , возвышающею успѣхи просвѣщенія (*). Если всѣ члены общества будутъ выполнятъ съ такою правою и ревностію священныи долгъ свой , съ какою мудросію Августѣйшій Обладатель Сѣвера предписываетъ спасительныя средства для истиннаго просвѣщенія , и слѣдственно для истиннаго счастья , своего народа ; то еще нѣсколько лѣтъ — и поле Россійской словесности обогатится памятниками изящнаго вкуса и учености.

 IV.

Письмо Г-на Коцебу изъ Портити (*)

Къ сожалѣнію , теперь находится здѣсь мало достопамятностей , потому что всѣ

(*) Тамъ же. Ст. 22 я.

(**) Извѣстіе объ арестованіи Г на Коцебу оказалось несправедливымъ ; оно было напечатано въ Парижскомъ Журналѣ , и повторено во многихъ періодическихъ сочиненіяхъ. *Изд.*

вещи, заслуживающія особенное вниманіе, отвезены въ Палермо, гдѣ онѣ, по благо-разумной предосторожности, заключены въ пятидесяти двухъ ящикахъ, и будутъ храниться до тѣхъ поръ, пока всепожирающая Французская лава охладѣетъ. Не смотря на то, все оставшееся здѣсь доспойно любопытства. Кію равнодушно можетъ смотреѣть на вещи, пережившія шеснадцатъ столѣтій! Здѣсь видятъ хлѣбъ, рожь, тѣсто, которое только что надлежало положить въ печь; мыло, которымъ, кажется, сей часъ умывались; тамъ винныя ягоды, сладкіе рожки, даже яичная скорлупа, бѣлая, свѣжая, и какъ будто въ сію минуту брошенная руками повара; въ другомъ мѣстѣ лежатъ пироги со всѣми своими принадлежностями; на очагѣ стоятъ горшки и треножникъ, въ углу на спержнѣ — игонь; на стѣнахъ висятъ коспрюли, щипцы и уполовникъ; вѣсы, молотки, косы и земледѣльческіе приборы, шлемы и оружія, жертвенныя чаши и ножи; множество искусно сдѣланныхъ стеклянныхъ стакановъ и флягъ, большихъ и малыхъ; лампы, вазы, комнатныя уборы; кусокъ сукна, сѣпи, даже пуфли, разные женскіе наряды, ожерелья, серьги, кольца, наконецъ деревянная, вѣроятно въ уголь превратившаяся-

ся, шахматная доска. Всѣ сіи вещи болѣе или менѣе изпорчены опѣ огня, однакожъ при первомъ взглядѣ не трудно распознать ихъ. Металлъ сохранился отъ поврежденія. Всѣ комнаты Музеума выстланы или мозаическимъ поломомъ изъ Помпеи, или мраморомъ изъ Геркулана. Спальни, водометы, сосуды, грудныя изваянія, подсвѣчники, жерпвенники и столы, сдѣланные изъ мрамора и бронзы, находятся въ такомъ соспояніи, какъ будто вчера вышли изъ рукъ художника. Шкафы наполнены множествомъ монетъ. Мнѣ показались очень странными комнатныя уборы Древнихъ. Къ потолку привѣшивали на тонкихъ бронзовыхъ цѣпяхъ круглыя мраморныя медальоны, почти такіе же образомъ, какъ нынѣ люстры или кашки съ спицами. Медальоны сіи украшены съ обѣихъ сторонъ выпуклою рѣзною работою, которая показалась мнѣ не очень искусною. Они висѣли такъ низко, что можно было доставать ихъ руками и разсматривать обѣ стороны. Не хочу утвердительно говорить о томъ, какое дѣйствіе можетъ произвести подобное украшеніе; но если всѣ найденныя медальоны висѣли, переплещишись между собою, въ одной комнатѣ, то видъ ихъ долженъ бытъ очень непріятенъ. — Извѣстно,

что многія картины въ Геркуланѣ, Помпеѣ и Стабіѣ отдѣлены отъ стѣнъ, перенесены въ Музеумъ и разсѣяны по комнатамъ. Не могу сказать, чтобы выборъ былъ удаченъ; многія изъ нихъ всѣмъ сперлись, а прочія довольно дурны. Кажется, что старались только наполнить комнаты числомъ картинъ, не думая о выборѣ; крайне упоминательно пересматривать всѣ сіи живописныя произведенія, между тѣмъ, какъ довольно было бы взглянуть на двадцатую часть изъ нихъ, чтобы имѣть понятіе о прочихъ. Легко можетъ статься, что пачканья, которыми Римскіе солдаты въ Помпеѣ украшали стѣны казармъ своихъ (какъ и теперь видимъ во многихъ училищахъ), сочпены картинами, съ великимъ трудомъ отдѣлены отъ стѣнъ и перенесены въ Музеумъ. — — Надгробные камни, надписи, цѣсперны, столпы, спашуи, словомъ, все, что не могло помѣститься въ Музеумъ, отпослано во Дворецъ Королевскій. На срединѣ спойнѣ бронзовая лошадь; изъ новой надписи видно, что ихъ было прежде четыре. Гораздо было бы лучше никому не объявлять о сей упрямѣ, произшедшей отъ нерадѣнія правительсва, которсе не старалось сохранить драгоцѣнность отъ разхищенія и не прежде обратило внима-

ніе на четвертую лошадь, какъ въ то время, когда уже трехъ не спало.

Въ Музеумѣ Дворца Порпици болѣе всего заслуживаютъ вниманіе древнія рукописи, найденныя въ двухъ комнатахъ одного дома въ Геркуланѣ. Не смотря на то, что много было писано о сихъ драгоценностяхъ, едва ли можно имѣть о нихъ доспачточное понятіе тому, кто не могъ ихъ видѣть. Онѣ наружноспію своею походятъ на превратившіеся въ уголь и часпію окаменѣлые деревянные опрубки; имѣютъ цвѣтъ черной и темнокашпано-вой, храняпся во многихъ спеклянныхъ шкафахъ, и такъ не крѣпки, что опъ малѣйшаго прикосновенія крошатся. Подъ каждою изъ нихъ лежалъ множеспво пыли и часпицъ опдѣлившихся. Онѣ свернупы по обыкновенію Древнихъ; вѣроятно, что сыроспъ очень повредила ихъ. Судя по обстоятельствамъ, надлежало бы почипачъ невозможнымъ опкрыть въ нихъ и одну букву; но если что нибудъ невозможное для ума и прилѣжанія? Любопытспво, на-влѣдспвенный грѣхъ чело-вѣка, дѣлаетъ его изобрѣпателемъ оспроумнымъ и чудеснымъ. Едва ли могу ясно описачъ машину, служащую для разверпыванія рукописей. Она, по наружному виду своему,

уподобляется спанку, на которомъ переплетаются обыкновенныя наши книги. Два шнура, прикрепленные вверху четырьмя концами, поддерживаютъ на небольшомъ количестве хлопчатой бумаги лежащую рукопись, такъ какъ театральныя занавѣсы поддерживаются веревками. Къ наружной сторонѣ рукописи посредствомъ кисти съ крайнею осторожностію прикладываются маленькіе лоскутки листового золота, личнымъ бѣлкомъ намазанные, для того, чтобы можно было безопасно прикасаться; потомъ къ сему мѣсту прикрепляются шелковыя нитки, которыя вверху подлѣ шнурковъ наворачиваются на гвоздь, подобно струнамъ на скрипкѣ. Когда трудящійся облѣпитъ золотомъ рукопись тамъ, гдѣ почтѣе нужнымъ и удобнымъ, и какъ можно осторожно съ помощію заоспренной палочки отдѣлитъ первой листъ; въ то время поворачиваетъ кругомъ гвоздь и остается очень довольнымъ, если удастся ему развернуть такимъ образомъ на четверть дюйма; потомъ работа опять снова начинается. Не думайте, чтобы сія, съ великимъ трудомъ отдѣленная часть, имѣла гладкую поверхность; совсѣмъ нѣтъ! — она похожа на трутъ, приготовленный изъ пряжицы. Наконецъ, снявши цѣлой листъ, съ край-

нею оспорожноспію кладуть его на столѣ и отдають переписчикамъ, которые должны бытъ весьма опытные, чпобы могли разбиратъ слова. Ихъ приличнѣе назватъ рисовщиками, потому чпо со всею точностію они срисовываютъ каждой листъ, не исключая и недостающихъ мѣспъ и словъ, которые Ученый, здѣсь находящійся, стараеця дополнять. Не лзя сомнѣватся, чпобы при сихъ дополненіяхъ не было много прибавлено своего собственнаго. Почти въ каждой спрочкѣ нессаетъ буквы или реченія; часпо исчезаетъ цѣлая спрочка, иногда и болѣе. Какое пространное поле для охопниковъ ломать головы свои надъ догадками! По счаспію, дополненія пишутъ красными чернилами, а самой текстъ обыкновенными; слѣдственно съ перваго взгляду можно опличить подлинникъ отъ того, что прибавлено нынѣшними Учеными. Сія неспрота должна бытъ наблюдаена при напечатаніи рукописей; предвижу, чпо наши Европейскіе Филологи надѣлають много шуму по поводу сихъ прибавленій, и каждой изъ нихъ приспавятъ свои на мѣспо прежнихъ.

Легко можно понять, какого труда стоить сіе занятіе. Рукописи долгое время лежали безъ употребленія, и никшо

о нихъ не заботился до тѣхъ поръ, пока Вал-
лійскій Принцъ не взялъ на себя попече-
нія объ развертываніи сихъ сокровищъ дре-
вности, между тѣмъ, какъ Неаполитан-
скій Король забавляется своею охотою и
нимало не досадуетъ на то, что другой
вспѣваетъ въ его права. Одиннадцать
молодыхъ людей развертываютъ рукописи,
два переписываютъ ихъ. Работа произ-
водится подъ надзираніемъ Англичанина
Г-на Гайнера, мужа снрасно любящаго
свое упражненіе и достойнаго всего ува-
женія. Онъ увѣрялъ меня, что теперь
дѣло идетъ гораздо съ большимъ успѣхомъ,
нежели за нѣсколько лѣтъ прежде; не
теряетъ надежды развернуть остающіяся
рукописи (ихъ числомъ 1600), и полагаетъ
навѣрное, что удался ему найти Менап-
дра, Эннія и проч.; онъ думаетъ, что
свитокъ, надъ которымъ нынѣ шрудятся,
содержитъ въ себѣ сочиненія Полибіевы.
За день прежде, нежели я посѣтилъ Музе-
умъ, онъ открылъ философическое сочине-
ніе древняго, до сихъ поръ неизвѣстнаго
Автора, по имени *Колота*. Имена Сочини-
телей написаны при концѣ каждой книги;
по чему и не лзя знать имени Автора до
тѣхъ поръ, пока не откроютъ послѣдняго
листа въ свиткѣ. Г-ну Гайнеру попада-
лось въ руки до семи Лапшинскихъ сочине-

нїй , которыя , къ сожалѣнію , такъ не крѣпки , что никакъ не лзя ихъ развертывать. Онъ сердечно печалился о сей неудачѣ по тому особливо , что въ одномъ изъ сихъ сочиненій надѣялся открыть Ливіа ; по крайней мѣрѣ ему навѣрное извѣстно , что это было историческое твореніе , писанное слогомъ очень похожимъ на Ливіа ; и начиналось рѣчью , въ которой упоминается о фамиліи Ациліевъ ; далѣе ничего разобратъ было не можно. Г. Гайперъ еще болѣе сожалѣетъ о томъ , что Испанецъ Альбукеркъ , которому сначала были ввѣрены рукописи , свалилъ ихъ въ одну кучу ; онъ думаетъ , что сочиненія были разложены по ихъ достоинству и по различію содержаній. — До сихъ поръ успѣли развернуть пять Авторовъ: Филодема, Эпикура, Фѣдра, Димитрїя Фалерскаго и Колопа ; въ числѣ многихъ Филодемовыхъ сочиненій надѣются найти *Трактатъ о порокахъ, смежныхъ съ добродѣтелями* — маперїя богатая и любопытная , если она обработана искуснымъ человекомъ. Можно думать , что Г. Гайперъ не очень доволенъ тѣмъ , что до сихъ поръ попадались ему только философскія сочиненія ; однакожъ онъ говоритъ , что въ нихъ много находится историческихъ замѣчаній , намъ неизвѣстныхъ ; такъ на примѣръ , въ од-

номъ *Разгужденіи о гнѣвѣ*, упоминается, ка-
кимъ образомъ Бахусъ наказалъ Кадма за
вспыльчивость — обспоятельство, о кошо-
ромъ до сихъ поръ мы совсѣмъ ничего не
знаемъ. — Каждой путешественникъ, лю-
бящій науки, будетъ, подобно мнѣ, съ
любопытствомъ слушать Г-на Гайпера,
и, подобно мнѣ, пожелаешь ему добра и
счастія, потому что онъ одаренъ всѣми
качествами, нужными для исполненія дол-
жности, на него возложенной.

Р. С. Не давно разговаривая съ Г-мъ
Гайперомъ, я узналъ, что найденная
Колошова рукопись содержитъ въ себѣ
опроверженіе на Платоновъ *Трактатъ о дру-
жествѣ*. Г. Гайперъ справлялся объ имени
Колоша въ Плунарховыхъ сочиненіяхъ, и
нашелъ, что Философъ Херонейскій въ
свою очередь писалъ опроверженіе на Ко-
лоша. Это доказываетъ, что и въ ста-
рину то же происходило, что въ наше
время. — На сихъ дняхъ сдѣлано очень
важное открытіе. Прежде найдено было
только одно сочиненіе Эпикурово; теперь
нашли полное собраніе твореній сего Ави-
пора. Рукопись принадлежитъ къ числу
тѣхъ, которыя время пощадило болѣе про-
чихъ. Гайперъ намѣренъ сличить допол-

ненія свои съ подлинникомъ. Нынѣ прудяпся надѣ разверпываніемъ сна придца-пи рукописей.

(Изъ Нѣм. Журн.)

V.

Извлеченіе изъ письма Г-на Гайтера къ Принцу Валлисскому, писаннаго скоро по прибытіи перваго изъ нихъ въ Королевство Неаполитанское ().*

Многочисленныя колоніи Греческія въ Италіи получили названіе *Великой Греціи* отъ того, что прежде отечеснво поселившихся пришельцевъ обширноснью было гораздо менѣе новаго. Всѣ города Кампаніи суть древнія поселенія Греческія, не исключая самаго Неаполя, столицы обѣихъ Сицилій. Геркуланъ и Помпея основаны во времена Геркулесовы, назадъ тому около 5050 пи лѣтъ, или около 1250 пи лѣтъ прежде Христіанскаго лѣтосчисленія. Сія обласнть, пространнѣйшая всѣхъ другихъ частей, соснавляющнхъ

(*) Непосредственно за письмомъ Г-на Коцебу, къ снапи помѣщаемъ сіе *извлеченіе*, переведенное изъ Лондонскаго Курьера. *Изд.*

великую Грецію, всегда славилась тѣмъ, что жипели ея прилѣжно и съ успѣхомъ упражнялись въ наукахъ и искусствахъ. Геркуланъ и Помпея были, послѣ Неаполя, главнѣйшими городами въ области; имѣли свои публичные театры и всѣ принадлежности многолюднаго населенія и великаго богатства. Кампанія содѣлалась любимѣйшимъ обиталищемъ роскошныхъ Римлянъ, которые ѣздили туда для поправленія здоровья, для пріятнаго провѣденія времени, для отдохновенія, или для упражненія въ наукахъ.

Въ девятое лѣто Неронова царствованія, шестидесять прельяго года послѣ Рождества Хриспова, Геркуланъ и Помпея переппѣли ужасное землетрясеніе; скоро потомъ, другое споль же неожиданное, бѣдственное, приключеніе разорило ихъ до основанія. Это было великое изверженіе Везувія, случившееся во 2 й день Августа, спустя два мѣсяца послѣ возшествія на престолъ Императора Веспасіана. Геркуланъ покрытъ было лавсю, высокою на 24 футовъ. Помпея, лежащая далѣе Геркулана, засыпана золою въ высоту на 12 футовъ. Бѣдствие внезапно постигло оба города; не смотря на то, болышей части жипелей удалось спасти жизнь свою. И — что покажется очень страннымъ —

жищелей Геркулана спаслось болѣе, нежели Помпеи. Немногое количество скелетовъ, найденныхъ въ обоихъ городахъ, доказываетъ несправедливосць сказанія Діона Кассія, копорой утверждаетъ, будто въ самую минушу несчастнаго произшествія народъ находился въ театрѣ. Прежде эпохи сего изверженія поверхность Везувія была воздѣльваема до самой вершины; хотя наружный видъ горы и самая пошва земли ея свидѣтельствовали о бывшихъ въ древнія времена изверженіяхъ, но ни одинъ изъ жищелей не помнилъ, чтобы о томъ было какое либо преданіе.

По произшествіи 1654 хъ лѣтъ открыты сїи города, бывшіе до того времени подъ землею. Въ 1715 мѣ году нѣсколько работниковъ, копая колодези, коснулись заступами къ спашуѣ, споявшей на лѣспницѣ Геркуланскаго Театра; спустя потомъ сорокъ лѣтъ найдена Помпея и открыта нѣмѣ съ болъшею удобносцію, что лава въ семъ мѣспѣ была не столько тверда, какъ надъ Геркуланомъ.

До сихъ поръ успѣли отыскать около 500 рукописей; но если могу положиться на увѣренія людей, копорымъ поручено производить сїю работу — Ваше Высочество, принявъ участіе въ развертываніи сихъ рукописей, подадите средства про-

должны были поиски и доставить новыя сокровища. Уже прошло 50 лѣтъ, какъ Его Сицилійское Величество повелѣлъ развертывать и списывать найденныя рукописи; но не смотря на превосходство метода, принятой для исполненія воли Его, работа сѣя идееть такъ медленно, что еще очень не много успѣли сдѣлать. До сего времени занимался работою только одинъ человекъ и на одномъ станкѣ, подъ надзираніемъ Маркиза Васко, Королевскаго Камергера и Президента Академіи.

Машина, употребляемая для развертыванія, изобрѣдена однимъ Неапольскимъ монахомъ Капуцинскаго ордена. Донынѣ развернули два сочиненія: *Трактатъ о музыкѣ* славнаго Филодема, современника Цицеронова, и книгу *О лаваренномъ искусствѣ*. Первое находится въ Королевской Библіотекѣ. Г. Барнаръ, Библіотекаръ Его Величества, по благосклонности своей, давалъ мнѣ просмотрѣть сѣе сочиненіе. Почитаю нужнымъ упомянуть при семъ случаѣ, что Г. Барнаръ и достопочтенный Президентъ Королевскаго Общества (*)

(*) Сиръ Іосифъ Банксъ, которой предложилъ химической способъ для списыванія манускриптовъ. Онъ не сомнѣвается въ успѣхѣ, судя по свойству древнихъ чер-

приняли живѣйшее участіе въ великодушномъ предпріятіи Вашего Высочества. Судя по работѣ надъ развертываніемъ сочиненія Филодема, заключаю, что, умноживъ спанки, легко можно въ продолженіе одной недѣли списать довольно большое количество страницъ съ 20 ти или съ 30 ти манускриптовъ.

Эпоха, въ которую засыпаны рукописи, подаешь причины надѣяться, что со временемъ можно будетъ отыскать всѣ, или по крайней мѣрѣ большую часть древнихъ сочиненій, полагаемыхъ въ числѣ погибшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ утраченныя сочиненія писаны прежде эпохи изверженія Везувія, исключая безцѣнныхъ твореній Тацитовыхъ, которыя, по несчастію, явились въ свѣтъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ упомянушаго происшествія, въ царствованіе Траяна.

Не лзя сомнѣваться, чтобы въ числѣ пяти или шести сотъ уже отысканныхъ рукописей, и между тѣми, которыя впредь найдутся — сихъ рукописей, сохранныхъ въ городахъ главныхъ богатѣйшей, многолюднѣйшей и ученѣйшей провинціи Италіи — не было знаменитѣйшихъ Авторовъ.

нилъ, которыя были не что иное, какъ родъ лака.

Трактатъ Филодемовъ о Музыкѣ не научилъ многому нашихъ современниковъ вразсужденіи искусства, которое въ новѣйшіе вѣки доведено до такого совершенства; однакожъ онъ содержитъ въ себѣ много важнаго. Авторъ былъ славенъ въ свое время умомъ, ученостию и Философіею. Открытіе сочиненій, относящихся до Поэзіи, Исторіи и другихъ наукъ, можетъ быть весьма полезно, можетъ сдѣлать эпоху въ исторіи человѣческихъ знаній.

По счастію, письмо Греческое и Латинское въ сихъ рукописяхъ должно быть весьма чепко, потому что до 79 го года послѣ Рождества Христова, и не много далѣе, употребляемы были только прописныя буквы. Ваше Высочество, взглянувъ на одну страницу, увидѣли бы совершенное сходство съ старинными надписями, находящимися на древнихъ колоннахъ, статуяхъ, или гробницахъ.

VI.

Орелъ и змѣя.

(Подр. Франц.)

Орелъ изъ области громовъ
 Спустился отдохнуть на лугъ среди цвѣтновъ
 И встрѣтилъ тамъ змѣю, ползущую по праху;
 Зависпливая тварь
 Шипитъ, и на орла кидается съ размаху —
 Чтожъ дѣлаетъ пернатыхъ царь?
 Бросаетъ гордый взглядъ и къ солнцу воз-
 лещаетъ —
Такъ Геній своему хулителю отпущаетъ.
 И. Дм.

VII.

Эпиграмма.

1.

Вчера играли Магомета.
 Прекрасная піеса эта
 Лишь тронуть не могла Валера одного.
 Спросилъ я у него,
 Желая знать сего безчувствія причину.
 „Вини, сказалъ онъ мнѣ, ты въ томъ мою
 судьбину;
 Печальный видъ принять я очень бы хотѣлъ;
 Но сдѣлать этого, признаться, не умѣлъ:
 Мой другъ! я только лишь сего дня обдобрѣлъ.“

2.

Почто , несмысленная Никса ,
 Въ болѣзни ввѣрила себя ты двумъ Врачамъ?
 Подобно удалымъ и сильнымъ двумъ гребцамъ ,
 На веслахъ мчатъ тебя они ко берегу Стикса.

3.

Карпъ жизнь сидячую и праздную ведетъ,
 И пользы ни себѣ, ни ближнимъ не приноситъ;
 Онъ дѣла по себѣ бѣдняжка не найдетъ
 И у друзей своихъ о томъ совѣтовъ проситъ.
 Совѣтомъ услужить ему я очень радъ :
 Пускай сошьетъ себѣ изъ перьевъ онъ халатъ,
 И пусть возьметъ подрядъ —
 Высиживать цыплятъ.

У. Ф. Х. Ц. Ч.

VIII.

С м ѣ с ь.

Аббатъ Делиль выдалъ въ свѣтъ на
 Французскомъ языкѣ *Потерянный рай*
Мильтоновъ , переложенный имъ въ стихи
 съ Англійскаго подлинника. Странные Кри-
 тики говорятъ, что переводъ Пэемы Бри-
 танскаго Гомера не удачнѣе Виргиліевой
 Энеиды, надъ переложеніемъ которой Де-
 лиль прудился около тридцати лѣтъ.
 Знапоки, читавшіе первыя четыре Пѣсни
 No 5.

новаго перевода Энеиды Г. Гаспона, Провизора Лиможскаго Лицея, отдающъ ему преимущество передъ Делилемъ и неперпѣливо ожидающъ продолженія. Г. Гаспонъ обѣщается въ нынѣшнемъ году напечатать слѣдующія чепыре Пѣсни, а въ будущемъ — послѣднія. — Между тѣмъ, вниманіе Липператоровъ успрямлено теперь на новую Поэму въ осьми Пѣсняхъ, подъ названіемъ: *Мореллаваніе*, сочиненную Г-мъ Эсменаромъ, отличяющуюся піитическими картинами и чистотою слога. — Поэма Г-на Люса *Ахиллесъ на островѣ Сциросѣ*, въ шести Пѣсняхъ, при первомъ появленіи своемъ надѣлала-было много шуму, но разборчивая критика назначила для нее мѣсто по ея достоинству. Авторъ подражалъ Стацію въ расположеніи Поэмы и въ начертаніи характеровъ; слогъ его нечистъ и изобилюетъ ошибками противъ языка.

Тринадцатилѣтній Актеръ Генрихъ Вестъ Белли, о которомъ теперь такъ много пишутъ въ Англійскихъ и Нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ, и которой удивляетъ игрою своею Лондонскую публику, родился въ Шрексбургскомъ Графствѣ, 15го Сентября 1791го года. Отецъ его есть сынъ одного Ирландскаго Лѣкаря и живетъ въ Баллинагинѣ не далеко отъ Беллфаста.

Молодой Бешпи, увидѣвъ Г-жу Сиддонсъ, игравшую роль Эльвиры въ Трагедіи *Пиззаръ*, плѣнился ея талантомъ, и съ тѣхъ поръ обнаружилась въ немъ склонность къ Театру. Онъ рѣшиительно обѣвилъ общу своему, что хочетъ сдѣлаться Актеромъ. Г. Анкинсъ, Директоръ труппы въ Бельфастѣ, предъ которымъ Бешпи читалъ нѣкоторыя мѣста изъ роли Роллы, удивлялся его дару, и поручилъ Гоугу, Актеру той же труппы, дать ему нѣсколько уроковъ; Бешпи, сѣигравъ три или четыре раза въ Бельфастѣ, явился на Дублинскомъ театрѣ, гдѣ по общему желанію публики получилъ названіе *молодаго Росція*. Оттуда Бешпи отправился въ Шотландію, гдѣ равнымъ образомъ осыпанъ былъ похвалами и рукоплесканіями. Въ Эдинбургѣ, Г. Гоме, Авторъ Трагедіи *Дугласъ*, былъ чрезвычайно доволенъ искусствомъ Бешпи, игравшаго роль молодого Норваля, и объявилъ, что до того времени еще не видалъ Актера, которой представлялъ бы лице сіе съ такимъ совершенствомъ. Любимыя роли молодого Росція суть: упомянутый Норваль, *Фридерикъ* — въ Комедіи *Клятвы любви*, Гамлетъ, Ричардъ III, Танкредъ, Ролла, и Оклавіанъ — въ *Горныхъ жителяхъ*. — Въ Стокдалѣ въ одинъ день дано было два спектакля,

для того, что молодому Бешпи надлежало спѣшить въ Лондонъ, и не лзя было дожидаться другаго дня въ семъ мѣсцѣ; первой спектакль начался въ полдень, другой въ обыкновенное время. Въ 1й день Декабря Бешпи игралъ въ Лондонѣ на Ковент-гарденскомъ театрѣ роль Селима въ Трагедіи: *Рыжая борода*. Въ часъ послѣ полудня, въ день представленія множество любопытныхъ стояло уже подлѣ театра; ожидали съ нетерпѣніемъ раздачи билетовъ. Лишь только открыли двери театра, въ ту минуту толпа народа насильно вломилась въ залу; полицейскіе Офицеры должны были уступить силѣ. Любопытные зрители заняли ложи, каждой по своей волѣ, и поступали весьма неблагоприсстойно съ мѣстами, которые отраживались объявлять права свои на мѣста, имъ принадлежавшія. — Не возможно не удивляться игрѣ Г-на Бешпи, не смотря на несовершенство, которая болѣе надлежитъ относить къ его возрасту, нежели къ недостатку въ истинномъ дарованіи. Утверждаютъ, что его здоровье крайне ослабло отъ всегдашняго напряженія.

Можемъ поздравить Любителей древней Литтературы съ новымъ, недавно напеча-

паннымъ въ Парижѣ изданіемъ *Гомеровыхъ твореній* съ Лашинскимъ и Французскимъ переводами и съ присоединеніемъ ученыхъ и крипическихъ замѣчаній. Для пользы упражняющагося юношества цѣна сей книгѣ назначена весьма умѣренная. Мониперъ ручается за достоинство текста и переводовъ, и отдаетъ справедливую похвалу Издателю, Г-ну Гелю, Профессору Греческой Литтературы во Французской Коллегіи, извѣстному публикѣ въ качествѣ ученаго Гелениста. Желательно, чѣобы г-да иностраннныя книгопродавцы, торгующіе въ Москвѣ, выписывали для охотниковъ по нѣскольку экземпляровъ книгъ сего рода. По несчастію, ученой товаръ у насъ худо продается. Иностраннныя книги получаютъ въ Москвѣ два или три раза въ годъ; не смотря на то, тщетно будеме искать здѣсь сочиненій Плуларха, Тита - Ливія, старшаго Плинія и проч. *Abundantia librorum laboramus.*

Недавно играна въ Парижѣ новая Трагедія *Киръ*, сочиненная извѣстнымъ Г-мъ Шенъе, творцемъ многихъ одобренныхъ пьесъ, и между прочими Трагедіи Фенелона, предсавляемаго Французскими Акшерами на зѣшнемъ Петровскомъ ше-

апрѣ. Содержаніемъ своимъ она похожа на Вольтерову *Меролу*: Аспіагъ, Царь Ассирійскій, убѣждаетъ дочь свою Мандану согласишься на умерщвленіе сына ея Кира; одинъ старинный другъ выводитъ ее изъ заблужденія, и такъ далѣе. Есть мѣста и сцены прекрасныя. Авторъ заставляешъ дѣйствующія лица выражать душевныя чувства языкомъ сильнымъ и краснорѣчивымъ; со всѣмъ тѣмъ Трагедія — освиспана. Однакожъ нѣтъ худа безъ добра. Г. Шенье былъ ушѣшенъ тѣмъ, что Г. Жофрза не могъ, какъ самъ объявляешъ въ своемъ Журналѣ, вѣсниться въ театральную залу, по причинѣ великаго множества зрителей.

Г. Коцебу въ письмѣ своемъ изъ Неаполя, описывая сдѣланныя имъ наблюденія на горѣ Везувіѣ, рассказываетъ слѣдующій забавной анекдотъ, котораго самъ онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, вмѣстѣ со многими знакомыми ему особами. 25 го Числа Ноября, когда лава угрожала опустошеніемъ садамъ винограднымъ, жипелись торжественною процессіею, по обыкновению своему, вынесли образъ Св. Януарія, и поставивши его передъ лавою, съ колѣнопреклоненіемъ просили Святаго удержатъ

стремленіе пламеннаго потока, которой часъ отъ часу приближался къ нимъ. Образъ опнесли далѣе, поставили передъ лавою, и снова умоляли Святаго оказать благодареніе, которое стоило бы ему только одного мановенія. Тщешно! глухая лава шла впередъ, не останавливаясь. Тогда огорченный народъ началъ ругать безжалостнаго Святаго, называлъ его *vecchio ladro*, *birbone*, *birbante*, *scelerato*, словомъ, честилъ его всѣми шишулами, какія только опчаяніе внушитъ можетъ. Комедія окончалась побоями.

ПОЛИТИКА.

I.

Изъясненіе изъ письма, писаннаго изъ Парижа 1 го Ноября прошлаго года.

Я упоминалъ вамъ передъ симъ о присягѣ, которую Каполическое Духовенство обязано чинать въ день коронаванія. Вотъ точныя слова ея:

„Клянусь въ томъ, что буду повиноваться Конституціямъ Имперіи и законамъ Конкордапа; отрицаюсь отъ Бурбоновъ и отъ ихъ сообщниковъ; обещаюсь быть вѣрнымъ Императору.“

Предосторожность Г-на Бонапарте — вразсужденіи требованія, чтобы Духовенство опрелкось Бурбоновъ — напоминаетъ проповѣдниковъ скопища, извѣстнаго подъ названіемъ la Ligue, которые часно повиоряли въ поученіяхъ своихъ текстъ изъ Священнаго Писанія: *Erre me, Domine, e iuto faecis!* и переводили его слѣдующимъ образомъ: *Débourbonnez - nous, Seigneur* (*)!

(*) Для разумѣющихъ языки Латинской и Французской не нужно объясненіе сего текста; для другихъ оно было бы бесполезно. *Изд.*

Духовные, которые въ то время хотѣли Бурбоновъ лишить Французскаго престола, клялись, что для пользы Религїи они спараются сорвать дѣдѣмъ съ главы законнаго своего Государя; когда они узнали, что народъ не хочетъ бытъ управляемъ Королями ни Испанскаго племени, ни Лотарингскаго, тогда начали поворять текстъ изъ Священнаго Писанїя, переложенный ими по-своему, — чтобы погасить въ народѣ желаніе видѣть на пронѣ Франціи законнаго наследника. Достойно особливаго примѣчанїя, что Генрихъ IV, Глава Бурбонскаго Дома, принадлежалъ къ тремъ отраслямъ нашихъ Королей, какъ можетъ усмотрѣть изъ Исторической Генеалогїи всѣхъ фамилїй Государей, въ XII родословной таблицѣ претьяго Тома.

Въ 1595 мѣ году, при концѣ засѣданїи Чиновъ государственныхъ въ Парижѣ, народъ, упомянутый смятенїями, отъ честнѣлюбивыхъ происковъ Филиппа II и вельможъ Королевства производящими, узналъ наконецъ, что до тѣхъ поръ Франція не можетъ бытъ спокойною и счастливою, пока она не будетъ управляема законнымъ Государемъ; тогда — то непрїятели Короля попребовали, чтобы Духовенство опрелось отъ Бурбоновъ и пропо-

вѣдывало ненависть къ законному своему Государю.

Иностранцы, удивленные неограниченною властію Г-на Бонапарте, безмолвнымъ повиновеніемъ народа храбраго, гордаго и мятежнаго, рабскими ласкательствами, копорыя Начальники распочають отъ имени своихъ подчиненныхъ, иностранцы, говорю, никогда не поймутъ того, по чему человекъ, ежедневно получающій знаки любви и признательности отъ *всѣхъ Французовъ*, пребудетъ, чпобы вѣрные его подданные съ клятвою опрекались отъ *Фамиліи*, лишенной наслѣдственнаго престола, изгнанной и ожидающей только отъ небеснаго Провидѣнія воспановленія правъ своихъ. Не странно ли, что въ то самое время, когда Сенатъ занимается изчисленіемъ голосовъ о лишеніи несчастной, иностранствующей *Фамиліи* наслѣдства ея и объ опданіи сего наслѣдства неизвѣстному пришельцу, одною только своею отважностію прославившемуся — въ то самое время, когда Сенатъ съ притворною радостію объявляетъ, что четыре милліона Французовъ желаютъ быть подъ деспотическимъ управленіемъ Корсиканца, — въ то время пребудутъ *клятвеннаго опрегенія отъ Бурбоновъ*! Еслибъ Г. Бонапарте со-благоводилъ выпустить на волю пуше-

шествовавшихъ Англичанъ, которыхъ онъ объявилъ военнопленными; тогда вы получите правильное понятие о нынѣшнемъ состояніи Франціи и о происшествіяхъ, которыя въ ней готовятся.

Кажется, что Г. Бонапарте будетъ коронованъ; нѣтъ сомнѣнія, что люди, которые много разъ клялись ненавидѣть Королей, поклянувшись въ вѣрности Императору; тѣ, которые много разъ кричали о неразрѣшимости супружескаго союза, признаютъ нужнымъ законъ о разводѣ; тѣ, которые вопили противъ несправедливости лишающа духовныхъ особъ ихъ собственности, объявляя законною продажу имѣній; но все сіе не утвердилось на прочномъ основаніи престола Наполеонова, и всѣ его усилія учредить новую династію показываютъ только его слабость. Еслибъ вы знали всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, еслибъ знали мысли и намѣренія зрителей, еслибъ видѣли, что дѣлается за кулисами — тогда вамъ очень не трудно было бы отгадать, что комедія должна скоро окончиться.

Представьте себѣ, что всѣ революціи, всѣ государственныя потрясенія, которыя вамъ кажутся весьма важными, и объ свращеніи которыхъ наши Полипики ломаютъ головы, ничего не значатъ въ гла-

захъ Французовъ ; они почишаютъ театральнымъ зрѣлищемъ и сверженіе Барраса и коронованіе Г-на Бонапарте ; по паденіи Наполеона, Французы будутъ забавляться на счетъ зашѣливости мужа вдовы Богарноа , точно такъ же, какъ прежде смѣялись надъ замыслами ея любовника.

Люди , которые, *сотворивъ* Г-на Бонапарте , нынѣ занимаются способами *уничтожить* его , имѣютъ главною своею цѣлію разрушеніе Республики , для того , чтобы спокойно и безопасно наслаждаться обладаніемъ имѣнія , пріобрѣтеннаго во время революціи. Безполезно теперь входить въ подробныя изслѣдованія , можно ли было призванъ Короля на престолъ Французскій въ то время , когда Бонапарте , подъ именемъ перваго Консула , воцарился во Франціи : главное дѣло состояло въ уничтоженіи республиканскаго правленія и во введеніи , на мѣсто оного , власти единой , неограниченной , власти , которая обузда бы всѣ усилія сообщниковъ республиканскихъ ; но какъ , по несчастію , надлежало случиться тому , чтобы Франція была управляема деспотически , то , можетъ быть , не должно сожалѣть , что чужестранный пришлецъ взялъ на себя трудъ насильно возвратитъ Государству образъ правленія , которой ему приличе-

спвуеть. Кто знаетъ? можетъ быть, спрогїя мѣры, по необходимости употребленныя при превращеніи Республики въ умѣренную Монархію, раздѣлили бы умы и вновь разпроспранили бы пламя раздоровъ; можетъ быть, не всѣ поняли бы, сколь нужна спрогость при подобныхъ перемѣнахъ — и справедливаго Короля обвинили бы въ жестокости; вмѣсто погонянтъ спрогїя мѣры стї исполняются чужеспранцемъ гордымъ и жестокимъ, слѣдспвенно на него падаетъ вся ненависть къ деспотизму и ужасамъ, на копорыхъ похищипели обыкновенно основывають свое могущество. Народъ ненавидитъ въ немъ деспота, такъ, народъ! потому что похищипель, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, думаетъ не о вельможахъ государспвенныхъ, но такъ называемыхъ друзей народа и вольности приноситъ на жертву своему спраху, своему мщенію, своимъ прихотямъ. Народъ помнитъ о Королевской фамиліи, копорой выгоды тѣсно сопряжены съ его выгодами, копорой слава не разлучна съ его величіемъ, копорой могущество основано было на его благоденствїи, копорой долговременное царствование охраняло Францію отъ ужасовъ и кровопролитій. Кто захочетъ приспальнѣе всмотрѣться въ положеніе дѣлъ и вникнуть, какія препяив-

ства надлежало бы преодолѣть Королю для солашенія власти своей съ пользою народа, прирыкшаго къ мятежамъ революцій, какъ трудно было бы ему вводить нсвѣя перемѣны, собразныя съ порядкомъ Монархическаго правленія; инопъ не спанетъ жалѣнь о томъ, что Корсиканецъ, подъ именемъ Консула или Императора, засипилъ мѣсто Директоріи.

Надобно знашь, что во Франціи со-спавилась новая Аристократія, копорой выгоды копя не суть однѣ и ипѣ же съ прежнею Аристократіею, но копора думаетъ, что ея политическое вліяніе, ея преимущества иогда иолько ушвердились на основаніи прочномъ, когда она сравнип-ся съ прежнею Аристократіею и соста-витъ съ нею одно шѣло. Тщеславіе есть природный характеръ Французскаго на-рода, не измѣнившійся среди бурныхъ по-трясеній безначалія, демократическимъ фанатизмомъ порожденнаго. Не трудно до-казанъ, что если тщеславіе не было од-ною изъ главныхъ причинъ революціи, по крайней мѣрѣ оно много содѣйствовало къ ея началу; оно же должно служишь силь-нымъ побужденіемъ къ воспановленію по-рядка. Новая Аристократія, разрушив-шая Республику, можетъ бышь, чувспвуемъ себя слабою для поддержанія воспановляе-

маго прона, и можетъ быть, ввѣрила
власть неограниченную простолудиму
единственну для того, чѣобы изгладить
всѣ слѣды народнаго правленія: но вру-
чая ему самовластїе, она безъ сомнѣнїя
не хотѣла вводитъ правленія деспотиче-
скаго. Ей нравятся опличїя, почести,
чины, преимущесва; но конечно не опъ
Г-на Бонапарте она ожидаетъ важной вы-
годы быть сравненною со стариннымъ Дво-
рянствомъ, не опъ Г-на Бонапарте, копо-
рой имѣетъ столько же совѣспниковъ,
сколько находится мѣщанъ во Франціи.
Она знаетъ начало и происхожденїе дво-
рянскихъ фамилїй, знаетъ и то, что не
иначе, какъ отдавъ корону Французскую
Бурбонамъ, можетъ быть сопричтенною
къ сословію того Дворянства, копорое Ген-
риха IVго возвело на пронъ святаго Лу-
довика.

Совсѣмъ бесполезно входить въ изелѣ-
дованїе, въ самомъ ли дѣлѣ нынѣшнее наше
правленїе есть деспотическое; увольте меня
опъ труда доказывать вамъ, что оно не
Монархическое. Излишне было бы также
разбирать, можетъ ли образъ Монархическа-
го правленія непосредственну слѣдовать за
республиканскимъ. Лучше пойдѣмъ далѣе
съ той точки, на копорой нынѣ находим-
ся, и рассмотримъ одинъ вопросъ, предле-

жацій нашему изысканію: „Можно ли во Франціи воспановити Монархію посредствомъ другой фамиліи, кромѣ Бурбоновъ?“ — Смѣло говорю: нѣтъ! разсмотрите причины, на которыхъ основываю мое мнѣніе.

Правленіе Монархическое получило бытіе свое во времена новѣйшія; Древніе не имѣли понятія о верховной Власти, основанной на Дворянскомъ сословіи или на Законодательномъ корпусѣ, составленномъ изъ Членовъ, представляющихъ цѣлую націю. Учрежденіе Монархическаго правленія въ Европѣ надлежитъ относить къ эпохѣ разрушенія Римской Имперіи. Сословіе Дворянства, пользующееся преимуществами и отличающееся ими отъ другихъ классовъ народа, и по тому самому ограничивающее власть Государя, есть существенная часть Монархіи. Монпескье говоритъ: „Вотъ правило неизмѣняемое для Монархическаго правленія! гдѣ нѣтъ Монарха, тамъ нѣтъ Дворянства; гдѣ нѣтъ Дворянства, тамъ сидитъ на престолѣ не Монархъ, но деспотъ.“

Люди, которыхъ благосостояніе тѣсно соединено съ судьбою Г-на Бонапарте, не очень были рады тому, что онъ дѣлается деспотомъ; они хорошо знаютъ, что ихъ бытіе политическое только тогда

ушвердится, когда Герой ихъ будетъ Мо-
нархомъ. Въ слѣдствіе того, они всячески
спарались удалить эпоху, въ которую
Г-нъ Бонапарте предположилъ, чрезъ по-
средство своего Сенапа, объявить Европей-
скимъ Государямъ, что онъ имъ *равной*,
а народамъ возвѣстивъ чрезъ своихъ Жур-
налистовъ, что онъ знаменитостію поро-
ды не уступаетъ многимъ Государямъ:
но такой характеръ Г-на Бонапарте и
обстоятельства споспѣшествовали прибли-
женію сей спральной эпохи, которую люди,
полагавшіе надежду своего возвышенія на
воцареніи Г-на Бонапарте, всегда почита-
ли для себя опасною. Учрежденіе почеш-
наго легіона и Сенапорствъ было не инсе-
чно, какъ покушеніе завести Дворянство
во Франціи; но сіи учрежденія по свой-
ству своему принадлежатъ къ образу пра-
вленія республиканскаго и клоняща къ
раздѣленію нынѣшней Аристократіи отъ
прежней, между тѣмъ, какъ вся важность
дѣла состояла въ томъ, что, для основа-
нія Монархіи, надлежало смѣшать и сра-
внить обѣ Аристократіи; а это очень не
трудно исполнишь, если вручатъ скипетръ
Дому Бурбоновъ; напротивъ того совсѣмъ
не возможно, если сего не сдѣлаютъ.

Начала Дворянства въ Европѣ должно
искать при началѣ Монархій. Для чего

новая Аристократія Французская спарает-ся сослavitъ одно сословіе съ прежнею? Для того, чтобы сравниться съ Дворянствомъ Европы. Дворянство, сотворенное Г-мъ Бонапарте (если только можно имѣть понятіе объ учрежденіи Дворянства въ такой странѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ его), никогда не сравнится съ Дворянствомъ другихъ Государствъ Европы; начало и происхожденіе полагаютъ между ними вѣчную преграду. Знаю, что престолы Европейскіе, со времени учрежденія Монархій, не всегда были занимаемы однѣми и тѣми же Фамиліями; иногда по несчастнымъ военнымъ происшествіямъ, или по какой либо другой причинѣ, скипетръ Монархіи переходилъ въ руки другой Фамиліи, или же похищитель занималъ мѣсто законнаго Государя — но Дворянство всегда оспавалось при прежнихъ своихъ правахъ; Монархи перемѣнялись — но Монархіи оспавались въ томъ же положеніи; Дворяне — побѣдители и Дворяне побѣжденные смѣшивались между собою и сравнивались, потому что всѣ Дворяне въ Европѣ соединены однимъ началомъ, и всѣ пользуются одинакими преимуществами въ Монархіяхъ.

Цѣль Французской революціи состояла въ томъ, чтобы вмѣсто Монархическаго правленія ввести республиканское. Послѣ

безполезныхъ усилій, надлежало наконецъ искапъ спокойствія въ прежнемъ образѣ правленія. Въ продолженіе Анархіи разныя партіи спорили между собою о власти; изъ остатковъ ихъ возникла новая Аристократія, которая хочетъ смѣшаться и сравниться со старою, съ тѣмъ однакожъ, чтобы удержатъ при себѣ политической перевѣсъ при началѣ новаго правленія. По моему мнѣнію, достигнуть до сей сугубой цѣли нѣтъ другаго средства, какъ вручить скипетръ Бурбонамъ.

По симъ причинамъ, думаю; всякой согласится, что прежняя Аристократія во Франціи ничего не значить и не будетъ ничего значить безъ Короля; слѣдственно самыя пользы ея пребудутъ стараться вмѣстѣ съ новою Аристократіею о возстановленіи Королевскаго престола. Очевидно, что партія, которая возвратитъ Королю законную власть его, будетъ имѣть на своей сторонѣ силу и вліяніе политическое, и что Король для собственныхъ выгодъ долженъ будетъ предоставить ей пользоваться преимуществами, если не исключительными, то по крайней мѣрѣ очень важными.

Чтобы вы не беспокоились, думая, что Король въ такомъ случаѣ подпадетъ зависимости ошъ революціонной партіи, по-

читаю нужнымъ увѣрить васъ въ противномъ: если бы новая Аристократія получила даже исключительное вліяніе политическое, и тогда Королю ничего не надлежалобъ опасаться. Не трудно понять, что для Монархіи могутъ быть страшными замыслы партіи Республиканской и происки обожателей новаго властелина; въ такомъ случаѣ Королю оставалось бы только положитьсь на людей, которые довольно имѣютъ силы и вліянія для возстановленія престола, довольно ревности для поддержанія Королевской власти.

Можетъ быть, скажутъ нѣкоторые, что исключительное вліяніе политическое новой Аристократіи опнело бы у прежней силу ея и достоинство. Отвѣчаю: главное дѣло теперь состоитъ не въ возвращеніи прежней Аристократіи политическаго могущества, но въ возстановленіи Монархіи, въ возведеніи Бурбоновъ на престолъ наследственный. Дворяне Французскіе одни находятся въ изгнаніи, другіе живутъ подъ надзираніемъ янычаровъ Наполеоновыхъ; и такъ, Король поспарался бы сперва вернуть имъ отечество, политическое существованіе и нѣкоторыя права, которыми они прежде пользовались; потомъ отъ времени и обстоятельствъ надлежалобъ ожидать возстановленія всѣхъ

прежнихъ правъ ихъ и вліянія на дѣла государственныя.

Оспается рѣшить вопросъ: Бонапарте можетъ ли учредить Дворянство? можетъ ли дать ему силу и вѣсь политической? можетъ ли, наконецъ, сравнить его съ прежнимъ Дворянствомъ, такъ чтобы оно составляло одно сословіе съ Дворянствомъ Европы?

Съ самаго начала, спрашиваю, что должно разумѣть подъ словами: учредить новое Дворянское сословіе въ такомъ Государствѣ, гдѣ существуетъ уже старинное Дворянство, которое имѣетъ одинакое начало со всѣми Дворянскими поколѣніями въ Европѣ? Ничего, кажется мнѣ, столько не раздѣлило бы новой Аристокраціи отъ древней, и слѣдственно отъ Дворянскихъ сословій всѣхъ Государствъ Европы, какъ учрежденіе Дворянства по повелѣнію такого человека, котораго власть не утверждена на прочномъ основаніи, котораго возшествіе на престолъ составляетъ безпокойствіе всѣхъ Государей Европы, уважающихъ законныя права наследства, и котораго низверженіе многія Государства сочли бы однимъ изъ счастливейшихъ произшествій. Г. Бонапарте могъ бы составить новое Дворянское сословіе, еслибъ онъ вздумалъ объявить себя Императоромъ въ Бо-

шани - Беѣ; но рѣшась учредить новое Дворянство во Франціи, когда существоуютъ старинныя Дворянскія фамиліи, онѣ положилъ бы вѣчное раздѣленіе между Аристократіею новою и старою, и на челѣ первой напечатлѣлъ бы пятна революціи, которую нынѣшніе Аристократы всячески стараются изгнать въ своей памяти.

Не знаю, извѣстны ли вамъ люди, которые вѣрили бы началу новой Династіи Корсиканской; но искренно признаюсь вамъ, что здѣсь никто не называетъ сего Династіею; напротивъ того воцареніе Г-на Бонапарте почитаютъ предвѣщаніемъ революціи, и почитаютъ его тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ 18 го Брюмера. Вспомните только причины и обстоятельства, способствовавшія къ возведенію Г-на Бонапарте въ Консульское достоинство; вспомните о томъ, что заставило поднести ему титуло Государя; взгляните на его правленіе, на настоящее положеніе дѣлъ — и судите потомъ, можетъ ли быть прочнымъ основаніе новой Аристократіи. Какое различіе въ обстоятельствахъ Короля и Г-на Бонапарте! Король для возвращенія себѣ наследственнаго престола можетъ пожертвовать частію прежней своей власти, ввести полезныя перемены, постановить кроткія законы, возвыситъ достоинство новой

Аристократіи; напрошивъ того Г. Бонапарте долженъ отчасу становиться самовластнымъ, неограниченнымъ, долженъ беспрепятственно держать поднятую руку для изпребленія ихъ, которые осмѣляясь заговорить языкомъ свободы.

Можетъ быть, вамъ наскучили мои опущенія; но, по моему мнѣнію, они не чужды главнаго предмета, состоявшаго въ томъ, что домъ Бурбоновъ не потерялъ правъ своихъ на Францію, какъ угодно утверждаютъ обожатели Г-на Бонапарте. Мы съ вами давно уже согласились, что друзья Наполеоны имѣютъ причины разглашать противное; и сіи причины служатъ яснымъ доказательствомъ того, что Г. Бонапарте непрерывно терзается совѣстію и боится потерять власть свою.

Мнѣ кажется, что предложеніе Наполеоново, сдѣланное Лудовику XVIII объ отреченіи отъ правъ на Французскую корону, и новая клятва, требуемая отъ Духовенства, довольно доказываютъ, что Г. Бонапарте отреченіе Принцевъ Бурбонскихъ считаетъ дѣломъ не маловажнымъ, и все еще боится худыхъ для себя слѣдствій. Король очень хорошо знаетъ свое положеніе и Г-на Бонапарте, захотѣвъ лучше быть въ изгнаніи, нежели потерять свои права. Исторія сохранитъ воспомина-

нїе о семъ благородномъ , великодушномъ поступкѣ; она скажетъ о Лудовикѣ XVIII то , что добродѣтельный Сюлли сказалъ о своемъ Королѣ и другѣ , опвергнувшемъ предложенїя , постыдныя для Короля Французскаго: „Топъ доспойнѣ сидѣнъ на про-
 „нѣ , кто умѣетъ , подобно вамъ , порже-
 „ствовать надъ естественнымъ побужденїемъ занять его.“

Еслибъ не столько мнѣ извѣстно было ваше благоразумїе , я постарался бы опровергнуть одно возраженїе , нѣкоторыми людьми прошивуполагаемое. Они говорятъ: „А войско! не уже ли вы думаете , что войско оставитъ Бонапарте и возьметъ сторону Бурбоновъ?“ Есть люди , которые вѣрятъ , будто войско все дѣлаетъ во Франціи , попому что солдатъ управляетъ Государствомъ. Но посмотримъ на революцію , и увидимъ , что войско при всѣхъ обспоятельстввахъ дѣйствовало машинально; увидимъ , что оно еще охотнѣе повиновалось Робеспьеру и Директорїи , нежели Г-ну Бонапарте. Не входя въ подробныя изслѣдованїя о причинахъ такой переменѣ , причинахъ , съ которыми не всѣ согласятся , скажу вамъ только , что революціонное умсизступленїе , покорившее войско Робеспьеру и Директорїи , уже миновалось , что нынѣшняя система военнаго правле-

нія совершенно прошивна народному характеру, и что подъ скипетромъ деспотизма воинственный духъ ослабѣваетъ. Исторія показываетъ намъ, что въ странахъ несчастныхъ, изнемогавшихъ подъ бременемъ сего чудовищнаго правленія, мятежное войско свергало деспотовъ и лишало ихъ жизни; Исторія показываетъ намъ, что войско не столько опасно для жизни деспота, сколько для свободы народа — и симъ-то объясняется загадка, для чего деспоты, въ прошивность выгодамъ государственнымъ, стараются развратить армию и погасить въ немъ духъ воинственный. Со временемъ я возвращусь къ сей матеріи, если вы увѣрите меня, что длинныя письма мои для васъ не скучны.

(Изъ иностран. Жур.)

II.

Отрывокъ изъ другаго письма, писаннаго изъ Парижа.

(16 го Декабря 1804 года.)

... Не стану описывать вамъ шумныхъ празднествъ, ни великолѣпныхъ торжественныхъ шествій, копорыхъ мы были

свидѣтелями многіе дни съ ряду, ни народныхъ восклицаній; газеты наполнены всѣми сими подробностями и содержатъ въ себѣ гораздо болѣе извѣстій, нежели я знаю. Между тѣмъ, какъ публика занимается зрѣлищами, въ кабинетѣ Тюльерійскомъ гопопяшся важныя планы, которые должны имѣть чрезвычайное вліяніе на судьбу многихъ Государствъ Европейскихъ. Нѣтъ никакого сумнѣнія въ томъ, что прибытіе Люсьеня Бонапарте имѣетъ связь съ предполагаемыми переменами вразсужденіи Италіанской Республики. Сказываютъ, что сія Республика будетъ превращена въ независимую Монархію, и что одна великая Держава (Франція) дала уже на то свое согласіе, съ такимъ условіемъ, чтобы одинъ изъ братьевъ Наполеона возведенъ былъ въ достоинство обладателя сего новаго Государства. Участіе Голландіи, по видимому, очень скоро совершится. Слѣдующая статья, которую сего дня я читалъ въ *Bulletin politique et général de l'Europe*, объясняетъ, чего надлежитъ ожидать по сему предмету.

„Достоинство Президента Батавской Республики должно имѣть передъ саномъ прежняго Штапгальтера ту выгоду, что отношенія перваго были бы равны ко всѣмъ частямъ, составляющимъ Государство,

и что особа, получившая упомянутое достоинство, равно пользовалась бы всеми своими правами и преимуществами въ каждомъ отдѣленіи націи; вмѣсто того, что Шпангаллеръ, избираемый прежде отъ каждой провинціи особенно, не надѣ всеми имѣлъ одинакую власть; онъ получалъ достоинство свое отъ провинцій съ большими или меньшими ограниченіями, какія онъ признавали нужнымъ предписывать. Изъ того происходили многія неудобства, когда надлежало уменьшитъ усиливающуюся власть Шпангаллера, или разпространитъ ее въ случаѣ потребности А какъ различіе преимуществъ, раздѣлявшихъ провинціи Голландскія, нынѣ уже не существуетъ, то и не трудно поставитъ надъ ними верховнаго главу на извѣстныхъ условіяхъ; скажу болѣе: при нынѣшнихъ обстоятельствахъ трудно было бы сдѣлать, чтобы власть сея главы не разпространялась на всю Республику въ равномъ отношеніи къ провинціямъ. Выборъ можетъ пасть на Князя Нассау - Вейльбургскаго тѣмъ удобнѣе и благопоспѣшнѣе, что онъ не подаетъ причины заключать о насильственномъ возвращеніи прежнихъ правъ Дому Оранскому, котораго Голландія никогда не почиала домомъ самодержавнымъ; сверхъ того сей выборъ сопряженъ съ важ-

ною пользою для Голландской націи; онъ напомнилъ бы ей знаменитые подвиги, копорыми уже двѣсти лѣтъ Голландія славила, напомнилъ бы о Свѣплѣйшей Фамиліи, имѣвшей великое участіе въ сихъ произшесствіяхъ, ознаменовавшихъ счастливые дни Республики.

(Изъ Нѣм. Журн.)

III.

Извѣстія и замѣтанія.

Тайны Кабинетовъ намъ не извѣстны. вмѣсто того, чтобы теряться въ безполезныхъ догадкахъ, спанемъ терпѣливо дожидаться, пока нѣкоторыя обстоятельства политическія объяснятся сами собою, а между тѣмъ займемся продолженіемъ описанія Парижскихъ произшесствій.

Папа очень часто посѣщаетъ церкви, служишь обѣдни, раздаетъ народу благословеніе и отпускаетъ грѣхи: Въ день Рождества Христова Святой Отецъ отправлялъ Божію службу въ кафедральной церкви Богоматери. Въ десять часовъ съ половиною, въ сопровожденіи многочисленной свиты, онъ прибылъ на церковной дворъ, гдѣ ожидалъ его опрядъ конницы. Карди-

наль - Архіепископъ , многіе Епископы и кафедральной Соборъ Духовенства встрѣтили Его Святѣйшество на паперти. По окончаніи обѣдни, Папа раздавалъ съ трона своего благословеніе Апостольское многочисленному собранію народа.

Не должно заключать, чтобы пышность сія была дѣломъ необыкновеннымъ для Папы. Изъ слѣдующаго описанія торжественныхъ обрядовъ, при отправленіи Папою литургіи въ Римской церкви Св. Петра совершаемыхъ, можно судить о пышности двора его и церемоній Римско-Каполическаго исповѣданія. Папѣ предшествуютъ: опрядъ Швейцарской гвардіи, опрядъ легкой конницы, ливрейные служители, Камергеры, придворные Кавалеры, Кардиналы и придверники. Младшій изъ Духовныхъ Судей Римскихъ несетъ крестъ; за нимъ слѣдуетъ сословіе Прелатовъ, по еспь, Губернаторы городовъ церковной Области, Епископы — служащіе при Папѣ, Генералы Орденовъ, четыре Хранишеля и Князя Римскіе. Четырнадцать камердинеровъ несутъ на плечахъ своихъ Папу, сидящаго на креслахъ, облеченнаго въ мантию, съ короною на головѣ. По обѣимъ сторонамъ несутъ по одному большому опахалу, сдѣланному изъ бѣлыхъ строусовыхъ перьевъ. Восемь придворныхъ Кавалеровъ

поддерживаютъ балдахинъ , возвышающійся надъ носилками. Комнатные служители, тайные и ординарные, и оспальная гвардія Швейцарская заключаютъ шествіе.

По прибытіи въ церковь Св. Петра , Папа , сошедъ съ креселъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жертвенника , садится на своемъ престолѣ : священная Коллегія въ Архіерейскомъ облаченіи , Прелаты въ коропкихъ маніяхъ , и Генералы Орденовъ помѣщаются на скамьяхъ , обитыхъ коврами. Принцы спановятся на ступеняхъ трона ; духовные судьи , Пропононаріусы и главноначальствующій надъ дворцемъ Папскимъ занимаютъ мѣста свои на послѣдней степеніи трона. У подножія алтаря на приготовленномъ столикѣ поставляютъ золотыя чаши и прочіе сосуды церковныя. Папа , сидя на престолѣ своемъ , начинаетъ службу обѣдню , которая отправляется безъ музыки , съ однимъ только пѣніемъ по Григоріанскому уставу. Апостолъ и Евангеліе поютъ на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ. Папа сходитъ съ трона , приближается къ жертвеннику , совершаетъ тайны и , возвратясь обратно , читаетъ молитвы передъ причащеніемъ. Попомъ приносятъ Папѣ безкровную жертву , которую раздѣливъ на двѣ части , онъ оставляетъ одну для

себя, а другую отдаетъ Діакону и Поддіакону, имѣющимъ санъ Кардинальскій. Крови Господней пріобщается Папа съ помощію золотой трубочки, и отдаетъ чашу упомянутымъ двумъ Кардиналамъ, которые поспавляютъ ее на жерпвенникъ. Послѣ обѣдни относятъ Папу въ прежнемъ порядкѣ къ преддверію церкви Святаго Петра, гдѣ онъ даетъ благословеніе *Апостольское городу и всему міру, ubi est orbis*. Церемонія сія весьма прогательна; извѣстный Вальполь, бывшій свидѣтелемъ оной, признается, что во все время ея продолженія онъ былъ истиннымъ Капюликомъ.

25 го Декабря Г. Бонапарте давалъ спускную аудіенцію многимъ Князьямъ Нѣмецкимъ и другимъ знатымъ особамъ. Въ рѣчи, произнесенной Наполеономъ къ Депутаціи Гельветической Республики, упомянуто между прочимъ: „Я глава Имперіи — слѣдственно покровитель Швейцаріи; въ качествѣ посредника, я другъ ея. Гельвеція сохранитъ свое спокойствіе, выполняя въ точности акты посредничества, котораго цѣль есть ея счастье; никакая партія, составившаяся въ Швейцаріи, не должна надѣяться на покровительство своего посредника. Франція не считаетъ нужнымъ укрѣплять границы

свои противъ Швейцаріи; въ вѣрности гражданъ она полагаетъ свою зацѣпу. Франція признала выгоднымъ для себя заключить союзъ съ Гельвеціею; потому что она увѣрена въ добродушіи гражданъ ея и въ преданности ихъ Французской націи.“

Въ 27 й день Декабря открыто засѣданіе Законодательнаго корпуса. По офіціальному приглашенію Г-на Бонапарте, Члены собрались въ 11 часовъ въ залу засѣданія. Въ полдень громъ пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ прибытіе Г-на Бонапарте, которому предшествовали Депутаты отъ Сенапа, отъ Трибунала и отъ Государственнаго Совѣта. При появленіи Наполеона, сопровождаемаго Лудовикомъ, Іосифомъ и великими Чиновниками, Камбасересомъ и Лебрюномъ, раздались въ залѣ возклинанія: *да здравствуетъ*, и проч. Когда Наполеонъ возсѣлъ на угошованномъ великолѣпномъ престола, въ то время Іосифъ потребовалъ отъ Членовъ Законодательнаго корпуса присяги. Квесторъ называлъ поимянно Членовъ, и каждой изъ нихъ долженъ былъ прокричать: „клянусь въ томъ, что буду повиноваться Конституціямъ Имперіи; клянусь быть вѣрнымъ Императору!“ По окончаніи сего обряда Г. Бонапарте, вставъ съ трона, произнесъ къ

Законодательному корпусу Рѣчь, которая будетъ помѣщена въ слѣдующемъ номерѣ Вѣспника Европы. Президентъ съ двадцатью Депутатами провожалъ Г-на Бонапарте до самыхъ воротъ, а возвратясь въ залу, предложилъ корпусу собраться въ слѣдующій день для сочиненія отвѣта на Слово Наполеона.

На другой день Генералы морскіе и сухопутные угощали въ залѣ Олимпійскаго Театра всю фамилію Г-на Бонапарте, исключая Гозефины, которая за слабоспію здоровья не могла присутствовать на балѣ.

Оплагаемъ до слѣдующаго Номера донесеніе Министра внутреннихъ дѣлъ Г-на Шампаньи, читанное имъ при засѣданіи Законодательнаго корпуса. 31 го Декабря, донесеніе, въ которомъ предлагается отчетъ о настоящемъ состояніи Франціи въ разныхъ ея отношеніяхъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ.

Не смотря на то, что въ Государственномъ Совѣтѣ отвергнуто предложеніе объ уничтоженіи календаря революціоннаго, въ 1 й день Января Г. Бонапарте принималъ поздравленія съ новымъ годомъ. Почти непрерывныя торжества и праздники не препятствуютъ / неупомимому Наполеону заниматься выдумываніемъ новыхъ переменъ и плановъ. Между тѣмъ,

какъ Папа вмѣстѣ съ Курфирстомъ Архиканцлеромъ прудится надъ соспавленіемъ Конкордаша для Германіи, Г. Бонапарте готовился рѣшить судьбу Италіи, то есть, объявить права свои на ея жителей. Маршалъ Бернадошъ назначенъ командовать арміею въ кончающейся Италіанской Республикѣ; Іосифъ Бонапарте равнымъ образомъ назначенъ играть важную роль. Теперь еще навѣрное не извѣстно, что послѣдуетъ съ симъ Государствомъ; жаркой разговоръ о немъ Римско-Императорскаго Посланника Графа Кобенцля съ Г-мъ Бонапарте подаютъ поводъ къ разнымъ заключеніямъ.

Объ учрежденіи Регентства въ Англіи ничего не слышно. По крайней мѣрѣ не сумнѣваются о приближающейся эпохѣ новыхъ переменъ въ Министерствѣ. Примиреніе Питта съ Аддингтономъ подаютъ поводъ къ сему ожиданію. Самъ Король, отлично уважающій Аддингтона, принимаетъ участіе въ окончаніи несогласій, существовавшихъ между двумя Полипиками. Сказываютъ, что Лордъ Горровби званіе Государственнаго Секретаря иностранныхъ дѣлъ сдася Лорду Гакесбури, копорой и прежде опправлялъ сію должность. Г. Аддингтонъ получитъ мѣсто

Президента въ Тайномъ Совѣтѣ. Г. Йоркъ опять будетъ военнымъ Секретаремъ, а Лордъ Камденъ и Герцогъ Поршландъ сложатъ съ себя свои званія. Равнымъ образомъ произойдутъ перемѣны и въ Ирландскомъ Министерствѣ. — Оппозиція ожидаетъ съ нетерпѣніемъ открытія Парламента. Увѣряютъ, что она раздѣлилась на три части: первая нападетъ въ Нижнемъ Парламентѣ на Г - на Пиппа, будетъ охуждать нынѣшнее состояніе войска и бить о зашщненіи Королевства; вторая въ Верхнемъ Парламентѣ вооружится противъ Лорда Мельвиля за флотъ; третья закричитъ въ обоихъ Парламентахъ противъ била, предполагаемаго въ пользу Ирландскихъ Каполиковъ. Думаютъ также, что война съ Испаніею подаетъ причины къ жаркимъ спорамъ. — Между тѣмъ, какъ Англичане приводятъ въ приспани свои многіе корабли Испанскіе, послѣднееполученныя въ Гамбургѣ письма разпространили слухъ, будто Король Англійскій повелѣлъ освободить всѣ Испанскіе корабли, исключая одного, которой дерзнулъ не повиноваться законамъ. Еще не знаютъ причины, заставившей приступить къ симъ мѣрамъ; но думаютъ, что всупленіе Аддингтона въ Министерство произвело сію перемѣну; извѣстно, что Ад-

дингтонъ не хотѣлъ войны съ Испаніею. — Всеобщее вниманіе Публики обращено теперь на вооруженіе эскадры для нѣкоторой экспедиціи. Кажется, что она назначается или для защищенія Португалліи отъ Испанцевъ и Французовъ, или, если дойдетъ дѣло до разрыву съ сею Державою, для завладѣнія Бразиліею: Португаллія не можетъ сохранить неупралишета при нынѣшнихъ обспоятельствахъ и непременно должна будетъ взять одну какую нибудь спорону.

Въ портахъ Испанскихъ господствуетъ необыкновенная дѣятельность. При Сень-Рошѣ собирается большая армія; рекрутской наборъ производится съ неупомимоспійю, и нѣкоторыя полки милиціи двинулись съ мѣста. Правительство Испанское съ помощію Французовъ хочетъ употребить всѣ возможныя усилія для опнятія у Англичанъ крѣпости Гибралтарской, кошорою они владѣютъ уже сто лѣтъ. Сказываютъ, что 100,000 человекъ послано будетъ для произведенія въ дѣйство сего предпріятія, и что главнсе начальство надъ ними поручено будетъ Французскому Маршалу Г-ну Мюра.

Сербы въ началѣ осени посылали отъ себя Депутацію къ Портѣ, для объявленія, что они при всѣхъ угнетеніяхъ, какія терпѣли, совсѣмъ не помышляли свергнуть съ себя иго повиновенія Султану, и что корысполубіе и тиранство Губернаторовъ заставило ихъ поднять оружіе для своего защищенія. Порта обѣщала сдѣлать всевозможное облегченіе въ ихъ жребіи и пославши надъ ними Губернатора Христіанскаго исповѣданія. Теперь вновь присланная Депутація подала Султану прошеніе, въ которомъ объявлено желаніе, чтобы Сербія возведена была на степень Княжества, и управлялась бы, подобно Молдавіи и Валлахіи, собственнымъ своимъ Княземъ Греческаго исповѣданія. Въ слѣдствіе того Султанъ попребовалъ мнѣнія отъ Дивана, въ которомъ было уже нѣсколько разъ разсуждаемо о семъ предметѣ; кажется, что Порта удовольствовалась прошеніемъ Сербовъ. Между тѣмъ отправленъ курьеръ къ Воложскому Господарю Князю Ипсилянши, отъ котораго равнымъ образомъ требуется мнѣніе. — Маршалъ Брюнъ все еще находится въ Конспаншинополѣ и все угрожаетъ Портѣ своимъ отъѣздомъ. Не смотря на то, онъ не получилъ никакого отвѣта на послѣднюю свою Ноту. Въ особомъ письмѣ, писанномъ

къ великому Визирю, онъ жестоко жалуется на упрямство Турецкихъ Министровъ, и на то, что Порта позволяетъ проходить черезъ каналъ чужестраннымъ войскамъ. Г. Брюнъ, по видимому, хочетъ, чпобы Пор-та, изъ уваженія къ особѣ Г-на Бонапар-ше, нарушила свои договоры.

Привезенной изъ Египта большой гробъ, въ которомъ, какъ думаютъ, сокрытъ прахъ Александра Великаго, пославленъ въ Бриштанскомъ Музеумѣ. Г. Кларкъ, извѣстный путешественникъ своимъ по Во-стоку, написалъ замѣчанія, въ которыхъ изъясняются причины, заславившія его принять сѣ мнѣніе.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ 1805.

№ 4.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

*Мщеніе. Историческая повѣсть
А. Лафонтена (*).*

„Развѣ я несчастливъ?“ говорилъ высоко-
мѣрный Періандеръ мудрому Медону: „раз-
вѣ безъ твоей спрогой добродѣтели не могу
быть счастливымъ?“ Медонъ смотрѣлъ на
него съ чувствомъ состраданія и въ мол-
чаніи попрясалъ сѣдою свою головою. Пе-
ріандеръ непремѣнно требовалъ отвѣта.
„Обладатель Коринеа!“ кропко отвѣчалъ

(*) Содержаніе взято изъ IIIй книги Геро-
дотовой Исторіи. Повѣсть сія, новая для
Россійской Публики, не почитается новою
въ Германіи. Издатель принужденъ былъ
помѣстить ее здѣсь по тому, что не по-
лучилъ многихъ иностранныхъ Журналовъ.
№ 4. 1

Медонъ: „боги сдѣлали все, что нужно для твоего благоденствія. Коринѣ въ твоей власпи; ты имѣешь любящую тебя супругу, имѣешь дѣтей, деспойныхъ любви твоей. Чего оспается желаніе смертному въ сей жизни? Но въ сердцѣ твоемъ обитаетъ злой демонъ, нарушающій благо твое — духъ неукротимой мспительности. Ты недостойнъ наслаждаться своимъ счастьемъ, и скоро потеряешь его, если не перестанешь тиранствовать. Коринѣ обжалъ тебя, когда ты былъ истиннымъ Государемъ; ты захопѣлъ содѣлаться еще большимъ, началъ утѣснять подданныхъ — и Коринѣ ненавидитъ тебя. О Періандеръ! будь дсбрымъ супругомъ, добрымъ отцемъ! Сладостныя ощущенія челоѣколюбія не извѣстны твоему сердцу; ты хочешь только властвовать — и отъ того ты несчастливъ.“ Періандеръ улыбнулся.

Кроткая Мелисса любила гордаго своего супруга, знала мспительный нравъ его и шрепечала отъ его жестокоспи. Она воспитана была въ Эпидаврѣ вмѣстѣ съ Эразиномъ, ближнимъ родственникомъ, и въ сердцѣ своемъ питала къ нему чувствительной дружбы. По прибытіи Эразина въ Коринѣ, Мелисса съ радостными слезами на глазахъ, съ непорочною братскою любовью, приняла его въ свои объятія.

Въ сію минушу гордость и мщеніе пробудились въ душѣ Періандера; въ глазахъ его засверкала ярость. Онъ думалъ, что Мелисса не должна любить никого, кромѣ своего мужа. Добрая Мелисса, не примѣтивъ движенія Періандера, ухватила за руку юношу и голосомъ нѣжнымъ спросила его: „Ты не забылъ еще, Эразинъ, какъ любили мы другъ друга въ нашемъ дѣтствѣ?“ Тутъ напонила она о счастливыхъ дняхъ младенчества и молодости, объ играхъ дѣтскихъ, о забавахъ, о разлукѣ. Потомъ подвела юношу къ своему супругу и сказала: „Періандеръ! люби, люби моего друга!“ Періандеръ молчалъ. Ярость и мщеніе кипѣли въ душѣ его.

„Мелисса! кого любишь ты, кромѣ меня?“ съ холодностію спросилъ онъ свою супругу, будучи наединѣ съ нею. — Люблю дѣтей моихъ. — „Потомъ? . . .“ — Потомъ моего бапюшку. — „А еще?“ — Люблю Эразина, моего родственика. — „Посмотримъ; кого ты любишь болѣе“ — сказалъ Періандеръ, вырываясь изъ ея объятій.

На другой день, сидя за столомъ, Эразинъ внезапно поблѣднѣлъ, повалился на землю, и вскричавъ: „о боги! ядъ!“ — умеръ. Періандеръ бросилъ значительной взглядъ на Мелиссу, которая въ опчаяніи

упала на бездушную трупъ, рыдала, повторяла имя любезнаго своего родственника и обливала его горячими слезами. Періандеръ, поднявъ Мелиссу, отвелъ ее въ другую комнату къ дѣтямъ; но Мелисса была неутѣшна. Гордый, нечувствительный тиранъ желалъ невозможнаго, желалъ, чтобы Мелисса успокоилась. „Я приготовилъ для него ядъ,“ сказалъ онъ съ равнодушіемъ, взявъ ее за руку: „слѣдственно тебѣ неприспойно оплакивать смерть его.“ — „Ты?“ вскричала изумленная Мелисса, вырываясь отъ него: „гнусной убійца! что онъ сдѣлалъ тебѣ?“

Періандеръ, бросивъ на нее дикой, яростной взглядъ, немедленно удалился. Ревность и довѣренность, любовь и ненависть, сильно боролись въ душѣ его. Гордость его требовала смерти Мелиссы — сердце его трепетало при сей мысли. „Мелисса!“ говорилъ ей честлюбивый тиранъ: „Мелисса! скажи, что ты ненавидѣла его — я забуду слезы, пролитыя обою.“ — Я любила его, съ твердостію отвѣчала Мелисса, поднявъ руки къ небу: онъ былъ мой другъ! я любила его!

Мстительная гордость тирана требовала крови, а любовь къ Мелиссѣ удерживала его руку. Онъ не довѣрялъ собствен-

ному своему сердцу. Пламя ревности пожирало его; любовь была его мучительницею.

Прошекъ цѣлой мѣсяцъ въ семь колебаніи. Въ одно утро — терзаніе совѣсти заспавляло его рано просыпаясь — въ одно утро онъ увидѣлъ супругу свою, въ печальной одеждѣ споящую на колѣняхъ у Эразиновой гробницы и прижимающую хладный мраморъ къ своему сердцу. Сіе зрѣлище воспалило въ немъ ярость и ненависть. Онъ беретъ съ собою дѣтей, и поспѣшно ведетъ ихъ въ садъ, гдѣ мать ихъ находилась. „Мелисса!“ говоритъ онъ дикимъ голосомъ: „прости съ дѣтьми; они ѣдутъ въ Эпидавръ къ твоему отцу.“ Мелисса, взглянувъ на супруга, прочитала смертной приговоръ на себя въ глазахъ его. „Понимаю. . .“ отвѣчала она, обнимая дѣтей своихъ, которыхъ вѣрно было надзирапельницѣ отвести обратно въ чертоги.

Періандеръ оспался наединѣ съ Мелиссою. „Что ты понимаешь?“ спросилъ онъ съ яростію. — Что мнѣ должно умереть, отвѣчала Мелисса. — „Невѣрная! совѣсть твоя говоритъ, что ты заслужи- ваешь.“ — Нѣтъ; твой взглядъ. — „Кляни тѣнь несчастнаго!“ — Періандеръ! могу ли проклинать того, кто любилъ меня съ братскою нѣжностію? — Мелисса, про-

износя слова сїи, наклонилась на гробницу и обняла холодной мраморъ. — „И теперъ! въ моемъ присущствїи,“ вскричалъ жестокой, поднявъ руку съ кинжаломъ: „ты смѣешь обнимать памятникъ нарушителя моего покоя!“ и съ послѣднимъ словомъ воцзилъ смертоносное орудіе въ грудь ея. „Перїандеръ!“ произнесла несчастная: „я любила тебя, а ты . . . ты меня умерщвляешь!“ Она просперла къ нему свои объятїя, упала на землю и — скончалась.

Перїандеръ закричалъ отъ ужаса; Фурїи овладѣли его сердцемъ. Онъ бросилъ кинжалъ на землю и постѣшно удалился. Любовь и печаль опянь привели его къ бездушному трупу Мелиссы. Онъ хотѣлъ умертвить себя; подоспѣвшіе люди вырвали изъ рукъ его орудіе смерти.

Перїандеръ, счастливый обладатель Коринѳа, былъ — несчастенъ; тѣнь Мелиссы вездѣ за нимъ слѣдовала. Спокойствїе навсегда отъ него сокрылось; невинныя игры малолѣтней дочери его, носящей на себѣ имя матери, не могли разсѣять его скорби. Кормилица оставила Мелиссу въ Коринѳѣ, за слабостию ея здоровья; а оба сыновья отправлены были въ Эпидавръ къ Проклесу, ихъ дѣду и владѣтелю города.

Неуспѣшный Періандеръ медленно проводилъ дни свои въ Коринѣ. Мудрый Медоръ часто напоминалъ ему: видишь ли, что человекъ безъ любви подверженъ всѣмъ ударамъ судьбины? Не боги опіяли у тебя Мелиссу; нѣтъ, гордость и честолюбіе суть причины твоего несчастія.

Слова сіи поколебали высокомерное сердце Періандрово, но не убѣдили его. Время изцѣлило душевную скорбь его, а богатыя жертвы примирили его съ тѣнію Мелиссы. Онъ забылъ свое преступленіе, и занявшись мечтами своего величія и любовью къ дочери, опянь сдѣлался счастливымъ. Но боги, управляющіе вселенною, не забыли его заодѣянія. Они опредѣлили, чтобы Періандеръ подъ ударами судьбы научился быть человекомъ.

По прошествіи многихъ лѣтъ, онъ попребовалъ отъ Проклеса, отца Мелиссы, чтобы дѣти его были присланы въ Коринѣ, для наставленія ихъ въ наукѣ управлять Государствомъ. Проклесъ зналъ, что Періандеръ умертвилъ свою супругу, зналъ и — молчалъ, боясь жестокости и могущества тирана. Осиротѣвшій старецъ находилъ утѣшеніе въ дѣтяхъ Мелиссы. Тайна вылетѣла изъ устъ Проклеса въ то самое время, когда онъ прощался со своими внуками въ день ихъ отъѣзда. „Любезные

дѣти!“ сказалъ онъ : „незабвенная Мелисса, ваша мать . . .“ — Онъ смотрѣлъ пристально на юношей и не могъ окончить.

„Что такое?“ воскричалъ Ликофронъ, младшій внукъ его : „мать моя Мелисса . . . твой голосъ . . . говори . . . что такое?“

„Она умерщвлена!“ отвѣчалъ спарецъ.

„Умерщвлена? Скажи, скажи, кто ея убійца? Правосудные боги! кто ея убійца?“

Старикъ пререпалъ. Онъ хотѣлъ замолчать; но непреодолимая сила изпоргла изъ успъ его слова : „опецъ твой!“

Юноша закрылъ лице мантіею, склонился на грудь своего дѣда и споялъ подобно окаменѣлому. Спарецъ дрожащими руками снялъ покрывало съ блѣднаго лица его и всячески спарался утѣшить юношу. Ликофронъ долгое время хранилъ безчувственное молчаніе, наконецъ произнесъ рѣшишельно : „не хочу видѣть его; останусь здѣсь!“ Дѣдъ убѣдительно доказывалъ, что должно повиноваться. Ликофронъ согласился и съ разперзанною душою отправился въ дорогу.

Мелисса любила Ликофрона болѣе всѣхъ дѣтей своихъ. Бдучи, онъ безпрестанно думалъ о ней, о ея добродѣтеляхъ, о ея смерти, о ея убійцѣ — опцѣ своемъ, — и сердце его каменѣло опъ ужаса. Природа одарила его душевными силами и чув-

спвомъ своего достоинства, а примѣръ Проклеса сдѣлалъ его благороднымъ и великимъ. Онъ имѣлъ всѣ добрыя свойства отца своего, но съ лучшею способностію управлялъ ими. Его братъ, юноша слабый и легкомысленный, не могъ сравниться съ нимъ ни по душѣ, ни по сердцу.

Они прибыли въ Коринѣ. Періандеръ много разъ уже слышалъ отъ путешественниковъ о благородныхъ качествахъ Ликофрона. Съ чувствомъ любви отеческой онъ поспѣшилъ выдти на встрѣчу своимъ дѣтямъ. Издали онъ узнавалъ уже младшаго сына, по его геройскому виду, по величественной поступи, по гордой физиономіи. Старшій сынъ бросился въ объятія родителя; Ликофронъ, поспуивъ взоры, споялъ передъ нимъ неподвижно. „Доброй, благородной Ликофронъ!“ говоритъ отецъ, простирая къ нему свои объятія. Сынъ съ ужасомъ отступилъ назадъ и не произнесъ ни слова. — „Ты не хочешь обнять своего отца?“ Юноша молчитъ. Періандеръ возвращается въ чертоги. Ликофронъ съ поникшими взорами идетъ подлѣ его. Увидѣвъ вышедшую на встрѣчу сестру свою, онъ бросился въ ея объятія и съ горестію произнесъ: „несчастливая сестра! несчастные братья!“ Отецъ прижалъ его къ своему сердцу; Ликофронъ

далъ обнять себя, не смотря на Періандера, и храня молчаніе.

Періандеръ разстался съ сыномъ своимъ со внутреннимъ безпокойствомъ, съ какимъ-то предчувствіемъ несчастія. Ликофронъ пошелъ къ гробницѣ Мелиссы, вросился передъ нею на колѣна и цѣлой часъ пробылъ въ семъ положеніи, проливая горячія слезы. Увидѣвъ отца своего, идущаго къ себѣ съ разпростертыми объятіями, онъ вспалъ, указалъ рукою на гробницу Мелиссы и въ безмолвіи возвратился въ черпоги.

Ликофронъ три дни жилъ въ домѣ отца своего, не произнося ни одного слова. Періандеръ всѣ способы употреблялъ для примиренія съ нимъ; тщетно! Ликофронъ не отвѣчалъ, не смотрѣлъ на него. Наконецъ гордость отца и Государя пробудилась въ сердцѣ Періандера. Онъ привелъ сына своего къ порогу дома, и спросилъ его: „будешь ли повиноваться своему родителю?“ Молодой человекъ отвѣчалъ рѣшиительно: „нѣтъ!“ — Если такъ — вскричалъ разъяренный Періандеръ — то оставь навсегда домъ мой и не называйся моимъ сыномъ! — Ликофронъ переступилъ черезъ порогъ и вышелъ на улицу.

„Развѣ я долженъ унижаться передъ своимъ равнымъ мальчикомъ?“ говорилъ раз-

гнѣванный Періандеръ. „Хорошо! пусть родственная связь навсегда разорвется между нами!“ Тупъ онъ услышалъ отъ младшаго своего сына о послѣднемъ разговорѣ Ликофрона съ Проклесомъ. Сердце его было въ сильномъ движеніи, но гордость торжествовала надъ совѣстію. Всѣмъ жителямъ Коринѳа запрещено было принимать Ликофрона въ дома. Бѣдный изгнанникъ ходилъ по городу и нигдѣ не находилъ пристанища. Ему совѣщали помириться съ опцемъ — Ликофронъ не отзывчалъ ни слова. Наконецъ одинъ пріятель Проклесовъ далъ ему убѣжище въ своемъ домѣ, гдѣ и жилъ онъ въ печальномъ уединеніи.

„Мщеніе правосудныхъ боговъ!“ говорилъ Медонъ. — „Буйство упрямаго сумазброда!“ говорилъ Періандеръ. Герольды провозгласили въ Коринѳѣ повелѣніе Государя: „кто приметъ къ себѣ въ домѣ Ликофрона, сына Періандрова, или кто дерзнетъ вступать въ разговоръ съ нимъ; того имѣніе отдано будетъ жрецамъ Аполлона.“ Ликофронъ, услышавъ объявленіе Герольдовъ, въ молчаніи оставилъ домъ своего гостепрїимца, пошелъ на публичную площадь, и тамъ провелъ три дни безъ пищи и почивъ подъ открытымъ небомъ

Періандеръ тщетно надѣялся преодолѣть упрямство своего сына; гордость должна была уступить любви родительской. Въ четвертой день Періандеръ самъ рѣшился идти на площадь. Ликофронъ лежалъ на землѣ въ крайнемъ изнеможеніи отъ печали и голода. Блѣдное лице его склонилось на грудь, погасшіе взоры устремлены были въ землю. Сердце Періандера облилось кровію, когда онъ увидѣлъ сына своего въ семъ положеніи. Подошедъ тихо къ Ликофрону, и окинувъ его глазами съ головы до ногъ, онъ произнесъ голосомъ умоляющимъ: „Сынъ мой! любезный сынъ! боги правосудны, но ты несправедливъ противъ меня и противъ себя самаго! Такъ, я сдѣлалъ проступокъ; но тебѣ ли прилично быть моимъ судіею? Возвратись въ домъ мой. Теперь ты знаешь, на что можетъ рѣшиться огорченный родитель; оспаривая тебѣ воспользоваться симъ наставленіемъ и учишься быть счастливымъ, живучи въ домѣ отеческомъ. Пойдемъ.“ Ликофронъ не отвѣчаетъ. — „Говори!“ — Молчаніе. — „Злодѣй! отвѣчай на слова мои!“ — вскричалъ разъяренный Періандеръ.

Ликофронъ слабымъ голосомъ произнесъ: „имѣніе твое принадлежитъ жрецамъ Аполлоновымъ; ты начинаешь говорить съ несчастнымъ сыномъ Мелиссы.“ Отецъ

счелъ колкою насмѣшкою слова сіи, копорыя излились изъ огорченнаго сердца и были не что иное, какъ упрекъ справедливый. „Никогда не являйся на глаза мои, чудовище!“ съ яростію вскричалъ Періандеръ, и возвратился въ свои черпоги. Ликофронъ оспался въ прежнемъ положеніи, спокойно ожидая смерти. Никто изъ Коринтянъ не отваживался помочь опверженному. Одинъ молодой человекъ, родомъ изъ Корѣиры, по имени Агапонъ, въ глухую полночь принесъ пищу Ликофрону. Онъ приподнялъ вверхъ несчастнаго, укрѣпилъ его виномъ и хлѣбомъ, и слезами состраданія оросилъ его выю. Ободренный Ликофронъ, лежа на груди чужестранца, заключилъ съ нимъ союзъ вѣчной дружбы.

Вдругъ они услышали шорохъ отъ приближающагося къ нимъ человека. Это была Мелисса, сестра Ликофронова. „Любезная сестра! почитай въ Агапонѣ моего друга; онъ спасъ жизнь мою, а опецъ...“ — Въ сильномъ гнѣвѣ своемъ, прервала Мелисса, онъ рѣшился ожидать своей смерти. — „Я спасу его,“ сказалъ Агапонъ, подавая руку, которую Мелисса прижала къ своему сердцу. „Я спасу тебя, Ликофронъ!“ повторилъ чужестранецъ: „или умру вмѣстѣ съ тобою.“ При сихъ сло-

вахъ , Мелисса , пронушая великодушїемъ Агапона , бросилась къ нему въ объятїя. Сдѣлавъ нужныя условїя о спасенїи жизни Ликофрона , Мелисса , въ сопровожденїи чужеспранца , возвратилась въ домъ свой. „Какимъ образомъ извѣщу тебя о спасенїи брата?“ спросилъ ее чужеспранецъ. „Каждое утро я гуляю въ саду ,“ отвѣчала Мелисса. „Ожидай меня посабъ спатуи Фауна , стоящей передъ кустарникомъ.“

Въ слѣдующую ночь Агапонъ принесъ пищу своему другу. Корабль, приготовленный для отвезенїя Ликофрона въ Корциру, споялъ въ пристани , ожидая попутнаго восточнаго вѣтра. Наспало благопрїятное время отплытїя ; Агапону надлежало увѣдомить Мелиссу. Подходя къ назначенному кустарнику , онъ увидѣлъ женщину подъ покрываломъ , идущую къ нему на встрѣчу , и опважился произнести имя Мелиссы. Агапонъ оцепенѣлъ отъ радостнаго изумленїя , когда незнакомка сняла съ себя покрывало.

Молодой человекъ увидѣлъ въ первый разъ Мелиссу во храмѣ Нептуна , когда она въ день праздника , совершаемаго въ честь сего бога , танцовала вмѣстѣ съ другими дѣвушками ; онъ не сводилъ глазъ съ прелесной незнакомки , и съ тѣхъ поръ любовь овладѣла его сердцемъ. Будучи внѣ

себя отъ восхищенія, занимаясь милымъ предметомъ своихъ восторговъ, онъ не позаботился узнать имя красавицы; между тѣмъ двѣ девушки вдругъ скрылись. Онъ нигдѣ болѣе не встрѣчался съ Мелиссою, ни во храмахъ, ни на празднествахъ. Съ того времени онъ жилъ въ Коринѣ, повсюду нося печаль въ своемъ сердцѣ; собственное несчастіе заставило его познакомиться съ несчастнымъ Ликофрономъ.

„О Боги! это ты другъ души моей!“ вскричалъ Агапонъ, увидѣвъ лице Мелиссы, и съ трепетомъ преклонилъ колѣна передъ нею. Мелисса съ безпокойствомъ всматривалась въ Агапона, удивляясь его пылкости. „Кажется, я видѣла тебя... въ день праздника Нептунова... во храмѣ...“ — Такъ, Мелисса! и съ того дня началось мое несчастіе, съ того дня горестъ поселилась въ душѣ моей. — „А братъ мой?“ спросила Мелисса, покраснѣвши отъ замѣшательства. — „Сего дня или завтра отправится со мною въ Корциру. Тамъ онъ будетъ моимъ братомъ. Теперь союзъ священнѣйшій соединяетъ меня съ Агапономъ — любовь непорочная къ сестрѣ его.“ — Корцира находится подъ властію моего родителя. — „Не бойся, Мелисса! мы будемъ жить въ спокойной неизвѣстности и уединеніи, будемъ жить въ обѣщаніяхъ

нѣжной дружбы, можетъ быть, и вѣрной любви, если боги услышатъ мои молитвы.“ Онъ ухватилъ руку Мелиссы, и оросилъ-ее горячими слезами.

„Прежде спаси моего брата,“ сказала Мелисса, пошупляя взоры: „а потомъ“... Дѣвическая стыдливость не дозволила ей кончить. Ей надлежало съ поспѣшностію возвратиться въ чертоги своего родителя.

Агапонъ, объятый чувствомъ своего блаженства, долго стоялъ неподвижно, прежде нежели рѣшился выйти изъ саду. Вечеру дулъ попутной вѣтръ; положено, чтобы въ слѣдующую ночь предпринять путешествие. Мелисса еще разъ пришла на площадь, въ то самое время, когда Агапонъ и Ликофронъ хотѣли идти къ пристани. Она обняла своего брата, соединила руки юношей, и сказала: „обѣщайтесь быть вѣрными другъ другу до смерти!“ — Клянемся! — былъ отвѣтъ молодыхъ друзей. „А ты, Мелисса?“ спросилъ Агапонъ дрожащимъ голосомъ, взявъ ее за руку. Темнопа ночи ободряла Мелиссу; она прижала его къ своему сердцу и сказала: „клянусь быть вѣрною до смерти!“ Агапонъ повторилъ слова ея.

Ликофронъ въ ту же ночь разстался съ Коринеомъ; черезъ три дни онъ прибылъ въ Корциру, подъ именемъ уроженца

изъ Іоніи, и поселился въ загородномъ домѣ Агапоновомъ.

Періандеръ, получивъ извѣстіе о бѣгствѣ сына своего, притворился жестоко раздраженнымъ, а внутренно благодарилъ боговъ за то, что спасли его отъ гибели. Онъ думалъ, что желаніе сдѣлаться обладателемъ Коринѳа заспавитъ Ликофрона раскаяніемъ въ прежнемъ упрямствѣ. Прошелъ годъ; Періандеръ не получаетъ о сынѣ своемъ никакого извѣстія. Тщетно старался онъ развѣдывать объ его участи, и наконецъ заключилъ, что Ликофрона нѣтъ уже на свѣтѣ. Тушъ исчезла вся Періандрова бодрость. Старшій сынъ его былъ слишкомъ слабъ для поддержанія колеблющагося престола Коринѳскаго, котораго твердою опорой могъ бы быть разсудительный, отважный Ликофронъ. Граждане Коринѳскіе не могли скрывать внутреннее веселіе свое, видя, что здоровье Періандера часъ отъ часу ослабѣвало, и Періандеръ чинилъ во взорахъ ихъ нескромную радость. Тогда съ ужасомъ онъ вспомнилъ слова Делфійскаго Оракула, предсказавшаго несчастіе дѣтей его. Гордость и честолюбіе пирана совершили горесипное провѣщаніе. Прежде онъ радовался, видя печаль и страхъ на лицахъ гражданъ Коринѳскихъ; нынѣ самъ препеналъ,

думая о бѣдственномъ своемъ положеніи, и желалъ бы снискашь любовь подданныхъ, которыхъ до того времени презиралъ и ненавидѣлъ.

„Теперь не видишь ли,“ сказалъ Медонъ: „что любовь пріятнѣе и полезнѣе страха?“ — Періандеръ, спараясь скрыть внутреннее движеніе, бросилъ на спарика гордой взглядъ. „Кориневъ,“ отвѣчалъ онъ: „долженъ всего спрашиваться отъ моего гнѣва, если дерзнетъ не повиноваться.“ — Спрашиваться! отвѣчалъ Медонъ: безпрестанно одно и то же! спрашиваться! Твоя супруга спрашивалась тебя — и съ нею вмѣстѣ ты умертвилъ счастье своей жизни. Дѣви трепещутъ передъ тобою — и ты лишился упѣхи и подпоры своей славы. Кто же будетъ любить тебя, когда всѣхъ ты заставаешь бояться? — Періандеръ смутился и началъ помышлять о средствахъ укрѣпить колеблющійся престолъ свой.

Аиѳіонъ, единственная отрасль Бакхидовъ, прежнихъ обладателей Коринѳа, человекъ неистовый и грубый, помнилъ о правахъ своихъ на престолъ, но не имѣлъ довольно ума и отважности, чтобы рѣшиться на выгодное предпріятіе. Періандеръ на него обратилъ вниманіе, вознамѣрился выдать за него Мелиссу, и осна-

вить ему въ наследство престолъ Коринеской. Объявивъ Амфіону свою волю, онъ пошелъ къ Мелиссѣ, которая занималась своими мечтами. „Опредѣляю тебѣ бытъ супругою Амфіона,“ сказалъ Періандеръ своей дочери повелительнымъ голосомъ. Мелисса поблѣднѣла, бросилась къ ногамъ родителю, и заклинала его не дѣлать ее несчастною. — „Несчастною? Ты будешь сидѣть на престолѣ Коринескомъ.“

Мелисса съ рыданіемъ призналась отцу въ любви своей къ Агапону и въ томъ, что она поклялась бытъ ему вѣрною до гроба. „Безразсудная!“ сказалъ Періандеръ хладнокровно: „я разрываю вашу связь.“ — Я умру! съ ужасомъ вскричала Мелисса. — „Умри — но будь послушна.“ — Родитель мой! вспомни о Ликофронѣ! ты самъ виновною смерти дѣтей своихъ. — „Лучше лишись дѣтей, нежели угождать ихъ прихотямъ!“ — Ликофронъ живъ! я знаю мѣсто его пребыванія; ему принадлежитъ престолъ Коринеской. — „Онъ живъ?“ спросилъ изумленный Періандеръ: „скажи, гдѣ онъ?“ — Никакія угрозы не могли принудить Мелиссу открыть тайну ея до шѣхъ поръ, пока Періандеръ не поклялся оставить выборъ жениха на ея волю. Тогда она объявила отцу своему о пребываніи Ликофрона въ Корцирѣ и объ имени, подѣ

которымъ онъ жилъ на семь островъ. Періандеръ немедленно отправилъ Герольда къ сыну своему и повелѣлъ объявить ему, что престолъ ожидаетъ его въ Коринѣ. Ликофронъ, которой не могъ забыть о жестокости отца своего, осудившаго сына на голодную смерть, съ твердостью отвѣчалъ Герольду: „я не сынъ Періандера!“

Герольдъ прибылъ въ Коринѣ съ сею вѣстію. Періандеръ послалъ въ Корциру дочь свою для убѣжденія Ликофрона къ примиренію. Съ полною увѣренностію въ успѣхѣ, Мелисса отправилась въ назначенное мѣсто, желая какъ можно скорѣе принести брату — вѣнецъ, а его другу — сердце. Ликофронъ и Агапонъ съ восхищеніемъ встрѣпили Мелиссу, но братъ ея остался непреклоннымъ. — „Я не сынъ Періандера!“ сказалъ онъ съ горестію: „онъ осудилъ меня на голодную смерть. Клянусь богами въ помъ, что никогда не соглашусь его видѣть!“ — Ликофронъ! отвѣчала сестра его умоляющимъ голосомъ: боги, смягчивъ сердце родителя, не прощаютъ сыну его упрямства. Ты добръ и благороденъ; Корцира прославляетъ твои добродѣтели: не уже ли захочешь быть жестокимъ къ отцу своему? Можешь ли огорчаться его безпредѣльною гордостію, когда не умѣешь владѣть своимъ сердцемъ?

Ликофронъ! учись бышь снѣзходительнымъ, если хочешь носить доспойно имя человека. Боги не прощаютъ тѣхъ людей, которые питаютъ злобу къ подобнымъ себѣ; а ты ненавидишь своего родителя. Твое упрямство будетъ стоить ему жизни; но мщеніе правосудныхъ боговъ накажетъ тебя за твою жестокость. Прошу и заклинаю тебя принять совѣтъ мой, и не воздавать зломъ большимъ за зло меньшее. Боги! отецъ и сынъ пылаютъ мщеніемъ! низпошлите въ сердца ихъ сладкое чувство потребности любить другъ друга!“

Слова Мелиссы не сдѣлали никакого впечатлѣнія надъ сердцемъ Ликофрона. — „Нѣтъ, Мелисса! никогда, никогда не возвращусь въ Коринѣ.“ — Жесткою чело-вѣкъ! такъ плашишь мнѣ и своему другу за спасеніе своей жизни! Будь братомъ и другомъ, если не хочешь быть сыномъ; будь благодарнымъ. Счастіе сестры твоей и друга зависитъ отъ сего примиренія. — Ликофронъ вырвался изъ ея объятій. „Я поклялся богами,“ сказалъ онъ: „и исполню обѣтъ свой. Охотно пожертвую за васъ жизнью; но не могу видѣть отца твоего.“

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

II.

*Начертаніе уложенія для Республики
Литтераторовъ.*

Мы, Коммиссары по чрезвычайному случаю собранные въ неутральной области для совѣщанія о начертаніи уложенія для Республики Литтераторовъ, усмотрѣвъ, что упомянутая Республика клонится къ своему упадку и совершенному безначалію, что ея населеніе чрезмѣрно умножилось, что голодъ угрожаетъ ея членамъ, и что необходимо нужно положить конецъ ея неуспройству и могущимъ случиться несчастіямъ, опредѣлили, сочинивъ планъ новаго уложенія, предложить общесвенной Цензурѣ для одобренія, прежде нежели приступлено будетъ къ надлежащему его исполненію.

С п а ш ъ я I.

Каждому ученику или мальчику, вышедшему изъ училища, спрожайше запрещается вступать въ область Республики Литтераторовъ и издавать въ свѣтъ свои сочиненія, переводы и вообще школьныя упражненія. Нарушившіе сіе постановленіе должны вытерпѣть сколько ударовъ линейкѣй по ладонѣ, сколько найдется ошибокъ въ ихъ мараши.

С т а т ь я II.

Недоспигшій до двадцати-пяти-лѣтняго возраста не можетъ быть впущенъ въ сѣнасть Республики. Сѣнасть сія должна быть исполняема во всей точности молодыми людьми, занимающимися прозою: дѣлѣмъ Аполлоновымъ, копорымъ совершилось двадцать лѣтъ опѣ роду, позволяется писать Мадригалы, Букефы двѣповѣ, Приношенія Граціямъ, Поздравленія на новой годѣ родителямъ, однакожь съ условіемъ, чѣобы они наблюдали благоразумную оспорожностъ не печатать своихъ стиховъ, и показывали бы ихъ только коронкимъ своимъ пріятелямъ, копорымъ и предоснавляется полная свобода чинашь и не чинашь упомянушыя сочиненія, и которые не подлежатъ никакому опѣту, если бы не удосноили ихъ своимъ вниманіемъ.

С т а т ь я III.

Всѣхъ молодыхъ людей, живушыхъ въ Провинціяхъ, тайнымъ образомъ уходящихъ изъ домовъ опцевъ своихъ и родспвенниковъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чѣобы, подѣ предлогомъ врожденнаго опвращенія опѣ промысловъ купеческихъ, опѣ званія приказнаго или земледѣльческаго, поселились въ споличномъ городѣ Республики Литтераторовъ, надлежитъ обратню опсылать

въ ихъ дома за карауломъ и имѣть надъ ними строгой присмотръ до ихъ поръ, пока не выучатся ремеслу или промыслу, которымъ занимаются ихъ родители.

Статья IV.

Каждой членъ Республики Литператоровъ обязанъ предъявить письменное свидѣтельство въ томъ, что онъ имѣетъ поспоронній доходъ, и что безъ помощи прибытковъ, получаемыхъ имъ отъ своихъ дарованій и прилѣжанія, можетъ содержать себя приличнымъ образомъ: это нужно для того, чтобы оградить безопасностію честь и достоинство ученой Республики.

Статья V.

Писатель, обличенный въ нарушеніи правилъ благоприсойности и въ оскорбленіи чести своихъ сочленовъ, лишается бумаги, чернилъ и перьевъ на три мѣсяца; впавшій въ другой разъ въ пресупленіе подвергается дѣлые два часа публично терпѣть колкія шутки и насмѣшки женщинъ, торгующихъ рыбою.

Статья VI.

Спихотворецъ, выступившій изъ предѣловъ позволеннаго честоплюбія, играющій роль шарлапана въ мѣстахъ публичныхъ, гнушающійся прозою и прозаическими Авторами, обличенный въ насильственномъ принужденіи кого-либо къ слушанію спи-

ховъ своихъ , подвергается изгнанію изъ области Республики Лишператоровъ ; онъ можетъ получить прощеніе , когда совершенно образумится.

С т а т ь я VII.

Кто, похипивъ у древнихъ или новыхъ Писателей строфу, цѣлой стихъ или періодъ причленный, укрѣпитъ за собою; тотъ повиненъ торжественно возвратитъ похищенное и заплатитъ пени денежную сумму, пріобрѣпаемую двухнедѣльною работою; сумма сія должна быть употреблена въ пользу благодѣльныхъ нищихъ.

С т а т ь я VIII.

Каждому разумному существу, упражняющемуся въ Словесности , въ продолженіе перваго десятилѣтія заграждается безпокоить Римлянъ и Грековъ , и не позволяется писать ничего такого , что описывается къ симъ двумъ народамъ. До назначеннаго срока предписывается воздерживаться отъ покушеній вторгаться въ ихъ владѣнія и искать тамъ добычи. Для достиженія желаемой цѣли, надлежитъ хранить за печатью Древнюю Исторію.

С т а т ь я IX.

Кто напишетъ толстую книгу , содержащую въ себѣ выбранныя мѣста изъ

другихъ сочиненій ; того почитать нарушительцемъ общеспвеннаго покоя и удовольствія. Каждому позволяется такую книгу взвалить на плеча Автору , которой не имѣетъ права жаловаться за умышленное оскорбленіе.

С т а т ь я X.

Мать семейства , которая часто оплучается изъ дома и нерадитъ о своемъ хозяйствѣ , желая въ Республикѣ Литтераторовъ блистать дарованіями , остроуміемъ и глубокомысліемъ , и которая сочиняетъ метафизическіе и философическіе романы , осуждается на три мѣсяца мыть бѣлье и полоскать столовую посуду.

С т а т ь я XI.

Драматической Писатель , которой четыре раза , одинъ послѣ другаго , будетъ освиспанъ на большихъ театрахъ столицы , объявляется неспособнымъ приниматься впредь за перо , и отсылается рубить дрова , если не захочетъ работать на Сен-Клодской фабрикѣ , откуда ежегодно выходитъ множество свистковъ.

С т а т ь я XII.

Литтераторъ , достигшій до пятидесяти - пяти - лѣтняго возраста , долженъ безъ всякаго шума удалиться изъ Респуб-

лики на покой; если онъ въ точности и посююнно выполнитъ выше прописанныя статьи, въ такомъ случаѣ, вмѣсто пансіона, назначается ему удѣлъ славы, которой и вручается ему при жизни съ обѣщаніемъ приспойнаго мѣста въ памяти потомства.

Мы выше упомянутые Коммиссары заключили сіе въ четвертой годъ девятнадцатаго столѣтія. †

(СЪ Французскаго.)

III.

О превосходствѣ древнихъ языковъ.

Никогда не прилагали такого старанія къ изученію новѣйшихъ языковъ, какъ въ наше время; излишнее къ нимъ приспѣшество, которое сдѣлалось наконецъ родомъ заразительной болѣзни, много споспѣшествовало къ упадку нашей Словесности. Никто не думаетъ о Греческомъ и Латинскомъ языкахъ; всѣ учатся по-Англійски, по-Нѣмецки. Наши Философы, которыхъ любимая слабость была превозносить все не Французское, безпрестанно кричали о превосходствѣ Сѣверной Литтературы. Всѣмъ извѣстно, что Вольтеръ отдавалъ преимущество Попе передъ Горациемъ

емъ и Бсало. „Какая нужда, птвердили они, учишься такимъ языкамъ, которыми давно уже переспали говорить? Не лучше ли заниматься нѣми, копорые нынѣ употребляются? Не спранно ли мерпвыхъ предпочиташъ живымъ?“ И всѣ согласились съ такими нелѣпыми заключеніями! Уже начали-было явно предлагать о закрытіи Коллегій. Я помню многіе планы народнаго просвѣщенія, въ которыхъ упоминаемо было объ уничпоженіи Латинскихъ классовъ и самаго языка, какъ вещи совершенно бесполезной и служащей только къ обремененію памяти. Языкъ Греческой давно уже изгнанъ изъ Франціи вмѣстѣ съ Іезуитами, копорые оной преподавали. Вмѣсто Латинскаго языка спарались занимать дѣшей науками физическими и математическими. По мнѣнію Кондорсе, одно только есть средство сдѣлать дѣшей *умствователями*, а именно прежде грамоти и письма учить ихъ Алгебрѣ и Геометрїи. По мѣрѣ возвышенія новѣйшихъ языковъ, древніе часъ опъ часу приходили въ большій упадокъ и забвеніе. Благодаря философическому духу нашего вѣка, Англійскій языкъ взялъ верхъ не только надъ Греческимъ и Латинскимъ, но даже надъ Нѣмецкимъ. Наши умспователи считали за спыдѣ не знать язы-

ка Гоббезова, Локкова и Болинброкова. Какой экономистъ, на примѣръ, унизился бы до того, чтобы спалъ чипать Смита во Французскомъ переводѣ? Вольперъ, непре- спанно возносившій похвалами Бритпанскій Парнассъ, первой подалъ націи примѣръ; въ слѣдъ за нимъ, наши Философы, вертопрахи, щегслихи, словомъ, всѣ вообще не- премѣнно захопѣли говорить по-Англійски, чипать однихъ Англійскихъ Писателей. Опшуда полились рѣкою романы, Драмы и сиспемы полипическія, копорыми Фран- ція обременена уже около сорока лѣтъ. И теперь еще видимъ слѣдствіе вліянія Ан- глійской Литтературы на нашу отече- ственную. Почти всѣ наши Ученые зна- ютъ наизустъ Шакеспира; за то уже большая часть изъ нихъ не имѣетъ ника- кого понятія объ языкѣ Гомера и Софокла.

Не такъ было въ вѣкѣ Людовика XIV — бѣда наша, что каждой разъ не премѣнно должно ссылаться на эшопъ вѣкѣ, когда идетъ дѣло объ изящномъ вкусѣ и здраво- мысліи. Вельможи Королевства, даже Вельможи уважали древніе языки, и многіе изъ нихъ чипали Гомера въ подлинникѣ. Изъ всѣхъ новыхъ языковъ, тогда учились только Испанскому и Италіанскому. Тогда старались чипать съ прилѣжаніемъ Испан- скихъ Писателей и подражать имъ. Боало,

слѣдуя внушенію вкуса чистаго и прѣвильнаго, заблаговременно описалъ описаніе Италіянскихъ Поэтовъ; не смотря на то, что сей великій мужъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ людей, имѣлъ основательное познаніе объ языкѣ Тасса, онъ не хотѣлъ сдѣлать его исключительнымъ своимъ занятіемъ. Языки Гомера и Виргилія имѣли въ глазахъ его совсѣмъ другую цѣну; между тѣмъ, какъ Англійскій и Нѣмецкій были ему совершенно неизвѣстны, и Мильтона, славнаго на своемъ островѣ, на швердой землѣ знали только по его защищенію цареубійцы Кромвеля.

Тотъ ошибется, кто, чиня съе разсужденіе, заключитъ, будио я охуждаю изученіе живыхъ языковъ: совсѣмъ нѣтъ! напротивъ того оно весьма занимательно и полезно. Не могу только одобритъ страннаго предразсудка, заставляющаго исключительно заниматься одними новыми языками, и презирать древніе, которыхъ важность и польза должны бытъ оцѣнительны для каждаго мыслящаго человека.

(Изъ Фр. Журн.)

IV.

*Отъ того Рускіе Нѣмцоевъ называютъ
Нѣмцами?*

Есть люди, которые скорѣе согласятся выдумать какую нибудь странность и выдать ее за истину, нежели признаются чистосердечно въ незнаніи того, о чемъ у нихъ спрашиваютъ; скажу болѣе: есть люди, которые прибѣгаютъ къ сей крайности совсѣмъ безъ нужды, даже тогда, когда никто не заботится объ ихъ мнѣніи. Одинъ смѣльчакъ вводитъ въ заблужденіе тысячу читателей и многихъ переписчиковъ.

Не знаю, откуда иностранные Писатели почерпнули свѣдѣніе, что Русскіе производятъ слово *Нѣмецъ* отъ *нѣмой*, будто бы почитая нѣмыми всѣхъ тѣхъ, которые не умѣютъ говорить по Русски; но извѣстно мнѣ, что многіе наши соотечественники то же думаютъ и утверждаютъ. Не удивляюсь Левеку, которой написалъ въ своей Исторіи, будто наши предки называли нынѣшними Нѣмцами иностранцевъ всѣхъ націй, разумѣя слово сіе въ такомъ значеніи, въ какомъ Греки и Римляне называли другихъ варварами, и что въ послѣдствіи времени имя сіе досталось однимъ Герман-

цамъ: мы видимъ, съ какою исправностію Французы передаютъ намъ извѣстія о происшествіяхъ, случающихся у насъ передъ глазами. Не давно, на примѣръ, воздухоплаватель Гарнерень объявилъ во Французскихъ газетахъ историческое извѣстіе о шарѣ, спущенномъ имъ въ Парижѣ и на другой день упавшемъ близъ Рима на озерѣ Браччано; тамъ сказано, что Гарнерень на томъ же самомъ шарѣ поднимался въ Москвѣ на воздухъ до 4000 тоазовъ въ высоту, сдѣлалъ множество физическихъ наблюдений и спустился на землю отъ Москвы въ тридцати пяти верстахъ, то есть на прежней границѣ Россійскаго Государства. Изъ всего написаннаго справедливо только то, что Гарнерень поднимался на воздухъ и потомъ опустился внизъ; все прочее есть не что иное, какъ историческое разпространеніе. Возвратимся къ нашему предмету.

Нѣтъ сомнѣнія; что Нѣмцы прежде другихъ Европейскихъ націй познакомились съ Русскими. Еще до прибытія Англійскихъ кораблей къ городу Архангельску, Россійскіе Государи принимали у себя Пословъ отъ Римскаго Императора, и вели войны съ Нѣмецкими Рыцарями. Великій Новгородъ въ цвѣтущую эпоху своего благоденствія имѣлъ торговья связи

съ Нѣмецкими Ганзеатическими городами и вмѣшалъ въ снѣнахъ своихъ госпей чужеземныхъ. Но симъ не доказываеиъся, чпобы Русскіе думали, будпо кромѣ Нѣмцовъ не было другихъ націй на свѣтѣ. И въ наше время еспь просполюдимы, которые не знаютъ различія между иностранцами, и каждаго изъ нихъ безъ дальнихъ справокъ называютъ Нѣмцомъ, такъ почно, какъ многіе каждаго Француза почтаютъ просвѣщеннымъ. Сочинитель Спашейнаго списка о посольствѣ Спольшника и Намѣстника Переяславскаго Ивана Ивановича Чемоданова въ 1656 году, Венеціанъ, Тосканцевъ и Голландцевъ иногда безъ разбора именуеиъ *Нѣмецкими людьми*; напротивъ того въ Спашейномъ списокѣ посольства Спольшника и Намѣстника Боровскаго Петра Ивановича Попемкина въ Испанію и Францію 1667 го года находимъ, что Англичане, Испанцы и Французы названы своими именами: есе дѣло состоитъ въ томъ, что сочинитель послѣдняго Спашейнаго списка былъ умнѣе и ученѣе, нежели перваго.

Оспавляя охотникамъ до Этимологїи производишь Москву отъ Мосоха, Россію отъ разсѣянїя или отъ русскихъ волосовъ, не зочу обижать добрыхъ Нѣмцевъ, не зочу приписывать нѣмоту существамъ слова-

енымъ , которые по крайней мѣрѣ такъ же голосисты , какъ и мы Русскіе. Если же наши праотцы въ самомъ дѣлѣ были сколько несправедливы пропивъ Германцевъ , что называли ихъ нѣмыми для опмщенія имъ за незнаніе Русскаго языка ; то да позволено намъ будетъ оправдаться хотя тѣмъ , что Поляки , Богемцы , Венгерцы и многіе народы Славянскаго поколѣнія заслуживаютъ равныя упреки въ несправедливости. Они , подобно намъ , съ давнихъ временъ называютъ Германцевъ *Нѣмцами* ; слѣдственно не мы одни почищаемъ ихъ нѣмыми , какъ многимъ угодно думать. Не даромъ нѣкоторые приняли легкую методу объясняя значеніе словъ по одному сходству въ произношеніи ; это самой лучшей и удобнѣйшей способъ , не заглядывая въ книги , не справляясь съ Авторами , краснорѣчиво рѣшить историческіе споры. По несчастію , вошло въ моду , называть педантизмомъ всякое изслѣдованіе , пребывающее прилѣжанія и размышленія.

Въ числѣ многихъ Германскихъ поколѣній , древніе Римскіе Писатели упоминаютъ о Неметахъ , народъ жившемъ около береговъ Рейна. Германія въ старину , также какъ и нынѣ , раздѣлялась на области или племена ; каждое отдѣленное поколѣніе называлось особымъ именемъ. Со-

сѣдніе народы, обитавшіе въ смежности съ какимъ нибудь племенемъ, по имени его называли всю Германію, и по преселеніи въ другія мѣста навсегда удержали въ языкѣ своемъ прежнее наименованіе. Отъ того древніе Славяне, жившіе нѣкогда въ сосѣдствѣ съ Неметами, всѣхъ Германцевъ называли симъ именемъ, которое нынѣ употребляется племенами Славянскими и многими другими, говорящими Славянскимъ нарѣчіемъ; отъ того донынѣ разные народы даютъ разныя названія Германцамъ. Французы и Испанцы называютъ ихъ Аллеманами, Англичане — Германцами, Италіянцы — Тедесками, Русскіе Поляки и Венгерцы — Нѣмцами, именемъ, произшедшимъ, какъ всякой догадается, отъ слова Неметы. Любопытные могутъ выправиться о семъ народѣ въ запискахъ Юлія Цезаря о войнѣ Галльской и въ сочиненіи Тацитовомъ о нравахъ Германцевъ; а мнѣніе о произведеніи слова Нѣмецъ, основанное на Исторической истинѣ, я нашелъ въ примѣчаніяхъ Болшина на Русскую Леклеркову Исторію. Кому угодно ссориться съ Нѣмцами, тотъ можетъ почипать ихъ нѣмыми; что до меня принадлежитъ, я очень увѣренъ въ томъ, что многіе изъ нихъ не только говорятъ пріятно, но даже поютъ и декламируютъ. С.

О древности Романовъ.

Г. Корей, ученый Грекъ, издавшій Иліодоровы Эѳіопики для пользы и удовольствія своихъ единокотцевъ, обогатилъ книгу сію важными замѣчаніями, изъ которыхъ мы почерпаемъ слѣдующія извѣстія о древности романовъ, сочиненій, читаемыхъ въ наше время съ такою жадностію. Кто любитъ романы, тому непроспешельно было бы не знать ихъ исторіи. Вотъ она:

Нѣкоторые Ученые утверждаютъ, что романы (конечно подъ другимъ именемъ) спали извѣстны Грекамъ во времена Александра Великаго, или по крайней мѣрѣ скоро спустя послѣ смерти сего Государя. По мнѣнію тѣхъ же Ученыхъ, Клеархъ, ученикъ Аристотеля, первой сочинилъ книгу сего рода. Вѣроятно также, какъ думаетъ Г. Гюе, Авторъ Тракиана о происхожденіи романовъ, что Клеархово сочиненіе подъ названіемъ *Эротика*, было не романомъ, но собраніе разныхъ любовныхъ сказаній, подобныхъ тѣмъ, какія спались намъ отъ сочиненій Паренія, подъ именемъ: *Любовныя ложденія*, или сказаній Плутарховыхъ и другихъ сочиненій того же содержанія. Сія догадка еще болѣе кажется справедливою, по свидѣтельству Аее-

нея, которой пишемъ, что Клеарховы Эротики содержали въ себѣ испорцію любовныхъ приключеній Гигеса, Царя Лидійскаго. Кажется также, что Клеархъ помѣстилъ въ сказаніяхъ своихъ нѣкоторыя философическія разсужденія о любви, по примѣру Аристотеля, своего Учителья, и Теофраста, которой вмѣстѣ съ нимъ учился у Аристотеля. Оба они писали разсужденія подѣ именемъ *Эротиконъ*; надобно думать, что и Плутархъ, подражая имъ, сочинилъ свое разсужденіе, которое находимъ въ его твореніяхъ подѣ тѣмъ же названіемъ.

Можетъ быть, намъ надлежало бы сказать то же самое и объ Антифанѣ, хотя Антипій Діогенъ въ своихъ баснословныхъ испоріяхъ, названныхъ: *Чудесности Оулейскія*, положишельно говоритъ, что Антифанъ, жившій гораздо прежде его, писалъ баснословныя повѣствованія въ томъ же родѣ. Впрочемъ весьма не прудно выправиться, что такой былъ Антифанъ и въ какую эпоху онъ славился. Нѣкоторые почитаютъ его за одного съ Комическимъ Поэтомъ сего имени, родомъ изъ Фракіи, извѣстнаго по своему безстыдству и лживости. Какъ бы то ни было, первымъ изъ извѣстныхъ Романистовъ надлежитъ почитать Антипій Діогена,

жившаго не много спустя послѣ царствованія Александра. Изъ его сочиненія: *Чудесности Оулейскія*, намъ оспалось только одно содержаніе, списанное Фотіемъ. Главныя лица романа суть Диніасъ и Деркиллида, равно какъ у Иліодора — Теагенъ и Хариклея, у Ахилла Тація — Клипофонъ и Левкиппа и проч. Фотій не безъ основательной причины заключаетъ, что Антоніево сочиненіе было образцомъ, источникомъ и началомъ всѣхъ романовъ.

За Антоніемъ Діогеномъ слѣдуетъ Ариспидъ Милепскій, сочинитель повѣстей неблагоприспойныхъ и сладостраспныхъ, названныхъ имъ *Мелизіаки*. Сіе произведеніе Іонійской нѣги было переведено на Латинской языкъ Сизенною, Римскимъ Испорикомъ, современникомъ Силлы; удовольствіе, съ которымъ Римляне читали сію книгу, служитъ доказательствомъ развращенія нравовъ, начинавшаго тогда разпространяться. Плутархъ, въ жизни Красса, пишетъ, что Сурена, Парескій военачальникъ, въ числѣ прочихъ вещей, отнятыхъ имъ у Римлянъ по одержаніи побѣды надъ Крассомъ, нашедъ Ариспидовы *Мелезіаки*, представилъ ихъ Сенату Селевкійскому и колко шутилъ надъ нѣгою Римлянъ, которые даже въ военное время и въ походахъ не могли обой-

пись безъ чтенія споль неблагопристойной книги.

По моему мнѣнію , не должно полагать въ числѣ романовъ *Сибаритскіе разговоры* , которые Гезихій почищаетъ подражаніемъ Езоповымъ баснямъ , и въ которыхъ вмѣсто живопныхъ разговаривають люди. Весьма вѣроятно , что сіе сочиненіе похоже было на новыя повѣсти Бокачіо или Лафонтена , а можетъ быть , оно близко подходило къ Ариспидовымъ Милезіакамъ. Тѣсная дружба между Сибаритами и жителями Милета подаетъ причину къ сему заключенію. Извѣстный *Золотой оселъ* или *Превращенія* , швореніе Луція Апулея , собственно не принадлежитъ къ роду романовъ по своему содержанію.

Явлихъ , Вавилонскій уроженецъ , современникъ Луціевъ , написалъ романъ , въ которомъ Синописа и Роданей суть главныя дѣйствующія лица ; Фотій оставилъ намъ замѣчанія объ его содержаніи. За Явлихомъ слѣдуетъ Млѣодоръ и подражатель его Ахилъ Тицій , Авпоръ *Походеній Клитфона и Левкилы*.

Г. Корей упоминаетъ еще о нѣкоторыхъ Писателяхъ старинныхъ романовъ , изчисленіемъ которыхъ не почищаемъ нужнымъ упомаять нашихъ читателей. Скажемъ только , вмѣстѣ съ Издапелемъ

Французскаго Журнала, изъ котораго выписываемъ сію спашью, что если нынѣшняя Греція имѣетъ много такихъ ученыхъ и благомыслящихъ гражданъ, каковъ Г. Корей и другіе единоземцы его, извѣстные по ихъ филантропическому усердію и по благородному употребленію ихъ богатства; то нѣтъ никакого сомнѣнія, что скоро послѣдуетъ возрожденіе Греческой націи; нѣтъ сомнѣнія, что скоро наступитъ время, когда взоры друзей истиннаго просвѣщенія, упомленные зрѣлищемъ рабства и униженія, отдохнутъ на сей классической землѣ, бывшей некогда обиталищемъ Генія и свободы.

 VI.

Память Друга. 1805.

Плакущія березы воютъ,
 На чорну наклоняя шѣнь;
 Унылы вѣтры воздухъ роютъ;
 Встаетъ туманъ по всякой день;
 Надъ кѣмъ? — Кого сія могила
 Обросша повеликой вокругъ,
 Подъ мѣдною доской сокрыла?
 Кто тутъ? — Не Музы ли, вкуса другъ?

Такъ, мой! — Увы! озлобась время
 Его спѣшило въ гробъ сокрытъ,
 Что сѣя онъ познаній сѣмя,
 Мнилъ вѣки пользой переживъ.
 Воздвигнувъ изъ земли громады
 И Зодчества блестя челомъ,
 Трудился, чтобъ полнощи чады
 Искусствъ покрылися вѣнцомъ.

Встань, духъ Поэзы Руской, древней,
 Съ кѣмъ вторя онъ Добрыню пѣлъ,
 Межъ заутреней и межъ обѣдней
 Взмахнувъ крыла, въ свирѣль гремя,
 И лебедь, солнца какъ при восходѣ,
 Подъ красный вечеръ, на водахъ
 Раздавшись кликами въ Природѣ,
 Вѣщай, шверди: пухъ Львова прахъ.

Довольныль эхомъ симъ, Хариты!
 Чтобъ персть вамъ милую найти?
 Таланты рѣдки, знаменины;
 Вокругъ пестрѣютъ ихъ цвѣты;
 Облаговоньпежъ возліаньемъ
 Сердецъ — вы друга своего,
 Изящнымъ, легкимъ дарованьемъ
 Теките, Музы! въ слѣдъ его.

Но ктожъ моей гитары струны
 На нѣжный будетъ тонъ спущать,
 Оивейски молнии и перуны
 Росю Тійской упоятъ?

Кто памятникъ надъ мной поставитъ
 Подъ дубомъ, томъ сумрачный сводъ,
 Въ которомъ могъ меня твой славить
 Играя съ громами Эрозъ.

Ужь нѣтъ тебя! ужь нѣтъ! — Придите
 Сюда вы, Дружба и Любовь!
 Печаль и вздохи сѣедините
 Надъ пеленой, взоръ скрывшей Львовъ.
 Ахъ! плачьше чада, плачьше други!
 Цѣлуй въ послѣдній разъ, краса!
 А слезы Лизы (*) и супруги
 Какъ пламенна горитъ роса.

Г. Державинъ.

VII.

С м ѣ с ь.

Англійскій дворянинъ Эонъ, человекъ
 нрава безпокойнаго, высокомернаго и упря-
 маго, доказалъ собственнымъ примѣромъ,
 какъ легко можно сдѣлаться оберъ-шу-
 помъ. Ему пришло въ голову объявить
 себя выномъ Вожимъ, судією живыхъ и
 мертвыхъ. Поводомъ къ сему странному
 поступку послужило сходство имени его
 съ Лапинскимъ мѣстоимѣніемъ еит, стоя-

(*) Большая дочь его.

шемъ при концѣ закликательной молитвы: *per eum, qui judicaturus est vivos et mortuos*. Нашлись люди, которые повѣрили словамъ его и надѣлали много шуму. Папа, въ качествѣ Намѣстника Божія на землѣ, не могъ равнодушно смотрѣть на сіе зрѣлище. Эона схватили и привели предъ Соборъ духовный, бывшій въ Реймсѣ. Папа спросилъ его: кто ты таковъ? „Я попъ,“ отвѣчалъ фанатикъ: „которой придетъ судить живыхъ и мертвыхъ.“ Онъ имѣлъ при себѣ палку съ двумя завостренными вверху концами на подобіе вилъ крестьянскихъ. Папа спросилъ у него: что означаетъ сей посохъ? и получилъ въ отвѣтъ слѣдующее: „Это великая тайна. Когда держу посохъ мой въ такомъ положеніи, въ какомъ видите его нынѣ, то есть, оборотивъ двумя концами къверху, это значитъ, что Богъ управляетъ двумя часнями свѣта, а третью оставляетъ мнѣ; а когда два конца оборачиваю въ низъ, въ то время я господствую надъ двумя часнями, а третью предоставляю Богу.“ Мнимый обладатель міра умеръ въ пюрѣмѣ, а многіе изъ послѣдовавшихъ его ученію и нехотѣвшихъ опречься отъ своего заблужденія, были сожжены. Жаль, что этотъ человекъ привязался къ грубому эмпиризму. Еслибъ онъ былъ идеалистомъ, то

вилы послужили бы ему, прекрасною эмблемою новой системы; — но тогда едва ли оспалась бы для Бога и одна часть земли!

(Изъ Нѣм. Журн.)

✱

Папа Иннокентій XI, въ 50 й день Ноября 1685 го года, обнародовалъ повелѣніе слѣдующаго содержанія: „Повелѣваемъ „всѣмъ дѣвицамъ и женщинамъ покрывать „матерією плотною и непрозрачною плеча и грудь до самой шеи, а руки до „киспей.“ — Тѣ, которыя по изпеченіи шести дней не исполнили сего предписанія, были оплучены опъ церкви, и при смерти своей ни опъ кого не могли получить оппущенія, кромѣ самаго Папы. Духовной опецъ, которой осмѣливался давать оппущеніе симъ грѣшницамъ, подвергался лишенію сана и оплученію. Даже опцы, мужья и опекуны подлежали равному наказанію съ преступницами. Несмотря на то, многіе Папы принуждены были повпорять сіе повелѣніе. — Оставаемъ Дамамъ сдѣлать свои примѣчанія о семъ предметѣ.

(Изъ Сѣверн. Арх.)

✱

Не горестно ли для человѣка, которой опъ просвѣщенія ожидаетъ счастья своихъ

собратій , обманываться въ прїятнѣйшей надеждѣ своего сердца ? не горестно ли слышать , что законы вызывають изъ шмы вѣковъ варварскихъ обыкновенія , поспыдныя для человѣческаго рода ? Правительство Граубинденской области , въ Швейцаріи , признало нужнымъ ввести въ употребленіе мучительную пытку , и назначило награжденіе за сію адскую работу. Палачъ за полную пытку со всѣми къ ней принадлежностями получаетъ шесть гульденовъ за cadaго человека ; за повтореніе оной платится чешыре гульдена. O terrore ! o mores !

Аббатъ Жоффроа въ Журналѣ своемъ разхвалилъ Поэму Мильпонову : *Потерянный рай* и переводъ Делилевъ. Насмѣшники утверждаютъ , что Жоффроа увѣнчалъ похвалами подлинникъ и переводъ по той причинѣ , что Герой Поэмы есть — сапана.

(Изъ Нѣм. Журн.)

Ежедневные опыты свидѣтельствуютъ , какія напаси терпятъ нѣжная любовь отъ людей зависливыхъ и жестокихъ. Не давно въ Лондонѣ одна чувствительная пятидесяти - пяти - лѣтняя любовница была позвана къ суду за то , что она частыми своими посѣщеніями

нарушала спокойствіе семейства Г-на Г. Какая несправедливость! Что же оставалось дѣлать ей, когда шестидесяти - шестилѣтній другъ ея, мучимый подагрой, не могъ двинуться съ мѣста? Судья, сдѣлавъ ей строгой выговоръ, накрѣпко запрещилъ беспокоить домъ Г*. „Нѣтъ!“ отвѣчала новая Эрина: „нѣтъ! не оставлю моего Эдуарда! я люблю его какъ душу, и увѣрена, что онъ знаетъ цѣну любви моей!“ Судья заговорилъ о смирительномъ домѣ и заспавилъ умолкнуть спрашную прелестницу. Спрашивается: какая волшебная сила привлекала ее къ добродушному спарцу, и какая причина заспавила родственниковъ заботиться объ его спокойствіи? Отвѣтъ: 60,000 фунтовъ шерлинговъ.

(Изъ Англ. Вѣд.)

ПОЛИТИКА.

I.

Исторія и теорія Статистики ().*

Изъ числа наукъ, по всей справедливости заслуживающихъ вниманіе ума основательнаго, наукъ, надъ усовершенствованіемъ копорыхъ Ученые въ продолженіе изпекшихъ пятидесяти лѣтъ особенно трудились, Статистику можно почесть самою полезною, самою занимательною.

Древніе мало упражнялись въ сей Наукѣ и не отдѣляли ее отъ Географіи. Далѣе увидимъ, что наименованіемъ своимъ она обязана одному Гемпшингенскому Профессору.

Правда, въ Геродотѣ, Павзанѣ, Страбонѣ и другихъ древнихъ Историкахъ и Географахъ находимъ извѣстія о населеніи земель, о числѣ войскъ, о способахъ содержаніи ихъ, о доходахъ и издержкахъ госу-

(*) Сіе краткое, но достаточное изображеніе Статистики читано при публичномъ засѣданіи Парижскаго Академическаго Общества Наукъ въ 13 е лѣто Республики въ 4 й день Фримера. *Изд.*

дарственныхъ ; но ни въ древнихъ , ни въ новыхъ сочиненіяхъ , до начала осмнадцатаго столѣтія , не видимъ точныхъ , подробныхъ изображеній тѣхъ источниковъ , откуда нація почерпаетъ свое могущество , свои богатства .

Лудовикъ XIV потребовалъ отъ Интендантовъ Франціи подробныхъ донесеній о состояніи Государства ; онъ починалъ ихъ дѣломъ необходимо нужнымъ для воспитанія Герцога Бургоньскаго . Сіи донесенія надлежитъ полагать въ числѣ предварительныхъ понятій о Статистикѣ .

Еще прежде сей эпохи , Англичанинъ Вильямсъ Петти , Врачъ Короля Карла II , выдалъ сочиненіе , подъ названіемъ : *Опытъ политической Ариметики* , въ которомъ разсуждается о многочисленности вообще , о числѣ жителей въ большихъ городахъ , о продажѣ земель , о промышленности , о мануфактурахъ , о торговлѣ , о рыбной ловлѣ , о денежныхъ банкахъ , о товариществахъ , о цѣнѣ издѣлій , о приращеніи и ущербѣ силъ морскихъ и сухопутныхъ . За симъ сочиненіемъ , которое своему Автору доставило всеобщее уваженіе и благосклонность Королевскую , появились многія другія , какъ то : Геллея Давенака , Кинга , Гранпа , Вобана и проч . Всѣ они старались

основать систему государственныхъ доходовъ на расчетахъ полипическихъ.

Такимъ образомъ Статистика разпространялась прежде, нежели стало извѣстно ея имя.

Фридерикъ Великій не мало споспѣшествовалъ къ образованію сей новой отрасли человѣческихъ знаній. Ему совершенно была извѣсна Географія Пруссіи и всѣхъ его провинцій; но не имѣя доспапочнаго свѣдѣнія о тѣхъ пособіяхъ, которыя могли доставить ему области, онъ приказалъ сдѣлать подробную опись о многолюдствѣ и богатствахъ Силезіи и прочихъ Провинцій, одной за другою. Всѣмъ извѣстно, какія важныя выгоды доставило Фридерикъ новое познаніе.

Многіе Нѣмецкіе Государи послѣдовали его примѣру и получили выгоды, соразмѣрныя ихъ прилѣжанію и обширности Провинцій. Скоро охота заниматься Статистикою разпространилась въ Сѣверной Европѣ и въ Англіи.

Германъ Курингъ, Профессоръ Гражданскаго права въ Гельмспадтскомъ Университетѣ, въ концѣ семнадцатаго столѣтія первой началъ преподавать публичныя уроки о сей наукѣ, которая тогда извѣстна была подъ названіемъ: *Notitia rerum publicarum*. Скоро потомъ Г. Бове и Г.

Бекманъ , по примѣру Куринга , завели особые классы для Статистики, первой въ Енѣ , а другой во Франкфуртѣ на Одерѣ. Надобно признаться , что метода наставленія , кошорой слѣдовали упомянутые Профессоры , была весьма несовершенна. Г - ну Ахенвалю , Профессору новѣйшей Исторіи въ Геттингенскомъ Университетѣ , принадлежитъ справедливая похвала и благодарность за то , что онъ первый соединилъ всѣ предметы, составляющіе Статистику. Сей , достойный всякаго уваженія , Писатель въ 1745мъ годѣ открылъ публичный классъ Статистики въ славномъ Геттингенскомъ Университетѣ. Спустя попомѣ шесть лѣтъ , онъ издалъ сочиненіе , въ которомъ предложилъ основанія сей науки.

Онъ также изобрѣлъ самое названіе *Статистики* , слово , довольно жесткое для слуха , будучи составлено изъ Латинскаго имени и Греческаго окончанія. Но какъ оно совершенно выражаетъ понятіе , которое надлежитъ имѣть о сей наукѣ , то и принято всѣми единодушно. *Status* значить состояніе или положеніе ; изъ него сдѣлано прилагательное *Statisticus* , слово , подъ которымъ надлежитъ разумѣть : занимающійся положеніемъ ; значеніе слова *Statistica* объясняется самимъ собою , если

прибавить къ нему *scientia*. Такъ отъ Греческаго слова *πόλις* (городъ) произошло *πολιτικός* (занимающійся наблюденіемъ вещей, до города принадлежащихъ), а отсюда составилось имя *Политика*, котораго знаменованіе извѣстно каждому.

Польза сей науки доказывается тѣмъ, что въ Германіи, гдѣ особенно ею занимающіяся, при каждомъ Университетѣ учрежденъ классъ для Статистики, которой преподаваніе обыкновенно возлагается на Профессора новѣйшей Исторіи главнѣйшихъ Государствъ Европы, или на Профессора наукъ политическихъ. Не говоря о многихъ другихъ, издавшихъ правила о начальныхъ познаніяхъ сей науки, мы упомянемъ только о Г-дахъ Профессорахъ Университетовъ: Шлецеръ - Геттингенскаго, Ремеръ - Гельмспадтскаго, Лудеръ — Брауншвейгскаго, Шпренгелъ — Гальскаго и Медеръ — Эрлангенскаго.

Теперь обратимъ наше вниманіе на предметы, которыми занимается Статистика. Она учитъ познавать силы естественныя, нравственныя и политическія какого нибудь Государства.

Статистику можно уподобить Анатоміи. Она показываетъ способы разбирать по частямъ тѣло общественное для разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ въ особенності.

Чтобы съ большею точностію сдѣлать замѣчаніе надъ ея ходомъ, почиаемъ нужнымъ раздѣлить ее на три главныя части:

Первая должна содержать въ себѣ все то, что принадлежитъ до сравнительнаго разсмотрѣнія Государствъ какой нибудь части свѣта, на примѣръ Европы, Азіи, и проч. Она представляетъ сумму важнѣйшихъ дѣйствій для общаго обзрѣнія оныхъ въ *цѣломъ*; показываетъ сравнительныя картины всѣхъ націй Европейскихъ.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе о мѣстномъ положеніи, о свойствѣ пособій, о силахъ естественныхъ и нравственныхъ какого нибудь Государства, на примѣръ, Франціи, Пруссіи, Россіи и проч. Сія вторая часть имѣетъ цѣлію разсмотрѣніе всего того, что принадлежитъ къ Государству, о которомъ идетъ дѣло.

Наконецъ третья разбираетъ принадлежности частныя и общія какого нибудь отдѣленія Государства, на примѣръ, департаментна, уѣзда, Графства, провинціи, и проч. Сія послѣдняя часть, пропуская мѣлочи, не должна оставлять безъ вниманія подробности, достойныя уваженія; она служитъ основаніемъ для обоихъ предшешихъ.

Продолжительныя пренія о значеніи словъ почпи всегда оканчиваюпся опредѣленіемъ почнаго ихъ знаменованія. Упопробимъ сіе средство для убѣжденія Географовъ, которые не хотятъ признапъ Статистику отдѣленною наукою, и которые почитаютъ ее частію Географіи. Что значитъ слово Географія? Описаніе земли. Что разумѣтъ должно подъ Географіею Математическою? Науку, показывающую способы измѣрять землю, чпобы узнать ея пространство и разстояніе мѣстъ. Что содержитъ въ себѣ Географія физическая? Описаніе веществъ, составляющихъ шаръ земной. Географія политическая? Даетъ познанія о раздѣленіи земли на Государства. Но во всемъ томъ, о чемъ мы упомянули, не говорится о доходахъ, издержкахъ, промышленности, торговлѣ, войскѣ, населеніи какого нибудь Государства. Слѣдственно все сіе принадлежитъ къ Статистикѣ.

И какая нужда смѣшивать понятія и требовать, чпобы Географія заключала въ себѣ полную Энциклопедію? Развѣ не видимъ, чпо, для пріобрѣтенія основательныхъ познаній въ наукахъ, непремѣнно нужно дѣлить предметы на классы, и самыя части, самыя отдѣленія опять дѣлить — если обстоятельство того пре-

буютъ? Можетъ быть, скажутъ намъ: „въ древнія времена Географы занимались тѣмъ, что нынѣ предоспавлено Спискамъ; для чего же лишаютъ ихъ любимаго занятія?“ Для чего? Для того, что по мѣрѣ разпространенія круга человѣческихъ знаній, пребуется, чтобы большее число ученыхъ занималось ими; для того, что самая Географія пріобрѣла новыя права на Исторію Естественную, на Астрономію, на Геометрію, на Физику; для того наконецъ, что Географія, не ограничиваясь разсматриваніемъ поверхности земнаго шара и предѣловъ Государствъ, проникаетъ въ нѣдра земли, разбираетъ произведенія трехъ царствъ ея, возносится на небо, измѣряетъ высоту звѣздъ и описываетъ различныя тѣла, совершающія свои бѣги въ неизмѣримыхъ пространствахъ. Слѣдственно не трудно понять, что Географія, лишаясь инородной части своей, которая случайно была къ ней прилита и которую очень удобно можно отдѣлить, удерживаетъ при себѣ существенныя части свои, составляющія науку важную и необходимую. Если скажутъ, что Бишингъ подъ названіемъ *Всеобщей Географіи* издалъ полную Спискику Европы; отвѣчать буду, что въ то время, когда сей знаменитый Писатель издалъ свое сочиненіе,

Спаниспика была еще очень мало извѣ-
стна, и чпо въ Европѣ весьма не-
многіе занимались ею; по сей причинѣ
Бишингъ не опважился назвать свое сочи-
неніе прямымъ его именемъ. Впрочемъ
Спаниспика для самаго Бишинга, посѣ-
дѣвшаго надъ Географіею, могла казаться
наукою слишкомъ новою. Сверхъ того,
шеспнадцать книгъ его содержатъ въ
себѣ вмѣстѣ Географію и Спаниспику
Европы, слѣдсвенно отъ его воли зави-
сѣло дасть имъ названіе по или другое.

Первые Ученые, опдѣливъ сіи науки
одну отъ другой, сообразовались съ ходомъ
ума человѣческаго, копорой по мѣрѣ при-
ближенія къ совершенству умножаетъ ко-
личество знаній. Прежде, на примѣрѣ,
Исторія Натуральная соспавляла одну
науку; теперь она содержитъ въ себѣ
множество наукъ различныхъ, и для прі-
обрѣтенія совершеннаго познанія въ каждой
изъ нихъ особенно едва ли доспанетъ
всей человѣческой жизни. Отъ нее про-
изшли Геологія, Минералогія, Физіологія,
Боцаника, Зоологія, и проч. и проч. То же
самое сказать можно о наукѣ Иппокра-
товой, заключающей въ себѣ множе-
ство наукъ различныхъ, изъ копорыхъ
каждою особенно занимающія люди знаме-
нитыя, обогатившіе свѣтъ превосходными

сочиненіями о предметахъ своихъ изслѣ-
дованій.

Всѣ науки по существу своему связа-
ны между собою; но короткое продолженіе
нашей жизни и малая часть времени,
которое мы ученію посвящаемъ, необхо-
димо заставляють насъ раздѣлять ихъ на
классы, для того, чтобы каждой могъ
заниматься тою, къ которой влечетъ его
врожденная склонность.

По симъ - то причинамъ верховныя
Власти государственныя, зная, что Ста-
тиспика есть основаніе здоровой Поли-
тики, почувствовали, сколь нужно обра-
тить вниманіе общества на сію науку, и
приняли дѣятельныя мѣры къ возможному
ободренію успѣховъ въ сей новой отрасли
человѣческихъ знаній; учредили въ учили-
щахъ особыя классы для Статистики; удо-
стоили своимъ покровительствомъ ученыхя
общества, занимающіяся сею наукою, и
періодическія изданія, имѣющія цѣлью
разпространять охоту къ познаніямъ, и
самыя познанія по сей части.

Д. Ф. Доннанъ, безслѣнный Секретарь.

(Изъ Монитера.)

II.

Рѣчь, говоренная Наполеону Бонапарте Президентомъ Сената, Г-мъ Нёвшато.

Сенатъ, во исполненіе предварительнаго своего опредѣленія, въ полномъ собраніи Членовъ 1 го числа Декабря (наканунѣ коронаціи) въ 11 часовъ по утру, отправился во дворецъ Тюйлёрійскій и былъ представленъ Іосифомъ Бонапарте Наполеону. Президентъ Франсуа Нёвшато произнесъ длинную рѣчь, коюрой начало здѣсь почитаемъ:

— Site! Первая принадлежность власни народной есмь правъ подаванія голосовъ, основанное на коренныхъ законахъ Государства; имъ оплечающаеся истинные граждане. Ни одинъ народъ не пользовался сию правомъ съ такою свободою, съ такою независимостію, съ такою справедливостію, какія намъ предоспавлены съ благополучной эпохи 18 го Брюмера. Первымъ опредѣленіемъ народнымъ послановласно ввѣришь вамъ бразды правленія на десять лѣтъ; впорымъ положено оснавишь оныя въ вашихъ рукахъ на всю жизнь; наконецъ въ прешій разъ народъ Французскій объявилъ свою волю. Три

милліона пять соипъ тысячъ человекъ, разсыпанныхъ по неизмѣримому пространству Франціи, единодушно объявили желаніе свое о поднесеніи вамъ наследственнаго Императорскаго дошюинства. Шестидесять тысячъ списковъ, содержащихъ въ себѣ голоса, сочтены и повѣрены съ спрочайшею точностію. Нѣтъ никакого сомнѣнія ни въ состояніи и количествѣ людей, подавшихъ голоса свои, ни въ правѣ, принадлежащемъ каждому гражданину, правъ объявлять свое мнѣніе. И такъ Сенатъ и народъ Французскій единодушно опредѣляютъ, чшобы кровь фамиліи Бонапарте была кровію царскою во Франціи; и чшобы тронъ, воздвигнутый и прославленный Наполеономъ, впредъ занимаемъ былъ вашими, или вашихъ братьевъ потомками.

Сіе послѣднее доказательство справедливой благодарности и довѣренности народа должно быть пріятно вашему сердцу; пріятно сердцу такого человека, копорой всего себя посвятилъ благу себѣ подобныхъ, узнать, что одного имени его довольно для согласенія умовъ многочисленнаго народа. Въ семъ случаѣ можно сказать, что гласъ народа естъ гласъ Божій. Никакое правленіе не можетъ быть основано на столь законномъ правѣ присвоенія верь-

ховной власти. Сенатъ , хранишель сего права , опредѣлилъ предстать предъ лице ваше въ полномъ собраніи Членовъ. Онъ предсталъ — и въ радостномъ изступленіи подноситъ вамъ нелицемѣрную дань своихъ поздравленій, своего почтенія, своей любви ; предсталъ — и восхищается побудительною причиною сего поступка ; ибо сія причина совершила то , чего Сенатъ ожидалъ отъ вашей предусмотрительности для изпребленія страха всѣхъ добрыхъ Французовъ и для введенія корабля Республики въ спокойную гавань.

Такъ ! Республики ! Сіе слово оскорбляетъ слухъ обыкновенныхъ Государей ; но здѣсь прилично употребить его. Я говорю передъ мужемъ , которой далъ намъ способы пользоваться прямымъ значеніемъ слова сего , по мѣрѣ того, сколько великой народъ способенъ пользоваться его выгодами. Разширить предѣлы Республики есть дѣло великой важности : но вы утвердили ее на прочномъ основаніи — что несравненно важнѣе , достохвальнѣе. Попеченіемъ Наполеона , Франція получила образъ правленія самодержавнаго , неразлучно сопряженнаго съ выгодами всѣхъ и cadaго ; Монархія соединилась съ Республикою. Уже четыре тысячи лѣтъ занимающся рѣшеніемъ вопроса : какое правленіе полезнѣе для чело-

вѣческаго рода? Уже четыре тысячи лѣтъ
 Монархическое правленіе почитается образ-
 цовымъ произведеніемъ ума и Полипикки.
 Оставалось только сдѣлать, чѣобы Вла-
 сти самодержавныя не подавили сѣменъ
 свободы — Наполеонъ совершилъ великое
 дѣло сіе и обогатилъ науку государствен-
 наго управленія важнымъ открытіемъ.

Изъ числа всѣхъ людей великихъ,
 уважаемыхъ всею вселенною, первое мѣсто зани-
 маютъ основатели Монархій. Кто разо-
 рялъ Государства, тотъ пріобрѣлъ славу
 пагубную; кто изпровергалъ ихъ, тотъ
 заслужилъ вѣчное поношеніе. Честь и хва-
 ла возстановителямъ! Они не только со-
 дѣлались творцами народовъ, но утверди-
 ли бытіе ихъ на прочномъ основаніи спаси-
 тельныхъ законовъ. Блѣстительный Сенатъ
 отъ лица всей Франціи торжественно прино-
 ситъ вамъ благодарность за сіе благодѣяніе.

Если бы правленіе Республиканское по-
 лезнѣе было для Франціи, мы не сомнѣ-
 ваемся, что вы взяли бы на себя трудъ
 дать намъ оное; тогда мы предложили бы
 вамъ совершить сіе великое дѣло, будучи
 увѣрены въ томъ, что вы собственными
 выгодами пожертвовали бы пользѣ обще-
 ственной. Мы знаемъ, что вы, подобно
 Ликургу, охотно согласились бы на добро-
 вольное изгнаніе себя изъ отечества,

которое получило отъ васъ мудрыя законы. Не одинъ разъ вы предпринимали рѣшить сію трудную задачу; но она оспалась мерѣнимою для самаго вашего Генія.

Прошедшее должно быть урокомъ для будущаго. Всѣ Республики, славныя въ Исторіи, были ограничены малымъ пространствомъ, существовали на горахъ бесплодныхъ, или въ одномъ только городѣ; подвласныя имъ провинціи изнемогали подъ бременемъ угнетенія. Свобода однихъ была утверждена на рабствѣ другихъ. Народъ царствовалъ въ Римѣ и не заботился о благѣ прочихъ частей свѣта. Парижъ не сопавляетъ цѣлой Франціи. Дерзновенный городъ хотѣлъ присвоить себѣ право всего народа и доказалъ симъ поступкомъ справедливостъ извѣстной истины, что тираннія несноснѣе всѣхъ другихъ есть та, которая свирѣпствуетъ подъ именемъ свободы.

Когда народныя Депутаты, собравшіеся на развалинахъ престола, помышляли объ учрежденіи Республики, въ то время намѣренія ихъ были непорочны; еще горестныя опыты не сняли съ очей ихъ очаровательной завѣсы; они благоговѣли предъ обманчивымъ призракомъ — мнимымъ равенствомъ. Теперь можно говорить о такомъ заблужденіи, которымъ не долго мы

ослаблены были. И кто могъ зацципитъ-ся отъ сей заразы, когда и самыя непристрастные были увлечены насильственнымъ стремленіемъ! Тѣ, которые съ безразсудною довѣренностію полагались на прочность Платоновой Республики, думая, что народъ великій можетъ перемѣнить нравы свои съ такою же удобностію, съ какою принимаетъ новые законы, не видѣли, что подпоры сего умственнаго зданія держатся на основаніи — мечтательномъ. Добродушные граждане восклицали вмѣстѣ съ Цицерономъ: „о вольность! любезное названіе!“ но они забывали, что Цицеронъ жаловался на обстоятельство своего времени; жаловался на то, что слово сіе не имѣло уже никакого значенія, что духъ республиканскій былъ чуждымъ Ромиловой черни. И какъ могли мы надѣяться учредить Демократію, когда извѣстно, что для достиженія сей цѣли надлежало собрать людей безпристрастныхъ, не управляемыхъ своекорыстіемъ, людей одаренныхъ способностями, превышающими человѣческую натуру? А безъ того Демократія непременно разрушится и превратится въ безначаліе! Опыты научили насъ, что значатъ партіи и безначаліе! Франція при одномъ напомниманіи объ нихъ трепещетъ отъ ужаса.

Сказываютъ, что древніе Персы, желая увѣришь народъ, сколь пагубна можетъ быть свобода, во зло употребляемая, дѣлали странные опыты; они на короткое время заражали полиническое тѣло пагубною болѣзнію. По смерти каждаго изъ Царей ихъ, пять дней провождаемы были въ неповиновеніи законамъ и совершенномъ безначаліи. Необузданность сія свирѣпствовала, не боясь наказанія: въ продолженіе пяти дней позволяемы были мщеніе, грабежъ, насиліе, однимъ словомъ, время сіе было временемъ революціи. Послѣ такого опыта народъ съ радостію входилъ въ границы повиновенія новому Государю. Чего стоили нашей націи внутренніе раздоры и несогласіе, которыя терпѣла Франція не пять дней, но многіе годы! Какіе горькіе плоды возрасли для нихъ, кои въ изступленіи своемъ мечпали о прочности республиканскаго правленія! Въ какой горестной нерѣшительности находились тѣ, которые, удостоверяясь въ заблужденіи народа, но уважая приговоръ большинства голосовъ, не знали, что избрать должно, когда съ одной стороны опасались поспрадать отъ ярости народной, съ другой предвидѣли воспановленіе общественнаго порядка, сего чудеснаго событія, совершившагося въ нынѣшнюю эпоху, но ко-

порого тогда оспавалось только желать, не надѣяться. Правосудіе и истина суть чада времени. Революція долженствовала имѣть конецъ свой; но какими кровавыми путями надлежало достигать къ нему! кто могъ предвидѣть, что ужасная трагедія окончится въ наше время такою славною развязкою!

Послѣ бурныхъ волненій Анархіи настала эпоха Полигархіи; многіе почитали ее вѣрнымъ средствомъ излѣчить умы народа отъ неисповаго испупленія. Конечно, лучше быть подѣ управленіемъ многихъ, нежели не имѣть надъ собою никакой власти; но одно шло не можетъ вмѣщать въ себѣ различныя души, противуположныя воли, подобно двумъ противоположнымъ началамъ, по мнѣнію Манихеевъ, управляющимъ вселенною. Бореніе сихъ двухъ началъ угрожало Франціи конечнымъ разрушеніемъ, которое послѣдовало бы неминуемо, еслибъ не взяты были благоразумныя мѣры соединить верховную власть въ тѣснѣйшемъ пространствѣ. 18 й День Брюмера ознаменованъ симъ великимъ дѣломъ.

Теперь самые жаркіе, самые безпокойные Республиканцы вамъ душевно преданы. Они упорно стояли въ ненависти своей къ шрону, потому что желали добра народу,

желали общественнаго благоденствія. Вы совершили ихъ желаніе и ихъ надежды; вы заславили ихъ выдѣли изъ заблужденія и увѣрились въ неоспоримой истинѣ, что Республика — въ собственномъ, тѣснѣйшемъ знаменованіи — не можетъ существовать въ такомъ Государствѣ, гдѣ народъ приверженъ къ Монархическому правленію и по нуждѣ, и по естественному побужденію, и по навыку, котораго никакая сила преодолѣть не можетъ. Всѣ единодушно въ томъ согласны. Такъ! единодержавіе для Государства обширнаго есть точно то же, что снѣгуя Паллады для древней Трои. Лишить ее сего сокровища, или погубить — нѣтъ никакой разницы, и проч. и проч.

III.

*Жанъ - Жакъ Дессалинъ, наставникъ
Сен - Домингскихъ Негровъ.*

Имя Жанъ - Жака Дессалина съ нѣкотораго времени упоминается весьма часто. Всѣмъ извѣстны варварскіе поступки, которыми онъ не давно прославился; но не многіе знаютъ исторію злодѣйствъ сего Африканца, жестокостію и безчеловѣчіемъ превосходящаго тигровъ, своихъ единоклѣт-

цовъ. Онъ привезенъ въ Сень - Доминго изъ Гвинеи, и служилъ у одного вольнаго Негра, по имени Дессалина, когда началось возмущеніе. Въ то время онъ назывался только Жанъ - Жакомъ; началомъ злодѣйствъ его было умерщвленіе своего господина и присвоеніе себѣ его имени со всѣмъ оставшимся имѣніемъ. Приставъ къ шайкѣ Біассу, бывшаго главою мятежниковъ, онъ получилъ начальство надъ отрядомъ Негровъ и отправился съ ними для опустошенія странъ плодородныхъ и многолудныхъ. Смерть мучительная была спутницею во всѣхъ его походахъ. Ни возрастъ, ни полъ, ни званіе, не имѣли пощады отъ его жестокости. Скорое умерщвленіе несчастныхъ жертвъ было благодареніемъ въ сравненіи съ ужасными муками и продолжительною смертію, кою варваръ опредѣлялъ почтенному старцу, матери многочисленнаго семейства, даже невинному младенцу, всѣмъ безъ изъятія. Извергъ приказалъ одного полицейскаго чиновника, Блена, прибить гвоздями къ дверямъ его дома, и у живаго отдѣлять телесные члены одинъ послѣ другаго. Скоро потомъ онъ нашелъ одного бѣднаго плотника, скрывающагося въ погребномъ мѣстѣ; вдругъ пришло ему на мысль умертвить несчастнаго такою мукою, кою пора имѣ-

ла бы какое - нибудь сходство съ его ремесломъ; варваръ приказалъ, сдвинувъ плотника между двумя досками, распилить его.

Главная квартира Бассу находилась въ одной сахарной плантаціи, которую постигъ онъ опустошенія, попому что имѣлъ въ ней нужду. Туда снесено было все пограбленное у несчастныхъ убитыхъ колонистовъ. Тамъ лежали въ кучѣ безъ разбору: окровавленное оружіе и богатые часы стѣнные, математическіе инструменты и желѣзные копья, фарфоровая посуда и звѣриныя кожи, драгоценныя алмазы и черепы человеческіе съ волосами, щегольскіе наряды и негодное лохмотье. Въ назначенные дни всѣ сіи вещи были раздѣляемы между тѣми, которые болѣе умертвили людей, болѣе сожгли жилищъ; сверхъ сей награды, для поощренія къ дальнѣйшимъ подвигамъ, начальникъ жаловалъ чинами своихъ подчиненныхъ.

Дессалинъ, движимый жадностію къ корысти и славѣ, рѣшился оплечиться самымъ ужаснымъ безчеловѣчїемъ, и тѣмъ прїобрѣсть себѣ особое благоволеніе отъ Бассу. Онъ выбралъ, для произведенія въ дѣйство своего намѣренія, такое время, когда глава черныхъ мятежниковъ находился въ отсутствіи, внезапно напалъ на ту часть острова, которая не испытала

еще ярости возмущившихся варваровъ, из-требилъ все ему попадающееся огнемъ и мечемъ, плѣнилъ приспа человекъ, большею частію женщинъ, дѣтей и старцевъ, и обременивъ ихъ цѣпями, привелъ въ станъ своего предводителя. За день до прибытія начальника, Дессалинъ приказалъ умертвить всѣхъ своихъ плѣнниковъ и головы ихъ высавить на желѣзныхъ кольяхъ, которыми окруженъ былъ дворъ предводителя. Біассу, возвращаясь домой, съ дикою радостію любовался симъ варварскимъ зрѣлищемъ, осыпалъ Дессалина великими похвалами и взялъ его къ себѣ въ шлохранители. Это было поводомъ къ первому повышенію свирѣпато Дессалина въ войскѣ Черныхъ. Въ сіе время появился Тусень Лувертюръ въ станъ предводителя Біассу, которой, обрадовавшись, что нашелъ человека умѣющаго читать и писать, немедленно обласкалъ его, сдѣлалъ новѣреннымъ Секретаремъ своимъ и скоро потомъ Капитаномъ своей гвардіи. Дессалинъ пользовался отличною довѣренностію начальника и имѣлъ отъ него препорученность лишать жизни приводимыхъ въ плѣнъ Бѣлыхъ. Ничто не можетъ сравниться съ свирѣпостію, какую оказывалъ сей варваръ при исполненіи своей гнусной должности. Въ день, назначенной для

казни, все войско собиралось на обширной зеленой равнинѣ, и составляло кругъ около того мѣста, гдѣ несчастнымъ надлежало погибнуть. Жертвы свирѣпости приводимы были нагя, съ завязанными назади руками. Съ самаго начала спарики должны были терпѣть мученія. Ихъ вѣшали за подбородки желѣзными крючьями и оспаляли въ такомъ положеніи на двенадцать часовъ, до ихъ поръ, пока бѣдственная жизнь ихъ оканчивалась смертію; иногда варвары, желая насытить алчное свое безчеловѣчіе, снимали несчастныхъ съ крючьевъ, потомъ снова вѣшали, для продолженія ихъ терзаній. Людей здоровыхъ и сильныхъ связывали по-двое вмѣстѣ, клали между двухъ досокъ и распиливали. У молодыхъ людей вынимали глаза пробочниками, потомъ живыхъ рубили на мѣлкія части. Дѣтэй бросали въ большіе кошлы, наполненные кипячею водою, или клали на раскаленное желѣзо. Надъ женщинами дѣлали неслыханныя жестокости... Перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ при одномъ объ нихъ напомниманіи.

Біассу былъ въ такомъ же омерзѣніи, какъ и Дессалинъ. Сей послѣдній вмѣстѣ съ Туссенемъ Лувертюромъ и другимъ чиновникомъ, по имени Жанъ Франсуа, согласились сбыть съ рукъ начальника сво-

его Б'ассу, арестовали его и послали въ Сень - Олюзпень, гдѣ онъ умеръ отъ опча- янія. Тусень Лувериюръ оспался единспвен- нымъ главсю колснїи; но скоро Дессалинъ и друіой нѣкіпо Хриспофъ сговорились открьшь пайныя намѣренїя Туссеня Лу- вертюра, которой былъ взяпъ подъ спра- жу и опсланъ во Францію. Дессалинъ мало по малу успѣлъ прибратъ верьховя- ную власпъ къ рукамъ своимъ, учредилъ свою гвардію и генеральный Шпабъ, на- палъ на смежныя обласпи и опустошилъ ихъ до основанїя. Грозныя прокламаціи его довольно извѣстны. Сдѣлавшись Гене- ралъ - Губернаиторомъ оспрова, онъ началъ издерживатъ великія суммы денегъ и са- мымъ сираннымъ образомъ. Войско его проспирается до двадцати тысячъ чело- вѣкъ; кромѣ сихъ едва ли найдется пять тысячъ такихъ, которые могли бы носить оружіе. Въ случаѣ новаго нападенїя со стороны Французовъ, Дессалинъ намѣренъ принятъ такую систему защищенїя, ко- торой неминуемымъ слѣдствїемъ будетъ совершенное разоренїе всѣхъ городовъ коло- ніальныхъ.

(Изъ Нѣм. Журн.)

Письмо изъ Каира.

15 го Октября.

Положеніе наше почти ни мало не перемя-
нилось. Разлишїе Нила, въ нынѣшнемъ
году весьма изобильное, сдѣлало оспановку
въ военныхъ дѣйсвіяхъ. Мамелюки, всегда
несогласные между собою, еще не успѣли
овладѣть Каиромъ: полагающъ, что, по
открытіи кампаніи, они займутъ сей го-
родъ. Безпорядокъ и неповиновеніе господ-
ствуютъ между Албанцами; власть Порты
никѣмъ не признается. Паша Куршидъ
естъ человекъ впрочемъ весьма слабый,
но благонамѣренный и справедливый, когда
никакое постороннее вліяніе имъ не упра-
вляеть. Его могущество очень ограничено;
можно даже сказать, что онъ не имѣетъ
никакой силы, и служишь только орудіемъ
воли Албанскихъ начальниковъ, налагая
ежедневно новыя, подати для удовлетво-
ренія ихъ ненасытимой жадности. Албанцы
не хотяшъ признавать никакого началь-
ника надъ собою; они едва было не умер-
твили Магомета Али, копорой до сего
времени спарался удерживать ихъ въ плен-
новеніи. Каждой день они запираютъ въ
шюрмы или низлагаютъ своихъ 'Офицеровъ,

которые, для сохраненія жизни своей, при-
 нуждены молчать о своихъ правахъ; улицы
 Каирскія не безопаснѣе дремучихъ ѡсовъ,
 наполненныхъ разбойниками. Жители, имѣ-
 ющіе надобность выходить изъ домовъ сво-
 ихъ, одѣваются въ нищенское платье и
 почипаютъ себя весьма счастливыми, если
 такимъ образомъ удастся имъ спастись
 отъ пистолетной пули, или кистеня. Рука
 тиранства не даетъ имъ наслаждаться
 спокойствіемъ въ домахъ своихъ и ежеднев-
 но вынуждаетъ отъ нихъ новыя подати.
 Если уборы домашніе и женскія украшенія
 не стоятъ нѣхъ денегъ, которые запла-
 тить должно грабителямъ, въ такомъ
 случаѣ мнимые пресупники оцвдятся
 въ крѣпость и заключаются въ тюрьмы,
 гдѣ и нынѣ содержится множество почет-
 нѣйшихъ жителей; они освобождаются не
 прежде, какъ по совершенномъ ихъ огра-
 бленіи и по доведеніи до крайней бѣдности.
 Греки, Жиды и Христіане терпятъ ужа-
 сное угнетеніе. Горе тому изъ нихъ, копо-
 рой осмѣлился бы показаться на улицѣ!
 Въ домахъ ихъ остались одни только го-
 лыя стѣны; все продано для уплаты
 налоговъ. Греческій - Патріархъ удалился
 изъ Каира. Не понятнo, до какой степени
 простирается равнодушіе сихъ несчастныхъ
 людей — лишенныхъ всего, даже необходи-

мыхъ житейскихъ потребностей — ежедневно обижаемыхъ и умерщвляемыхъ на порогахъ домовъ ихъ! Шеики съ высокихъ минаретовъ возносятъ мольбы къ небу о низпосланіи гнѣва на тирановъ, и громкими восклицаніями просятъ о прекращеніи терпимыхъ несчастій. До сихъ поръ небо неумолимо.

Неисповество Албанцовъ много помогло бы намѣреніямъ Мамелюковъ, если бы жители Египта, въ короткое время господствованія ихъ, не преперпѣли ужасныхъ припѣсненій. Не смотря на то, въ наспо-ящихъ обстоятельствахъ жители лучше согласились бы находиться подъ правленіемъ Мамелюковъ, если бы могли быть увѣренными, что сіи послѣдніе хотяшъ утвердиться въ столицѣ не для того, чтобъ совершить ея несчастіе.

Въ Каирѣ теперь не наблюдаются никакіе торговые договоры. Совершенно безначаліе ослабило всѣ общественныя связи. Право сильнаго почитается единственнѣмъ закономъ.

Политическіе виды Албанцевъ не могутъ имѣть удачнаго окончанія по причинѣ неповиновенія войска, которое не думаетъ о будущемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Магометъ Али надѣялся на своихъ солдатъ, онъ конечно захотѣлъ бы

ввести образъ правленія, сходный съ прежнимъ правленіемъ Мамелюковъ, оставивъ верховную власнъ въ рукахъ Албанцовъ. Дальность Порты и ея слабое состояніе помогли бы ему въ исполненіи сего намѣренія; но неповиновеніе, безпорядокъ въ войскѣ и ненависть Каирскихъ жишелей къ его солдатамъ остановили его планы. Теперь онъ старается сберечь собственную свою голову отъ Албанцовъ и собрать побольше сокровищъ, чѣобы, въ случаѣ нужды, было съ чѣмъ уйти изъ Каира. Кажется, что и другіе Албанцы имѣютъ то же намѣреніе.

Всѣ Египетскія селенія разорены. Жители не имѣютъ сѣменъ для засѣянія полей своихъ; тираны похитили у нихъ даже способы когда либо пользоваться благадѣянїями неба, напоившаго землю водою Нильскою и обѣщавшаго богатую жатву. Переменныя власпелины сдѣлали для себя аксіомою: лучше умерщвлять, нежели господствовать.

(Изъ Англ. Вѣд.)

Рѣчь , произнесенная Г-мъ Бонапарте въ собраніи Членовъ Законодательнаго корпуса и Донесеніе Министра внутреннихъ дѣлъ Г-на Шампани , читанное имъ 31 го Декабря , за недостаткомъ мѣста въ семъ номерѣ , помѣщены будутъ въ слѣдующемъ.

V.

Извѣстія и замѣтанія.

Разнесшаяся молва о мирныхъ условіяхъ , предложенныхъ будто бы со стороны Франціи Англійскому правительству , сдѣлала глубокое впечатлѣніе въ Лондонѣ , а особливо на биржѣ ; въ томъ самой день , когда получено сіе извѣстіе , денежной курсъ поднялся чепырью процентами. Поводомъ къ тому послужило прибытіе одного Французскаго Офицера изъ Булони въ Дюны съ нѣкоторыми бумагами , которыя онъ отдалъ на берегу Англій для немедленнаго доставленія Министерству. Говорили даже , что въ запечатанномъ конвертѣ находилось письмо отъ самаго Бонапарте къ Королю Георгу , и что въ немъ изъясняется желаніе прекратить бѣдствія войны. Догадливые люди тогда же сомнѣвались

въ испинѣ сего дѣла, и находили спраннымъ особливо то, что Французское правитель-ство поручило доставленіе споль важныхъ бумагъ просному Офицеру; между тѣмъ другіе рѣшительно утверждали, что Бонапарте имѣетъ нужду въ примиреніи, окончивъ благополучно обрядъ своего коронаванія. Даже въ Министеріальныхъ Вѣдомостяхъ писано было, что Бонапарте, по разсчетами политическимъ, долженъ по крайней мѣрѣ припворяться, будио же-лаетъ мира, почитая нужнымъ его для увѣренія Европы и Франціи въ миролюбивыхъ своихъ намѣреніяхъ и для возбужденія военнаго энтузіазма въ новыхъ своихъ подданныхъ. Въ Парижѣ равнымъ образомъ долгое время ласкали себя пріятною увѣренностію, что дѣйствительно идутъ переговоры о мирѣ между обѣими воюющими Державами. Частые переѣзды канонерныхъ лодокъ подъ мирнымъ флагомъ изъ Булони въ Дюны и обратно питали сію надежду. Наконецъ теперъ уже извѣстно, что дѣло идетъ совсѣмъ не о мирѣ, но о *размѣнѣ плѣнныхъ*. Однакожъ, должно ли было бы удивляться, если бѣ Г. Бонапарте въ самомъ дѣлѣ предложилъ условія о прекращеніи войны? Заключивъ миръ, онъ оставилъ бы намѣреніе свое завоевать Англію, намѣреніе, которое, не смотря на сдѣла-

ныя приготовленія къ высадкѣ, весьма
 прудно произвеси въ дѣйство; тогда,
 не встрѣчая сильнаго препятства, онъ
 удобнѣе достигъ бы до предмета своихъ
 желаній, то есль заставилъ бы Европу
 признасть себя Французскимъ Государемъ.
 Но кто поручится, что Г. Бонапарте
 согласится на справедливыя условія,
 отказавшись уже удовлетворить умѣрен-
 ныя требованія Двора Россійскаго? Захо-
 четъ ли онъ вывести войска свои изъ
 Италіи и Германіи? возвратитъ Сардин-
 скому Королю его владѣнія? можетъ ли
 увѣрить Европу въ томъ, что станетъ
 уважать права народныя? Ежедневные
 опыты честолюбивыхъ его замысловъ до-
 казываютъ совсѣмъ проотивное. Присвоеніе
 неограниченной власти надъ союзными
 Республиками, введеніе неслыханныхъ пере-
 мѣнъ въ образѣ ихъ правленія, сочиненіе
 Конкордата для Германіи безъ воли и
 согласія Имперскаго Сейма, все свидѣ-
 тельствуетъ, что Г. Бонапарте не
 заботится о политическомъ равновѣсіи,
 необходимо нужномъ для спокойствія
 и безопасности Европы. Теперь уже на-
 вѣрное извѣстно, что Графъ Кобенцель
 подалъ Г-ну Бонапарте Ноту, въ которой
 изображено, что предполагаемое возведеніе
 Иосифа Бонапарте въ достоинство Короля

Ломбардскаго совершенно противно постановленіямъ, заключеннымъ между Франціею, Австріею и Россіею. Г. Бонапарте отправилъ въ Вѣну къ Римскому Императору нарочнаго Генерала съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ ясно и удовлетворительно оправдываетъ свой поступокъ. Говорящъ, что Іосифъ сперва упорно отказывался отъ принятія Ломбардской короны, желая удержать при себѣ право на Французскую, въ такомъ случаѣ, когда умеръ бы Наполеонъ бездѣшнымъ. Однакожъ неудобство сіе отвлеченно шѣмъ, что по смерти Наполеона Іосифу предоставляеиша выборъ между двумя Государствами. На семъ условіи Іосифъ подписалъ отреченіе отъ Французскаго престола и скоро отправится въ Италію. Прибавляютъ еще, что Папа въ другой разъ совершитъ коронованіе, и въ Февралѣ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ Наполеономъ и новымъ Королемъ, поѣдетъ въ Миланъ. Уже гвардія Г-на Бонапарте и отрядъ Мамелюковъ выступили въ походъ въ Италію; полкамъ Италіанской Республики также дано повелѣніе изготovitъ къ походу.

Г. Бонапарте неотступно пребудетъ отъ всѣхъ Государствъ Италіанскихъ, которые до сихъ поръ оставались неутральными, чтобы они непременно прислали

къ какой нибудь сторонѣ. Взавъ сторону Франціи и Испаніи, они должны запереть для Англичанъ всѣ свои пристани и не впускать ни одного корабля купеческаго, принадлежащаго сей націи. Дворы Флорентинскій и Римскій уже согласились на предложеніе Г-на Бонапарте; вразсужденіи же Неаполитанскаго Королевства еще ничего не слышно. — По письмамъ изъ Парижа видно, что новой образъ управленія въ Голландіи откроется въ одно время съ переменами въ Италіи; слѣдственно совершенія великаго дѣла сего надлежитъ ожидать прежде отъѣзда Г-на Бонапарте.

Въ Мадридѣ всѣ увѣрены, что Португаллія заключила союзъ съ Испаніею и объявила себя *непріятельницею Англіи*. Еще не извѣстно назначеніе тайной Англійской экспедиціи. Люди, достоинные вѣроятія, увѣдомляютъ изъ Лиссабона, что сія экспедиція непременно должна отправиться въ Бразилію, самую лучшую и богатѣйшую Португальскую колонію въ южной Америкѣ. Напрошивъ того Испанцы ожидаютъ появленія оной передъ Ферролемъ. Городъ сей укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ и готовъ защищаться съ упорностію. Теперь Испанія представляетъ зрѣлище,

достоинное вниманія Политиковъ. Не смотря на долговременное бездѣйствіе, на претерпѣнныя опустошенія отъ заразы, на потерянїе сокровищъ, отнятыхъ Англичанами, народъ Испанскій удивляетъ всѣхъ своею бодрою дѣятельностію, какою онъ славился еще въ 15 мѣ и 16 мѣ столѣтїяхъ. Не Мексиканское золото можетъ вознести Испанію на прежнюю степень величїя; нѣтъ, одно мужество удобно произвестъ такое чудо. Мужествомъ Испанцы прїобрѣли себѣ Американскія богатства. Сухопутныя силы Его Каполическаго Величества простираются теперь до 100,000 человекъ; флотъ состоитъ изъ 60 кораблей линейныхъ. Сѣ ополченіе не можетъ быть пятюстно для такого Государства, въ которомъ считается десять милліоновъ жителей. Не война опустошаетъ области. Населеніе Франціи не уменьшилось, не смотря на продолжительныя войны съ сильнѣйшими Державами Европейскими. Римъ никогда не былъ столь многочисленнымъ, какъ въ то время, когда велъ войну съ цѣлымъ свѣтомъ. Испанія еще хранитъ въ себѣ сѣмена благоденствїя и величїя. Ея положеніе защищаетъ ее отъ непрїятельскаго нашествїя, пока она будетъ союзницею Франціи. Природа, положивъ границы (Пиринейскія горы) между сими

двумя Государствами, утвердила общую ихъ безопасность. Испанія защищается двумя морями, и имѣетъ у себя болѣе войска, нежели сколько нужно для сопротивленія Англичанамъ и для охраненій колоній. По первому знаку отъ правительства, Испанецъ одушевившися храбростію и безспрашно явится на полѣ брани. Всѣ народы увѣрены въ томъ, что военные подвиги суть источники прямой чести и чувства своего достоинства, а особливо для того, кто сражается за свое отечество. Война даетъ начало благородному сословію. Не любовь ли ко славѣ спасла Францію при Карлѣ VII, Генрихѣ IV, Лудовикѣ XIV? не она ли вознесла Испанію на верхъ величія при Фердинандѣ и Карлѣ V? Англичане напали на Испанію и Португаллію съ оружіемъ по видимому не спрашнымъ, но въ самомъ дѣлѣ очень опаснымъ. Возбудивъ жадность къ корыстямъ и пріобрѣтенію, они усыпили воинственный духъ въ сихъ Государствахъ; вмѣстѣ съ своими товарами, съ своимъ золотомъ, съ предметами роскоши, они ввезли нѣгу и ослабленіе; напали на благоденствіе странъ сихъ въ самомъ его началѣ и источникѣ. Наконецъ обнаружилась гордость Брипанцевъ, и Испанія почувствовала, что она сотворена для независи-

ности. Сія счастливая переменна возвѣщена въ прокламаціи Князя Мира, наполненной прекрасными и сильными выраженіями. Кію такъ приготавливается къ побѣдамъ, шопъ заслуживаетъ бытъ побѣдителемъ.

(Изв. Аргуса.)

Наконецъ Маршалъ Брюнъ дѣйстви-тельно выѣхалъ изъ Конспантинополя. Получивъ съ нарочнымъ курьеромъ изъ Франціи повелѣніе непременно оставить Турецкую столицу, если Порша въ продолженіе чешырехъ дней не признаетъ Г. де Бонапарте Императоромъ, онъ объявилъ его Министерству, и не дождавшись удовлетворительнаго отвѣта, отправился въ путь 15.го числа Декабря мѣсяца. Г. Парандъ осшался въ Конспантинополѣ въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ. — Сверженный Капитанъ. — Паша признался, что получилъ отъ Измаила - Паша въ подарокъ 100,000 піаспровъ, за то, чтобы смотрѣлъ сквозь пальцы на выдачу Порцѣ сокровищъ извѣстнаго Джеззара Паша; онъ представилъ упомянутую сумму Султану, которой изъ уваженія къ особамъ, представившимъ за Капитана - Пашу, пожаловалъ ему пенсіонъ, по 500 піаспровъ на мѣсяць, и велѣлъ ему жить въ

Брузѣ , Азі́йскомѣ городѣ , лежащемъ у подошвы горы Олимпа. Въ достоинство Капитана - Паша возведенъ Боспанжи - Паша, человекъ не имѣющій никакихъ познаній въ мореходствѣ. Султанъ опредѣлилъ ему жалованья 250.000 піаспровѣ. До сихъ поръ Капитанъ - Паша отдавалъ отчетъ въ поведеніи своемъ только Султану ; теперь Порта учредила особый департаментъ подъ начальствомъ одного Тефтердара , которому подчиняется Капитанъ - Паша и слѣдственно изъ Генералъ - Адмирала дѣлается простымъ начальникомъ эскадры. Въ сухопутныхъ силахъ произойдутъ великія перемѣны ; Порты опредѣлила , чтобы впредь войска, назначаемыя для охраненія крѣпостей , городовъ , дворца и проч., составлены были изъ людей , пріученныхъ къ строгому порядку военному. — Къ Пашѣ Багдадскому послано повелѣніе выступить съ войскомъ противъ Вегабисовъ , которые опустошаютъ страны , лежащія около рѣки Тигра.

Слухи о смерти Гайдна оказались несправедливыми. Нѣмецкіе и Французскіе Газетеры взаимно обвиняютъ одни другихъ въ разсѣянніи ложныхъ вѣстей , а особливо

здѣсь упомянутой. Въ нѣкоторыхъ Французскихъ городахъ отправлены были печальныя церемоніи въ память мнимаго покойника.

Въ 17 й день Генваря совершено торжественное открытіе Харьковскаго Университета.

7 го Числа нынѣшняго мѣсяца скончался въ Москвѣ опсавный Генераль-Аншефъ и Кавалеръ Пётръ Дмипріевичъ Еропкинъ, назабвенный въ лѣтописяхъ и сердцахъ гражданъ древней столицы дѣятельностію, оказанною имъ въ прекращеніи извѣстнаго мясежа, случившагося въ 1771 году. Здѣсь помѣщаются двѣ эпитафїи, въ память покойника.

1.

Миръ праху твоему, другъ мира и добра!...
 Не пышность мрамора, не прелестъ серебра
 Ко гробу твоему взоръ съ сердцемъ привле-
 каютъ;
 На немъ безцѣнныя сокровища блистаютъ:
 Любовь къ отечеству и длинный рядъ заслугъ,
 Смиренье, правота и твердой, сильной духъ.

Сашурнѣ махнулѣ косою , и Еропкинѣ спалѣ —
прахѣ.

Но съ тѣломѣ добрыя дѣла не умираютѣ ;
Заслуги намѣ его живымѣ изображаютѣ.
О ! сколь пріятно жить въ чувствительныхѣ
сердцахѣ !

А. Грузинцовѣ.

Издатель Вѣстника Европы, покорнѣй-
ше благодаря неизвѣстныхѣ господѣ Корре-
спондентовѣ, увѣдомляющихѣ его о разныхѣ
произшествіяхѣ, проситѣ ихѣ означать
имена свои подѣ письмами, равнымѣ обра-
зомѣ объявляющѣ Издателю, отѣ кого они
получили свѣденіе о событіяхѣ, копорыя
хотятѣ сдѣлать извѣстными Публикѣ ;
въ противномѣ случаѣ Издатель Вѣстника
не почтетѣ для себя дѣломѣ дозволеннымѣ
увѣдомляющѣ Читателей своихѣ о томѣ,
въ чемѣ, по недостатку доказательствѣ,
самѣ не можетѣ быть увѣреннымѣ.

К.

Конецѣ ХІХ Частн.

О Г Л А В Л Е Н І Е
ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Г Е Н В А Р Ь. № 1.

	Стран.
I. Письмо къ Издателю.	3
II. Отрывки изъ Журнала одного путешественника, бдущаго изъ Финляндіи въ Италію. (соч. Г. Коцебу.)	11
III. Уборной столникъ.	22
IV. Герцогъ Швазель и Іезуиты; анекдотъ.	28
V. Мыслье Фонтенеля о Кантѣ.	31
VI. Нѣсколько словъ о жаготѣ Парижскихъ прѣсѣнцъ.	36
VII. Объ Авторской враждѣ.	38
VIII. Переводъ Французскихъ стиховъ.	42
IX. Эпиграфія.	—
X. Эпиграмма.	43
XI. Смѣсь.	44
XI. О Виабиссахъ.	49
XII. Взглядъ на произшествія 1804 го года.	65
XIII. Извѣстія и замѣчанія.	73

Г Е Н В А Р Ь. № 2.

	Стран.
I. О путешествіи Іосифа Аверби на Сѣверной мысь.	85

	Стран.
II. Рюрикъ, Исторической отрывокъ.	99
III. Выписка изъ завѣщанія колостан- го старика.	111
IV. Нравы и обыкновенія знатныхъ дѣвицъ пятнадцатаго вѣка.	117
V. Юбилей.	121
VI. Танцы.	124
VII. Убогой, Драма Г-на. Мерсье.	126
VIII. Къ А* Ф* С — ой.	129
IX. Эпиграммы.	—
X. Смѣсь.	130
XI. О Весахъ (окончаніе).	137
XII. Опрежденіе Сен - Доминскихъ Негровъ о поднесеніи Генералу Дессалину Императорскаго достоинства, и прокламація сего Генерала.	154
XIII. Статистическія извѣстія о ны- нѣшнемъ состояніи Австріи.	150
XIV. Извѣстія и замѣчанія.	154

Ф Е В Р А Л Ъ. Но 3.

	Стран.
I. Въ чемъ нынѣшніе Артисты пре- возходятъ древнихъ.	173
II. Анекдоты изъ жизни Вильгельма I, Короля Прусскаго.	193
III. О книжной цензурѣ въ Россіи.	199
IV. Письмо Г-на Коцебу изъ Портнчи.	204
V. Извлеченіе изъ письма Г-на Гай- тера къ Принцу Валлисскому, писаннаго скоро по прибытіи перваго изъ нихъ въ Королев- ство Неаполитанское.	214

	Стран.
VI. Орель и змѣя.	220
VII. Эпиграммъ.	—
VIII. Смѣсь.	221
IX. Изълеченіе изъ письма, писаннаго изъ Парижа 120 Ноября прошлаго года.	228
X. Отрывокъ изъ другаго письма, писаннаго изъ Парижа.	245
XI. Извѣстія и замѣчанія.	248

Ф Е В Р А Л Ъ. No 4.

	Стран:
I. Миценіе. Историческая новѣсть А. Лафонтена.	259
II. Начертаніе чужденія для Республики Литтераторовъ.	280
III. О превосходствѣ древнихъ языковъ.	285
IV. Отъ чего Рускіе Нѣмцовъ называютъ Нѣмцами?	289
V. О древности Романовъ.	295
VI. Память друга. 1803.	298
VII. Смѣсь.	300
VIII. Исторія и теорія Статистики.	305
IX. Рѣчь, говоренная Наполеону Бонапарте Президентомъ Сената, Г-мъ Невшато.	315
X. Жанъ-Жакъ Дессалинъ, начальникъ Сен-Домингскихъ Негровъ.	328
XI. Письмо изъ Каира. 15го Октября.	329
XII. Извѣстія и замѣчанія.	333